

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2025
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (572) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Имхотеп* (XXVIII век до н. э. — XXVII век до н. э.), древнеегипетский мудрец, архитектор, астролог периода Древнего царства, визирь (чати) Джосера (первого фараона III династии (2630–2611 годы до н. э.).

О рождении, детстве да и вообще о происхождении этого великого человека известно очень мало. Дело в том, что родился Имхотеп в семье простолюдина примерно в XXVII веке до н. э. Его отцом считают Канефера, а мать его была Херду-анх, из рода чиновников.

Имхотеп спроектировал первую ступенчатую пирамиду в Саккаре близ Мемфиса — усыпальницу Джосера, а также комплекс архитектурных сооружений, окружающих пирамиду. Именно он считается изобретателем пирамидальной архитектурной формы и основоположником архитектурной традиции всего Древнего царства, строившейся на использовании пирамидальной формы в проектировании царских захоронений. Кроме того, есть основания считать Имхотепа изобретателем колонны в зодчестве.

Имхотеп пережил Джосера. На северной стене, окружающей комплекс недостроенной пирамиды преемника Джосера Сехемхета, было обнаружено имя Имхотепа, что говорит о его возможном участии в строительстве и этой гробницы. Обычно его также считают творцом храма в Эдфу.

Имхотепу приписывается также основание египетской медицины. В частности, он считается автором папируса Эдвина Смита — фундаментального медицинского исследования, которое хоть и относится к 1700–1550 до н. э., но основано на материалах, известных с Древнего или даже Раннего царства. В этом папирусе впервые определяются реальные причины многих болезней. В частности, рассматриваются 48 травматических случаев, каждый с описанием физического обследования, лечения и прогноза. Известный канадский практикующий медик XIX века Уильям Ослер назвал Имхотепа отцом медицины и «первым медиком, чья личность выступает из тумана древности».

Имхотеп считается автором первого литературного произведения, известного как «Поучения Имхотепа». Но поскольку это произведение не сохранилось до нашего времени, то официально первым известным нам образцом подобной литературы является «Поучение Птаххотепа», написанное от имени визирия фараона Джемкара Исеси (2414–2375 до н. э.) из V династии.

Авторитет Имхотепа в последующие периоды египетской истории был столь велик, что он считался величайшим муд-

рецом всех времен, обладавшим волшебной силой. Первые признаки почитания Имхотепа как полубога встречаются уже через столетие после его смерти. В эпоху Нового царства оформилось обожествление Имхотепа в качестве бога врачевания и покровителя целителей. Кроме того, он наряду с Тотом слыл божественным покровителем писцов и всего их ремесла. Американский египтолог Джеймс Генри Брэстед писал: «В жреческой мудрости, в сложении мудрых пословиц, в медицине и архитектуре этот замечательный человек эпохи Джосера стал настолько широко известен, что его имя никогда не было забыто. Он сделался вдохновителем писцов будущих поколений».

В египетской мифологии Имхотеп считался сыном мемфисского бога-творца Птаха (и чаще всего богини-львицы Сехмет). Он изображался в виде юноши, сидящего с развернутым папирусом. Будучи также покровителем искусств, он был связан с Хатхор, Маат и другим визирем и архитектором, позже обожествленным, — Аменхотепом, сыном Хапу, жившим во времена фараона XVIII династии Нового царства Аменхотепа III.

Позднейшая греческая традиция (начиная с V века до н. э.) отождествляла бога Имхотепа с Асклепием. С последним отождествляется созвездие Змееносца. Таким образом, Имхотеп является единственной реальной личностью, «ставшей» созвездием. Культ Имхотепа достиг своего апогея в греко-римский период, когда его храмы в Мемфисе и Филах на Ниле были заполнены толпами немощных и больных, стремившихся добиться исцеления, оставаясь на ночь в святилище.

Некоторые египтологи приравнивали Имхотепа к Иосифу из Библии, основываясь на том, что он был первым лицом после фараона Джосера и в это время в Египте, судя по сохранившимся источникам, была семилетняя засуха. Это подтверждает Стела голода.

Некогда почитаемая гробница Имхотепа до сих пор так и не найдена. Уолтер Эмери возобновил раскопки на раннем династическом некрополе в 1964 году после перерыва длительностью почти девять лет. Но его работы этих лет никогда не издавались и оставались лишь предварительными докладами. Что на самом деле было обнаружено в эти сезоны раскопок — так и осталось тайной.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Ивасенко И. Е.**
Неоказание помощи больному
как форма нарушения права на жизнь
и охрану здоровья..... 243
- Калауов Т. Н.**
Краткий анализ Федерального закона
от 31.07.2020 № 259-ФЗ 245
- Кирсанова М. А.**
Вопросы правового режима имущества
супругов по брачному договору 250
- Кириянов К. Г.**
Эволюция права собственности
юридических лиц в России:
исторический и современный контекст 252
- Клоненгер А. И.**
Международный опыт противодействия
злоупотреблению процессуальными правами
в судебном процессе 256
- Коновал А. И.**
Анализ и использование нормативных
и правовых документов в системе
материально-технического обеспечения
муниципального учреждения..... 260
- Косян А. А.**
Практическое применение
криминалистического моделирования
личности преступника в раскрытии
неочевидных преступлений 262
- Кретов Б. Ю.**
Закономерности собирания доказательств
в ходе предварительного расследования
преступлений 265
- Кретов Б. Ю.**
Основные характеристики системы
доказательств по уголовному делу 267
- Кругликова Е. А.**
Этапы становления и развития приказного
производства в России 269
- Кудрявцева Д. Т.**
Права, обязанности
и ответственность потерпевшего
в уголовном судопроизводстве 272
- Kuznetsova N. V.**
Foreign experience in considering cases
on protection of honor and dignity
of the individual 274
- Кулишова В. В.**
Институт презумпции вины: правовые
основы и практическое значение 276
- Куляев В. А.**
Уголовно-правовая характеристика
субъективных признаков состава нарушения
правил безопасности при ведении
строительных или иных работ 278
- Куляев В. А.**
Проблемы квалификации противоправных
деяний по статье 216 УК РФ 280
- Latysheva A. A.**
Some problems of administrative legal
proceedings 282
- Лоскутова К. В.**
Законодательные меры по снижению
загрязнения воздуха автомобильным
транспортом 283
- Мальцева М. О.**
Проблемы реализации конституционного
права граждан на равный доступ
к государственной службе..... 285
- Мамедов Т. А.**
Полномочия следователя на стадии
возбуждения уголовного дела 287
- Мануйлова А. В.**
К вопросу о противодействии
преступлениям, связанным с вовлечением
несовершеннолетних в совершение
преступлений 289
- Михайлов Э. Г.**
Понятие и виды судебных экспертиз
в уголовном судопроизводстве 291
- Моцонелидзе М. Г., Игнатова И. В.**
Роль таможенных органов России в борьбе
с оборотом контрафактной продукции 293

Мустафаева М. Т.

Актуальные проблемы правового регулирования представительства в гражданском судопроизводстве 298

Новиков Н. В., Ширинянц М. А., Ткаченко О. В.

Правовое регулирование инклюзивного туризма: международный и национальный опыт 299

Новикова Е. Л.

Основные проблемы банкротства физических лиц и пути их решения 302

Охапкина А. Д.

Признаки преступления как системообразующих элементов уголовно-правовой квалификации 304

Пекшеева А. С.

Правовое регулирование противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма в России 306

Радионов И. А.

Сравнительный анализ институтов недействительности сделок в разных правовых системах: российский и зарубежный опыт 308

Рашидова М. О.

Правовой аспект преступлений, связанных с экстремистской деятельностью 311

Рашидова М. О.

Психологические механизмы преступлений, связанных с экстремистской деятельностью ... 313

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Неоказание помощи больному как форма нарушения права на жизнь и охрану здоровья

Ивасенко Ирина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Донскова Ксения Геннадьевна, старший преподаватель

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье автор исследует особенности юридической характеристики состава преступления, связанного с неоказанием помощи больному, его проблемы квалификации и пути совершенствования уголовного законодательства за неоказание помощи (ст.124 УК РФ).

Ключевые слова: неоказание помощи больному, медицинская помощь, больной, медицинский работник, здравоохранение.

В Российской Федерации охрана здоровья граждан является приоритетной задачей, которая отражена в статье 41 Конституции РФ, устанавливающей право каждого человека на бесплатную медицинскую помощь и охрану здоровья в государственных и муниципальных медицинских учреждениях [1].

Среди преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (Далее — УК РФ) выделяются деяния, выраженные в пассивной форме, т. е. в бездействии. В частности, к ним относится неоказание помощи больному.

Неоказание помощи больному регламентируется статьей 124 УК РФ, предусматривающая несовершение лицом без законных оснований действий, необходимых для помощи пострадавшему, которые оно могло и обязано было предпринять, что повлекло причинение средней тяжести вреда или смерть больного [2].

Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека. [7, с. 56].

Объективная сторона преступления выражается в неоказании помощи больному без уважительных причин. При этом отсутствие таких причин является обязательным условием.

Под уважительной причиной принято считать законные основания для объяснения или оправдания невыполнения определенных обязательств или действий. В случае неоказания помощи больному принято выделять следующие причины:

- природные и техногенные катаклизмы, включающие в себя естественные процессы на земле, в воде и воздухе;

- массовые беспорядки, совершаемые организованными группами или несанкционированные гражданские акции, а также другие формы противоправного поведения, например, создание физических препятствий для работы медицинского персонала);

- личные обстоятельства, включающие в себя внезапное заболевание медицинского работника, в т.ч с госпитализацией, травмы и иные психофизическое состояние врача в момент, когда помощь не была оказана;

- приоритетность выбора, означающая ситуации, при которых несколько пациентов одновременно находятся в состоянии, угрожающем их здоровью или жизни. В таких случаях, при рассмотрении уголовно-правовых аспектов правомерности неоказания помощи одному из пациентов, ключевую роль играют детали конкретной ситуации: время поступления вызова, реальные возможности прибытия к пациенту, а также визуальные признаки тяжести его состояния и другие существенные факторы [5, с. 2].

Потерпевшим считается больной, характеризующийся лицом, чье здоровье находится в критическом состоянии и нуждается в срочной медицинской или иной неотложной поддержке, отсутствие которой с высокой вероятностью может привести к серьезным последствиям для здоровья, включая летальный исход.

Однако, размытость границ медицинского определения «больной» позволяет отдельным исследователям интерпретировать его более широко в контексте уголовного права. Ряд авторов, определяя признаки потерпевшего в преступлениях, связанных с неоказанием помощи больному, придерживаются мнения, что таковым может являться не только человек, имеющий какое-либо забо-

ление, но и лицо, не страдающее болезнью, однако нуждающееся в медицинской помощи (женщины в процессе родов).

Данная неопределенность понятия «больной» в ст. 124 УК РФ является одной из проблем при квалификации преступления, путь решения которой заключается в том, чтобы законодательно установить четкое и однозначное определение термина «больной», а также внести ясность в критерии определения потерпевшего, либо увеличить список лиц, которым необходимо оказывать помощь.

Состав преступления — материальный, так как преступление признается оконченным с момента причинения средней тяжести вреда здоровью больного.

При этом, квалифицированным видом преступления является то же деяние, если его результатом были смерть больного.

Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности.

Важно отметить, что некачественная или же неверно назначенная медицинская помощь не приравнивается к неоказанию помощи больному. Исходя из наступивших последствий, подлежит квалификации согласно ч.2 ст. 118 УК РФ или ч. 2 ст. 109 УК РФ. Кроме того, причинение легкого вреда здоровью исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по статье 124 УК РФ.

А также, если в ходе рассмотрения дела выяснится, что лицо, посредством неоказания помощи, преследовало цель нанесения вреда здоровью пострадавшего или его гибели, либо сознательно допускало такие последствия или проявляло к ним равнодушие, то следует квалифицировать такое преступление как умышленное посягательство на интересы потерпевшего, ответственность за которое наступает по ст. 105, 111, 112 УК РФ, без вменения ст. 124 УК РФ.

Субъект преступления специальный — физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, обязанное в соответствии с законом или со специальным правилом оказывать помощь больному.

Анализ судебной практики показывает, что чаще всего привлекаемыми к ответственности по статье 124 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются медицинские работники.

К медицинским работникам Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» относит лиц, которые имеют медицинское образование, работают в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которых входит осуществление медицинской деятельности, либо лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, непосредственно осуществляющими медицинскую деятельность [3].

Между тем, встречаются точки зрения, согласно которым признаки рассматриваемого правонарушения

могут включать и пассивное поведение лиц, не имеющих прямого отношения к медицине. По мнению Ф. Ю. Бердичевского, данное преступление способно проявляться не только в непредоставлении медицинской помощи, но и в отказе в оказании помощи иного рода (например, отказ фармацевта в телефонном звонке с целью вызова неотложной помощи, или отказ водителя скорой в транспортировке больного) [6, с. 20].

Из вышеуказанных доводов, вытекает еще одно противоречие, заключающееся в отсутствии четкого указания в законе, какой именно тип помощи должен оказывать виновный в совершении преступления, что в дальнейшем затрудняет квалификацию преступления за неоказание помощи.

Ввиду отсутствия на текущий момент разъяснений Пленума Верховного суда РФ по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных статьей 124 УК РФ при применении данных норм, имеет место возникновение ошибок при оценке содеянных преступлений.

Так, согласно статистическим данным, расположенным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ осуждено 512 845 граждан, из них по преступлениям против жизни и здоровья — 55 730 чел., в том числе — 7 человек по ч.2. ст. 124 УК РФ.

Анализ показывает, что число решений, вынесенных в соответствии со статьей 124 УК РФ, сравнительно невелико. Вероятно, это обусловлено тем, что трудности возникают уже на этапе определения правовой оценки действий.

Из недавней судебной практики, можно выделить уголовное дело № 1–456/2024 от 05 декабря 2024 года по обвинению врача акушера-гинеколога Исаевой Л. З. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст.124 УК РФ.

Врач Исаева Л. З., находясь на дежурстве, допустила противоправное бездействие, нарушив положения своей должностной инструкции. Обладая необходимыми знаниями и опытом, она не провела необходимый комплекс диагностических мероприятий для установления диагноза и выбора тактики лечения потерпевшей.

В результате нарушений, допущенных Исаевой Л. З., процесс диагностики был значительно затянут, что привело к несвоевременному оказанию необходимой медицинской помощи без каких-либо обоснованных причин. Это, в свою очередь, по неосторожности повлекло за собой причинение тяжкого вреда здоровью пациентки, хотя при должной осмотрительности и внимании врач должна была и могла предвидеть наступление подобных последствий.

По решению суда, Исаева Л. З. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на один год [4].

Таким образом, исследование неоказания помощи больному представляет значительный интерес для науки уголовного права, а также совершенствования уголовного законодательства и практики его применения.

Литература:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954;
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция);
4. Приговор Советского районного суда г. Астрахани по уголовному делу № 1–456/2024 от 05.12.2024 года — URL: — <https://судебныерешения.рф/84179696/extended>;
5. Амелина, А. С. Уважительные причины не оказания помощи больному как основания для исключения уголовной ответственности / А. С. Амелина. — Текст: непосредственный // Медицинское право. — Москва: Юрист, 2018. — С. 3;
6. Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. — Москва: Юрид. лит., 1970. — 128 с.;
7. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть / В. Б. Боровиков. — 7-е изд. — Москва: Юрайт, 2025. — 479 с. — Текст: непосредственный;

Краткий анализ Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ

Калауов Тимур Нурпеисович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В данной научной статье произведено исследование Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ. Также проведен сравнительный обзор международного опыта и предоставлены практические рекомендации по совершенствованию правовой базы Российской Федерации.

Ключевые слова: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ, Федеральный закон о ЦФА, ЦФА, криптовалюты, ICO.

В данной статье рассматривается современное законодательство Российской Федерации, касающееся криптовалюты и цифровых финансовых активов (ЦФА). В последние годы наблюдается значительная динамика в правовом регулировании области криптовалют, что обусловлено как растущей популярностью цифровых денег, так и потребностью в защите прав участников рынка. Криптовалюты, такие как биткойн и эфириум, получили признание не только среди инвесторов и пользователей, но и среди государственных органов, что привело к необходимости разработки законов и правил, которые обеспечивают легитимность и безопасность операций с этими цифровыми активами.

Одной из ключевых инициатив в области регулирования стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Этот закон стал первой значимой попыткой систематизировать и легализовать использование криптовалют и ЦФА в Российской Федерации. В нем устанавливаются основные определения, связанные с ЦФА, регулируются права и обязанности участников рынка, а также прописываются требования к эмитентам цифровых активов. Закон стремится обеспечить правовую ясность и защитить интересы как инвесторов, так и пользователей криптовалют. Однако рядом экспертов отмечается, что существующее за-

конодательство пока не охватывает все аспекты, связанные с криптовалютами, такие как налогообложение, правовой статус ICO и многие другие важные вопросы, что создает правовые пробелы и риски для участников рынка [9].

Настоящее исследование направлено на анализ действующего законодательства в сфере криптовалют в России. Основное внимание будет уделено не только анализу существующих норм, но и выявлению недостатков и противоречий, которые могут негативно сказаться на развитии криптовалютного рынка в стране. Мы также рассмотрим новые инициативы, направленные на совершенствование законодательной базы и последствия, которые могут возникнуть в результате их внедрения. Важно отметить, что успех нового законодательства во многом зависит от его практического применения и адаптации, что обуславливает необходимость мониторинга юридических и экономических изменений на рынке цифровых активов [23]. В конечном итоге мы надеемся, что результаты нашего исследования помогут лучше понять текущую ситуацию в области правового регулирования криптовалют в Российской Федерации и предложат рекомендации по улучшению существующего законодательства.

В последние годы вопрос правового регулирования криптовалют и цифровых финансовых активов (ЦФА) в Российской Федерации стал одним из самых обсу-

ждаемых в юридических и экономических кругах. Значительное внимание к этой теме требует комплексного анализа существующих нормативно-правовых актов, направленных на упорядочение и легализацию операций с криптовалютами и цифровыми активами.

Важнейший шаг к формированию правовой базы в этой области был сделан с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Этот закон определяет общие понятия, касающиеся ЦФА и криптовалют, и в частности устанавливает правовой статус, определяющий обязательства эмитентов и порядок обращения с этими активами. Важной частью этого законодательства является указание на то, что криптовалюта не является законным средством платежа, что отличает ее от традиционных валют и создает правовые границы для ее использования на территории страны [3].

Кроме того, закон вводит меры по защите прав инвесторов, что в значительной степени отвечает на острые вопросы, возникшие на фоне бурного роста рынка криптовалют. Важную роль в системе регулирования играют также другие нормативно-правовые акты, такие как Гражданский кодекс Российской Федерации, где представлены положения о договорах, связанных с цифровыми активами, и закон об азартных играх, который определяет правила ведения бизнеса в сфере криптотехнологий.

Однако, несмотря на принятие важного законодательства, остается множество пробелов, неурегулированных вопросов и неопределенностей. К примеру, правовой статус ICO (первичных предложений монет), налогообложение операций с цифровыми активами и защита прав потребителей в этой сфере требуют дальнейшего изучения и более детальной проработки норм [7]. Высокая степень неопределенности порождает риски для участников рынка и ставит под сомнение легитимность проводимых операций.

В ходе исследования были изучены основные законодательные инициативы, касающиеся криптовалют, а также зарубежный опыт, который может послужить примером для создания более эффективной правовой базы в России. Это включает в себя нормативные акты других стран, таких как США, Китай и страны Европейского Союза, где подходы к регулированию криптовалют значительно отличаются и демонстрируют как положительные, так и отрицательные аспекты.

Таким образом, комплексный анализ существующих нормативно-правовых актов, регулирующих криптовалюту и ЦФА в Российской Федерации, показывает, что, хотя определенные шаги к легализации были предприняты, необходимы дальнейшие усилия для устранения правовых неопределенностей и создания безопасной среды для инвестирования в криптовалютные технологии.

В процессе исследования законодательства, касающегося криптовалюты и цифровых финансовых активов (ЦФА) в Российской Федерации, применялись различные методы анализа документов, которые позволили полу-

чить всестороннее понимание существующей правовой ситуации и выявить ключевые аспекты регулирования. Основными методами, использованными в данной работе, стали сравнительный и концептуальный подходы.

Сравнительный метод позволил проанализировать правовые нормы, относящиеся к криптовалютам в разных юрисдикциях. Мы изучили опыт таких стран, как США, Великобритания, Япония и государства Европейского Союза. Сравнение различных подходов к регулированию криптовалюты дало возможность выявить как эффективные практики, так и недостатки существующих моделей. Такая практика позволяет не только видеть, какие механизмы работают успешно в других странах, но и понять, какие ошибки были допущены, что может служить предупреждением для российского законодательства [15].

Концептуальный подход, в свою очередь, был использован для более глубокой проработки базовых понятий и категорий, связанных с цифровыми активами. Он включает в себя исследование теоретических основ, относящихся к криптовалютам, и анализ концепций цифровой экономики. Этот метод позволяет не просто зафиксировать текущее состояние законодательства, но и выработать новые идеи и рекомендации на основе глубинного понимания существующих проблем и вызовов в данной области. Концептуальный подход также включает в себя изучение взаимосвязи между правовым регулированием криптовалют и развитием финансовых технологий, что, в свою очередь, открывает новые горизонты для перспективного анализа будущих преобразований в данной области [25].

Важно отметить, что методы исследования дополняют друг друга, обеспечивая комплексный обзор тематики и позволяя создать целостную картину текущего состояния правового регулирования криптовалют. В ходе анализа использовались как первичные, так и вторичные источники — федеральные законы, постановления и рекомендации, а также научные статьи и отчеты аналитических центров, что максимизировало достоверность полученных данных и выводов.

Формирование критического взгляда на предмет исследования стало возможным благодаря комбинации перечисленных методов, что обеспечило многослойное осмысление изучаемой темы. Этот подход способствует созданию более адаптивного и эффективного правового поля для криптовалют в Российской Федерации в контексте глобальных тенденций и вызовов, с которыми сталкиваются экономики различных стран.

В результате проведенного анализа законодательства о криптовалюте и цифровых финансовых активов (ЦФА) в Российской Федерации были сделаны несколько ключевых выводов, которые могут послужить основой для дальнейших исследований и практических рекомендаций по улучшению правовой среды для криптовалютного рынка.

Во-первых, принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» стало значимым шагом в сторону легализации криптовалюты в России. Закон определил основные термины и кон-

цепции, связанные с ЦФА, что способствовало созданию правовой основы для их использования [30]. Тем не менее, необходимо отметить, что закон оставляет открытыми множество вопросов, касающихся регулирования криптовалюты, что свидетельствует о необходимости доработки правовых норм и разработки дополнительных актов для более четкой регламентации различных аспектов обращения криптовалют.

Во-вторых, положительные изменения в законодательстве не могут полностью устранить правовые риски и неопределенности. Существующие пробелы, такие как отсутствие четких норм по налогообложению операций с криптовалютами, недостаточная защита прав потребителей и отсутствие ясных правил для первичных предложений монет (ICO), подчеркивают важность создания более целостной правовой структуры. Участники рынка нуждаются в большей ясности относительно своих обязательств и прав в рамках существующего законодательства [16].

В-третьих, имплементация законодательных норм требует комплексного подхода к обучению и информированию участников рынка. Необходимость программ по повышению финансовой грамотности и правового воспитания криптовалют можно рассматривать как важный аспект для формирования безопасной и устойчивой экосистемы. Взаимодействие между государственными органами, образовательными учреждениями и коммерческим сектором может способствовать более эффективному внедрению законодательства и адаптации его к динамично развивающемуся рынку. [30]

Наконец, для предположения о будущем развитии законодательства, касающегося криптовалют и ЦФА, необходимо учитывать международный опыт и лучшие практики. Эффективные подходы, продемонстрированные другими странами, могут оказать значительное влияние на формирование правовой среды в России, что, в свою очередь, повлияет на инвестиционную привлекательность и доверие к криптовалютному рынку.

Таким образом, ключевые выводы, полученные в результате анализа действующего законодательства, подчеркивают важность постоянного обновления и адаптации правового регулирования в связи с развитием технологий и изменений на рынке. Легальная база должна быть не только актуальной, но и гибкой, чтобы отвечать на вызовы и требования времени.

Перспективы развития законодательства

Перспективы развития законодательства в области криптовалют и цифровых финансовых активов (ЦФА) в Российской Федерации представляют собой важную тему в свете быстро меняющейся экономики и технологий. С учетом глобальных трендов и местных особенностей, можно прогнозировать несколько ключевых направлений, по которым, вероятнее всего, будет двигаться законодательство в ближайшие годы.

Во-первых, необходимо ожидать дальнейшее уточнение и расширение действующих норм, касающихся криптовалют и ЦФА. Данный процесс уже активно осуществляется через законопроекты, которые предлагают конкретные поправки к действующему законодательству. В частности, фокус может быть направлен на создание четких правовых норм для налогообложения криптовалютных операций, которые позволят устранить неопределенности и привлекательных условий для инвесторов [20]. Безусловно, это позволит улучшить инвестиционный климат и защитить интересы потребителей, а также упростит работу для компаний, работающих в сфере блокчейна и криптовалют.

Во-вторых, вероятно, что российское законодательство будет стремиться к гармонизации с международными стандартами. Учитывая, что криптовалюты и цифровые активы не знают границ, многие страны уже начали активную работу по их регулированию на международном уровне, включая сотрудничество с международными организациями, такими как ФАТФ. Россия может также рассмотреть возможность интеграции в эти международные рамки, что предоставит возможность для более удобного взаимодействия российских компаний на международной арене [19].

В-третьих, актуальной темой для будущего законодательства станет вопрос безопасности и защиты прав пользователя. Возможно, функциональные требования к эмитентам цифровых активов и криптовалютным биржам будут усилены. Подобные меры помогут минимизировать мошенничество и предоставить больший уровень защиты для инвесторов в условиях растущей киберпреступности.

Также стоит отметить усиливающийся интерес к интеграции технологий блокчейн в различные государственные процессы. Это может привести к разработке новых правовых механизмов, направленных на то, чтобы внедрить блокчейн в сферы, такие как управление государственными активами, выборы и регистрация прав собственности. В связи с этим законодательство может потребовать создания новых юридических понятий, таких как «умные контракты», которые уже активно обсуждаются на международной арене.

Таким образом, ожидается, что законодательство в области криптовалют и ЦФА в России будет развиваться в направлении повышения четкости и предсказуемости, а также интеграции с международными нормами. Эти изменения могут создать более безопасную и привлекательную правовую среду для участников рынка и способствовать развитию инновационных финансовых технологий.

Заключение

Основные выводы исследования

В заключение нашего исследования законодательства о криптовалюте и цифровых финансовых активах (ЦФА) в Российской Федерации можно выделить несколько важнейших аспектов, которые подчеркивают как достижения,

так и существующие проблемы в данной области. Рассматривая цели и положения действующего законодательства, важно отметить, что формирование правовой базы стало значимым шагом на пути к легализации криптовалют в стране. Принятый Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» создал мощный фундамент, задающий основные правила игры для участников рынка, однако оставляет множество нерешенных вопросов, касающихся налогообложения, регулирования ICO и защиты прав потребителей [4].

Важно отметить, что существующее законодательство в значительной степени не охватывает все аспекты, связанные с криптовалютами. Например, вопросы, касающиеся правового статуса первичных предложений монет (ICO) и механизма их регулирования, остаются открытыми, что может вызвать неопределенность и правовые риски для инвесторов и стартапов в данной области. Подобные неясности подчеркивают необходимость разработки дополнительных нормативных актов и уточняющих поправок к действующему законодательству, направленных на детализацию и улучшение правового регулирования [29].

Еще одной важной темой, обсуждаемой в рамках исследования, является разрыв между прогрессом в технологической сфере и существующей правовой базой. С учетом скорости роста и развития криптовалютного рынка, правовая система должна быть достаточно гибкой и адаптивной для быстрого реагирования на изменения

в экономической среде. Учитывая это, рекомендации по улучшению законодательства включают не только разработку более детализированных норм, но и регулярный пересмотр действующих правил с учетом международной практики и новых вызовов.

С учетом вышеизложенного, рекомендуется стать более проактивными в изучении зарубежного опыта, который позволяет избежать распространенных ошибок и наработать успешные практики. Применение международных стандартов и лучших практик в области безопасности и защиты прав инвесторов может значительно повысить легитимность рынка криптовалют в России.

Кроме того, важным аспектом является проведение образовательной работы среди граждан и участников рынка. Программа повышения финансовой грамотности и правовой осведомленности о криптовалютах будет способствовать созданию более устойчивой и защищенной системы для всех участников, минимизируя риски и недопонимания.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что российское законодательство в области криптовалют и ЦФА уже сделало важные шаги на пути к легализации и регулированию, однако для достижения более высоких стандартов прозрачности и правовой ясности необходима дальнейшая работа по улучшению и адаптации законодательства в условиях быстро меняющегося финансового пространства.

Литература:

1. Попиков А. А. Криптовалюта Bitcoin как финансовый инструмент виртуальной экономики. DOI 10.18334/vinec.6.2.35354 // Russian Journal of Innovation Economics. 01.01.2016 URL: <https://1economic.ru/lib/35354> (дата обращения: 13.03.2025).
2. Джусов А., Рубцова Н. Криптовалюта как качественно новый платежный инструмент и перспективы ее интеграции в мировую финансовую систему. DOI 10.15421/191715 // European Journal of Management Issues. 25.12.2017 URL: <https://mi-dnu.dp.ua/index.php/MI/article/view/156> (дата обращения: 13.03.2025).
3. Гладкова С. Б. Новые инструменты легализации теневых доходов в условиях цифровизации экономики: криптовалюта и цифровой рубль. DOI 10.52575/2687-0932-2023-50-2-335-345 // Экономика Информатика. 30.06.2023 URL: <https://econom-inform-journal.ru/index.php/journal/article/view/280> (дата обращения: 13.03.2025).
4. Петров В. Ю., Борцова А. В. Криптовалюта как новейшая форма денег в современной экономике. DOI 10.17513/fr.42190 // Фундаментальные исследования (Fundamental Research). 01.01.2018 URL: <https://fundamental-research.ru/en/article/view?id=42190> (дата обращения: 13.03.2025).
5. Иваненкова А. О. Криптовалюта — технология XXI века. DOI 10.46916/25082023-3-978-5-00215-060-1 // Ре-нессанс в парадигме новаций образования и технологий в XXI веке. 01.01.2023 URL: <http://doi.sciencen.org/wp-content/uploads/%D0%9D%D0%98%D0%9A-294-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0-28-38.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
6. Бисултанова А. А. Криптовалюта как новейшая форма денег. DOI 10.18411/trnio-06-2022-139 // Тенденции развития науки и образования. 01.01.2022 URL: <https://doicod.ru/doi/86/trnio-06-2022-139.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
7. Рускевич Е., Малигин И. Преступления, связанные с криптовалютами: особенности квалификации. DOI 10.17323/2072-8166.2021.3.106.125 // Law Journal of the Higher School of Economics. 10.09.2021 URL: <https://law-journal.hse.ru/2021-3/516499731.html> (дата обращения: 13.03.2025).
8. Ахметова А. Р., Ахмедов Ф. И. Эволюция денег в России: криптовалюта. DOI 10.18334/grfi.4.2.38032 // Global Markets and Financial Engineering. 30.06.2017 URL: <http://creativeconomy.ru/lib/38032/> (дата обращения: 13.03.2025).
9. Шайдуллина В. К. Криптовалюта: прогноз развития в условиях современного финансового рынка. DOI 10.14451/1.169.106 // Экономические науки. 31.12.2018 URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201812/201812_106.pdf (дата обращения: 13.03.2025).

10. Мотовилина А. В. . Наследование криптовалют: проблемы правового регулирования. DOI 10.18411/trnio-10-2022-76 // Тенденции развития науки и образования. 01.01.2022 URL: <https://doicod.ru/doifile/lj/90/trnio-10-2022-76.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
11. Магомедов М. А. , Казаченок О. П. . Криптовалюта как средство платежа при осуществлении международных торговых расчетов в эпоху цифровизации. DOI 10.18411/trnio-02-2024-310 // Тенденции развития науки и образования. 01.01.2024 URL: <https://doicod.ru/doifile/lj/106/trnio-02-2024-310.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
12. Васильев А., Ибрагимов Ж., Насыров Р., Васев И. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах. DOI 10.14258/leglin(2019)1103 // Legal Linguistics. 01.04.2019 URL: <http://journal.asu.ru/urisl/article/view/%282019%291103> (дата обращения: 13.03.2025).
13. Довлатова А. Иностраный опыт наследования криптовалюты как инструмента реализации права на наследство в обществе. DOI 10.17213/2075-2067-2020-2-47-51 // Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI) Series Socio-economic Sciences. 01.04.2020 URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/516> (дата обращения: 13.03.2025).
14. Алленых М. А. Цифровая валюта — частные деньги? DOI 10.26456/2219-1453/2021.1.021-030 // Вестник Тверского государственного университета Серия Экономика и управление. 30.03.2021 URL: <http://eprints.tversu.ru/10395/> (дата обращения: 13.03.2025).
15. Закоржевский В. В. Криптовалюты — обзор, принцип работы, текущее использование, правовое регулирование. DOI 10.18334/grfi.3.4.38017 // Global Markets and Financial Engineering. 30.12.2016 URL: <http://bgscience.ru/lib/38017/> (дата обращения: 13.03.2025).
16. Лисица В. Н. . Цифровые права и цифровая валюта как объект защиты в международном и российском инвестиционном праве. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-4-lisitsa // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 12.09.2023 URL: <http://igpran.ru/trudy/Lisitsa.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
17. Алленых М. А. Цифровая валюта — частные деньги? DOI 10.26456/2219-1453/2021.1.021-030 // Вестник Тверского государственного университета Серия Экономика и управление. 30.03.2021 URL: <http://eprints.tversu.ru/10395/> (дата обращения: 13.03.2025).
18. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав. DOI 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334 // Izvestiya of Saratov University Economics Management Law. 01.01.2019 URL: <https://eup.sgu.ru/ru/articles/cifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 13.03.2025).
19. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и иностранных государствах (Европейский Союз, США, КНР). DOI 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625 // Вестник Пермского университета Юридические науки. 01.01.2019 URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/images/2019-4/2019-4-1.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
20. Лебедев К. Н. Сущность цифрового рубля с точки зрения экономической теории. DOI 10.14451/1.207.97 // Экономические науки. 28.02.2022 URL: https://ecsn.ru/files/pdf/202202/202202_97.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
21. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав. DOI 10.21779/2224-0241-2020-33-1-90-99 // Law Herald of Dagestan State University. 01.01.2020 URL: <http://jurvestnik.dgu.ru/Stat/jvest2020-1-15.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
22. Горчакова М. Е. Цифровая йена: перспективы внедрения. DOI 10.24866/1813-3274/2023-2/39-49 // Азиатско-Тихоокеанский регион Экономика политика право. 21.06.2023 URL: <https://journals.dvfu.ru/ATR/article/view/547> (дата обращения: 13.03.2025).
23. Хмыз О. В. Цифровая институционализация на глобальном, международном и национальном уровнях. DOI 10.26456/2219-1453/2021.1.031-040 // Вестник Тверского государственного университета Серия Экономика и управление. 30.03.2021 URL: <http://eprints.tversu.ru/10396/> (дата обращения: 13.03.2025).
24. Долгиева М. М. Противодействие легализации преступных доходов с использованием криптовалюты. DOI 10.17223/15617793/449/26 // Вестник Томского государственного университета. 01.12.2019 URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1916&article_id=43176 (дата обращения: 13.03.2025).
25. Алексеенко А. П. Цифровой сингапурский доллар: проект Ubin. DOI 10.24866/vvsu/2073-3984/2021-1/105-114 // Территория новых возможностей Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 01.01.2021 URL: https://science.vvsu.ru/scientific-journals/journal/current/article/id/2148461975/2021_1_8_Cifrovoyj (дата обращения: 13.03.2025).
26. Асмандияров В. М. Определяющее влияние цифровизации гражданских правовых отношений на антикоррупционную деятельность пенитенциарной системы Российской Федерации. DOI 10.51522/2307-0382-2022-237-2-62-67 // Vedomosti (Knowledge) of the Penal System. 15.07.2022 URL: https://or.fsin.gov.ru/upload/territory/Or/PDF/vedomosti/DOI/2022/%E2%84%962/Vedomosti%20UIS_2_2022_62-67.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
27. Зайнутдинова Е.. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты. DOI 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182 // Law Journal of the Higher School of Economics. 29.03.2023 URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/19955> (дата обращения: 13.03.2025).

28. Родина И. Б. . Преимущества и риски цифровой национальной валюты в контексте глобальных рисков. DOI 10.17513/fr.43174 // Фундаментальные исследования 01.01.2021 URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=43174> (дата обращения: 13.03.2025).
29. Степанов О. А. , Печегин Д., Диаконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности. DOI 10.17323/2072–8166.2021.5.4.23 // Law Journal of the Higher School of Economics. 01.01.2021 URL: <https://law-journal.hse.ru/2021–5/548028567.html> (дата обращения: 13.03.2025).
30. Ерзнкян Б. А., Фонтана К. А. . Циркулярная экономика и устойчивое развитие городов. DOI 10.26726/1812–7096–2021–7–7–22 // Региональные проблемы преобразования экономики. 10.01.2022 URL: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/1796> (дата обращения: 13.03.2025).

Вопросы правового режима имущества супругов по брачному договору

Кирсанова Мария Александровна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются особенности правового регулирования имущественных отношений супругов в рамках брачного договора. Анализируются нормы законодательства, регламентирующие порядок заключения, изменения и расторжения брачного договора, а также его содержание и пределы допустимых условий.

Ключевые слова: брачный договор, договорный режим, семейное право, имущественные отношения супругов, раздел имущества.

Брачный договор — это эффективный правовой инструмент, который позволяет супругам гибко регулировать имущественные отношения, минимизируя риски конфликтов. С юридической точки зрения он представляет собой рациональный способ регулирования имущественных отношений. М. В. Антокольская считает, что брачный договор должен рассматриваться в качестве отдельного вида гражданских договоров, объединяющего договоры, направленные на установление или изменение правового режима имущества. [1] Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) и Семейный кодекс РФ (СК РФ) закрепляют правовые механизмы, которые делают брачный договор не только допустимым, но и полезным инструментом. Важнейшими функциями является то, что он регулирует личные неимущественные отношения, а также устанавливает гражданско-правовые последствия в сфере собственности.

Согласно ст. 40 СК брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Данная норма позволяет супругам самостоятельно формировать имущественный статус, обеспечивая возможность прогнозирования правовых последствий. Это соответствует принципам автономии воли (ст. 421 ГК РФ) и диспозитивности семейного права, минимизируя риски судебных споров. Однако свобода договора ограничена императивными нормами, что также защищает баланс интересов сторон.

Брачный договор регулирует режим собственности, права и обязанности в имущественных отношениях (ст. 42 СК РФ). Но существуют и ограничения, в брачном договоре, например, нельзя регулировать личные неимущественные отношения, запрещены условия, ставящие од-

ного из супругов в крайне неблагоприятное положение, а также не допускается ограничение правоспособности и дееспособности.

Законодательство РФ предполагает два режима имущества супругов. Один из них законный режим имущества супругов, он установлен по умолчанию, закрепляется диспозитивными нормами права и может быть изменен супругами путем заключения брачного договора. А другой, договорный режим имущества супругов заключается в регулировании имущественных прав и обязанностей супругов на основании брачного договора. Данный режим позволяет изменить законный режим, установив: совместную собственность (включая добрачное имущество), долевую собственность (с определением конкретных долей), раздельную собственность. В случае спора, в суде первостепенную роль будут иметь условия брачного договора, если они установлены, а не нормы закона.

Одним из важных аспектов, который рассматривается в данной статье — регулирование совместного нажитого имущества при составлении брачного договора.

К совместной собственности супругов относится имущество, приобретенное в браке за счет общих доходов, включая недвижимое и движимое имущество, драгоценности и предметы роскоши, доходы от трудовой, предпринимательской деятельности, пенсии, пособия и иные выплаты, а также ценные бумаги, паи, вклады и другие финансовые активы.

Исключениями из совместной собственности будет личное имущество, принадлежавшее каждому до брака, имущество, полученное в браке по безвозмездным сделкам, то есть полученное в ходе дарения или наследования. Также следует отнести индивидуальные вещи

(одежда, обувь и т. д.), но за исключением драгоценностей и предметов роскоши, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (доходы от них могут быть совместными); вещи, приобретенные для детей, а также вклады на их имя.

Раздельная собственность — требует четкого определения принадлежности каждой вещи (особенно недвижимости, транспорта, ценных бумаг). Сложности могут возникнуть при распределении будущего имущества.

Долевая собственность — это режим владения имуществом, при котором каждому супругу принадлежит заранее определенная доля. Согласно ст. 244 ГК РФ, имущество может находиться в общей собственности. Имущество может быть выражено без определения долей (при разделе делится поровну) или же с определением долей, но, если равный раздел невозможен, супруг, получивший большую долю, обязан компенсировать разницу деньгами или иным имуществом.

Брачный договор предусматривает гибкие границы для режимов собственности или для перехода из одной формы в другую. То есть с одной стороны супруги могут устанавливать разные режимы для различных видов имущества, но также для них предусмотрено право комбинировать режимы или определять особые условия для одного и того же имущества. Данное право зачастую применимо для определения статуса имущества во время брака и уже после его расторжения.

Стоит отметить, что нельзя включать в брачный договор элементы завещания. Завещание является односторонней сделкой личного характера. Однако обязанностью нотариуса является разъяснение того, что изменение правового режима имущества брачным договором может оказать влияние на определение наследственной массы в случае смерти одного из супругов [2]. Например, если супруги установят режим раздельности на имущество, нажитое в браке, то в случае смерти одного из супругов переживший супруг потеряет право на супружескую долю.

Существует несколько форм прекращения брачного договора. Одним из случаев является прекращение брака (развод). Брачный договор автоматически прекращает свое действие с момента расторжения брака, за исключением тех обязательств, которые стороны предусмотрели на период после развода (например, алименты,

раздел имущества). Еще одним условием является истечение срока договора, иногда в брачном договоре может быть предусмотрен конкретный срок его действия, по его истечении которого договор прекращается. Соглашение сторон, при котором супруги могут в любое время по взаимному согласию изменить или расторгнуть брачный договор, оформив это нотариальным соглашением.

При признании договора недействительным наибольшее значение имеют следующие значения: несоблюдение нотариальной формы договора (п. 1 ст. 165 ГК РФ); несоответствие брачного договора закону или иным нормативным актам (незаконное содержание договора); совершение договора недееспособным лицом; неспособность понимать значение своих действий при заключении брачного договора; заключение брачного договора под влиянием заблуждения или обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой либо стечения тяжелых обстоятельств [3]. Брачный договор также прекращается в случае смерти одного из супругов. В редких случаях суд может прекратить действие брачного договора, если его исполнение нарушает интересы одного из супругов или детей (например, при существенном изменении обстоятельств). Важным аспектом является заключение фиктивных брачных договоров, заключенные с целью избежать обращения взыскания на общее имущество [4]. Распространено также заключение притворных брачных договоров, прикрывающих собой, например, договор дарения или купли-продажи, когда содержание брачного договора исчерпывается только обязанностью передать имущество другому супругу.

Таким образом, брачный договор предоставляет супругам гибкие возможности для регулирования имущественных отношений, минимизируя риски конфликтов в будущем. Брачный договор может явиться своеобразным имущественным кодексом конкретной супружеской пары, детально определяющим имущественные аспекты семейной жизни [5]. Правовой режим имущества супругов, регулируемый брачным договором, представляет собой важный инструмент диспозитивного регулирования семейных отношений, позволяющий супругам самостоятельно определять имущественные права и обязанности в браке и при его расторжении.

Литература:

1. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2010, С.157.
2. Фоков А. Особенности гражданско-правовой защиты общей собственности в России и за рубежом: брачный договор // Юрист. — 2004. — № 4. — С. 12–15.
3. Бондов С. Н. Брачный договор: учеб. пособие для вузов. — М., 2000.
4. Семейное право: учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2008, С.111
5. Низамиева О. Н. Имущественные соглашения супругов в зарубежном праве // Семейное и жилищное право. — 2004. — № 3. — С. 25- 26.
6. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [принят Гос. думой 8 дек.1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.] / Российская Федерация. — СПб: Стаун-кантри, 2001.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49.

Эволюция права собственности юридических лиц в России: исторический и современный контекст

Кириянов Кирилл Глебович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В данной статье автор исследует эволюцию права собственности юридических лиц в России, анализируя его исторические, социальные и экономические аспекты.

Ключевые слова: право собственности, юридические лица, гражданское право, исторический анализ, социально-экономические изменения, советский период, переходный период, гражданский кодекс, правовое регулирование, имущественные права, проблемы правоприменения, судебная практика, регистрация имущества, корпоративное управление, международные стандарты, цифровизация, практические рекомендации, экономический рост.

Введение

Право собственности является одним институтом гражданского права, обеспечивающим регулирование имущественных отношений между субъектами права. В условиях развития рыночной экономики, трансформации правового поля значение приобретает исследование права собственности юридических лиц. Юридические лица выступают самостоятельными хозяйствующими субъекты, наделённые правоспособностью владения, пользования и распоряжения имуществом. Эволюция правового регулирования собственности юридических лиц в России отражает исторические, социально-экономические и политические изменения, происходившие в государстве на протяжении последних столетий.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания исторического пути развития права собственности юридических лиц в России и оценки его современного состояния. Правовое регулирование имущественных прав юридических лиц претерпевает изменения, с совершенствованием законодательства, развитием корпоративных отношений и интеграцией российского права в международное правовое пространство. Исследование позволяет выявить тенденции, проблемы и перспективы развития данного института, для эффективного функционирования юридических лиц и обеспечения правовой стабильности в экономике.

Целью настоящей работы является комплексный анализ эволюции права собственности юридических лиц в России, раскрытие исторических этапов его развития, оценка современного правового регулирования и выявление актуальных проблем в данной сфере.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- исследовать исторические особенности права собственности юридических лиц в дореволюционный, советский и переходный периоды;

- проанализировать современное законодательство и практику реализации права собственности юридических лиц;

- выявить проблемы правового регулирования собственности юридических лиц в современной России;

- предложить направления совершенствования законодательства и практики в сфере собственности юридических лиц.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере права собственности юридических лиц в России. Предметом исследования является правовое регулирование права собственности юридических лиц, его исторические и современные аспекты.

В качестве методологической основы исследования использовались общенаучные и специальные методы познания, включая анализ и синтез нормативных актов, сравнительно-правовой метод, исторический подход и системный анализ. В работе проведён критический обзор нормативной базы и судебной практики, что позволило выявить тенденции и пробелы в правовом регулировании.

Исследование проводится на базе анализа действующего гражданского законодательства Российской Федерации, исторических источников, современных научных трудов и практики применения норм права. Результаты работы могут быть использованы в научной и практической деятельности, направленной на совершенствование правового регулирования собственности юридических лиц.

Структура работы включает введение, три главы, заключение и список использованных источников. Первая глава посвящена историческому развитию права собственности юридических лиц в России, вторая — анализу современного правового регулирования, третья — проблемам и перспективам развития института собственности юридических лиц.

Исторический контекст развития права собственности юридических лиц в России

Право собственности юридических лиц в России прошло путь становления и развития, который отражает трансформации правовой системы, и социально-экономические и политические изменения в стране. В дореволюционный период право собственности юридических лиц формировалось в условиях Российской империи, где юридические лица воспринимались хозяйственные и общественные образования, наделённые имущественными правами, ограниченные в своих возможностях и контролируемые государством. Имущественные права юридических лиц характеризовались преимущественно закреплением права владения и распоряжения имуществом, необходимым для осуществления их деятельности. Законодательство Российской империи предоставляло юридическим лицам определённый правовой статус, правовая база была неоднородной и фрагментарной, это порождало трудности в применении норм на практике. Судебная практика того времени, опираясь на положения гражданского права, сопровождалась ограничениями, связанными с социальным положением самих юридических лиц, их формой и назначением. Дореволюционный период характеризуется становлением института собственности юридических лиц в условиях абсолютистского государства с элементами самоуправления и контроля [3].

Советский период принес радикальные изменения в правовое регулирование собственности юридических лиц. Отличием этого периода стала трансформация права собственности в сторону коллективной и государственной формы. Вся собственность фактически была социализирована, это означало переход от частной к государственной и кооперативной собственности, право собственности юридических лиц практически полностью ограничивалось рамками хозяйственной деятельности, утверждённой государством. Юридические лица, как правило, выступали в форме государственных предприятий, кооперативов или иных форм коллективной собственности, и их имущественные права были подчинены общественным интересам. Возможности распоряжения имуществом были регламентированы, любые действия с имуществом юридических лиц требовали согласования с государственными органами. Законодательство в СССР менялось, и неизменно поддерживало идею приоритета государственной собственности. Фактически это право было ограничено централизованным управлением и контролем, снижало роль юридических лиц как самостоятельных субъектов имущественных отношений.

Переходный период 1990-х годов ознаменовал собой коренную перестройку системы права собственности юридических лиц в России. С развалом советской системы начался процесс либерализации правовых норм, направленных на восстановление и развитие институтов частной собственности и юридических лиц в новой рыночной экономике. В этот период произошло принятие нормативных

актов, в том числе Гражданского кодекса Российской Федерации, которые заложили правовые основы для признания и защиты права собственности юридических лиц. Вновь сформировался институт юридического лица, самостоятельного субъекта права, способного владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом без излишних ограничений. Появились новые формы юридических лиц — акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и другие организационно-правовые формы, это способствовало развитию предпринимательства и инвестиционной деятельности [7]. Процесс становления права собственности юридических лиц сопровождался сложностями, связанными с неустойчивостью законодательства, проблемами в нормативной базе и необходимостью адаптации судебной практики к новым условиям. Переходный период стал фундаментом для формирования современной правовой системы собственности юридических лиц в России.

Современный контекст права собственности юридических лиц в России

Право собственности юридических лиц в современной России регулируется комплексом нормативных правовых актов, основным из которых является Гражданский кодекс Российской Федерации. Гражданский кодекс, посвящённые вещному праву и правам собственности, устанавливает базовые принципы владения, пользования и распоряжения имуществом юридических лиц, определяет механизм приобретения и перехода права собственности, гарантирует защиту имущественных прав. В регулировании права собственности юридических лиц роль играют специальные законодательные акты, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об акционерных обществах», нормы, регулирующие государственную и муниципальную собственность. Данные акты уточняют порядок функционирования юридических лиц различных организационно-правовых форм и регулируют их права и обязанности в отношении имущества. Современное законодательство является признанием юридических лиц самостоятельными субъектами права собственности, способными самостоятельно распоряжаться своим имуществом, заключать сделки, приобретать и отчуждать имущество, а также защищать свои права в судебном порядке [4]. Приобретение права собственности юридическими лицами возможно на основании различных сделок, включая куплю-продажу, дарение, наследование, инвестиции и иные основания, предусмотренные законом. Право распоряжения имуществом ограничивается условиями, прописанными в учредительных документах и действующем законодательстве. Защита права собственности юридических лиц обеспечивается путем судебного разбирательства, административных процедур и иных правовых механизмов, направленных на пресечение и устранение нарушений имущественных прав.

Современная правовая система России признаёт и регулирует виды собственности юридических лиц, где выде-

ляются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Частная собственность принадлежит юридическим лицам, созданным на основе частного капитала, и характеризуется степенью самостоятельности в распоряжении имуществом. Государственная собственность относится к имуществу, находящемуся в собственности Российской Федерации, субъектов федерации или муниципальных образований, и юридические лица, действующие в рамках этой собственности, обязаны соблюдать правила управления и распоряжения. Муниципальная собственность принадлежит муниципалитетам и регулируется нормами местного законодательства. Существуют смешанные формы собственности, собственность религиозных и общественных организаций, это отражает имущественных отношений в современной России. Каждая форма собственности характеризуется своими особенностями владения и распоряжения имуществом. Например, юридические лица, владеющие государственной собственностью, обязаны соблюдать требования государственного контроля и отчётности, а частные компании имеют свободу в принятии решений, связанных с имуществом. Особенности режима собственности влияют на экономическую деятельность юридических лиц, их ответственность и возможности по управлению ресурсами [2].

Практическая реализация права собственности юридических лиц в России тесно связана с функционированием судебной системы и правоприменительной практикой. Судебные органы рассматривают споры, возникающие из правоотношений собственности, вопросы признания, защиты, восстановления нарушенных прав и разрешения конфликтов между собственниками и третьими лицами. Защита прав собственности юридических лиц осуществляется посредством исковых заявлений, арбитражных процедур, мер обеспечения и исполнительного производства. Эффективным способом защиты является обращение в суд с требованием о признании права собственности, возмещении убытков или устранении препятствий в пользовании имуществом. Роль в обеспечении стабильности имущественных прав имеет корпоративное право, которое регулирует внутренние отношения между участниками юридических лиц, определяет порядок принятия решений о распоряжении имуществом, порядок управления и контроля. Корпоративные отношения способствуют урегулированию конфликтов и обеспечивают баланс интересов участников, это является залогом устойчивого функционирования юридических лиц. Современная правоприменительная практика и корпоративное законодательство образуют комплексный механизм, обеспечивающий эффективную защиту и реализацию права собственности юридических лиц в России.

Проблемы и перспективы развития права собственности юридических лиц в России

В современном российском правовом пространстве существуют проблемы, связанные с регулированием права

собственности юридических лиц, которые затрудняют использование и защиту имущественных прав. Высокая степень конфликтности и споров, возникающих в сфере собственности. Юридические лица сталкиваются с затяжными судебными процессами, связанными с признанием прав собственности, спорными вопросами раздела имущества, претензиями третьих лиц, злоупотреблениями в процессе управления имуществом. Причиной этого является недостаточная чёткость и противоречивость некоторых норм законодательства, несовершенство механизмов правоприменения, это приводит к неодинаковому толкованию законов различными судебными инстанциями. Проблемой является сложность и недостаточная прозрачность процедур регистрации и учета имущества, принадлежащего юридическим лицам. Возникают трудности при оформлении прав на недвижимое и движимое имущество, это создает риски для юридических лиц и препятствует развитию хозяйственной деятельности [10]. Недостатки в ведении реестров, бюрократические барьеры и технические проблемы усугубляют ситуацию, снижая уровень доверия к правовой системе и увеличивая возможности для коррупционных проявлений.

Наблюдаются тенденции развития гражданского законодательства, направленные на совершенствование правового регулирования собственности юридических лиц. Выделяем работу законодателя по уточнению и систематизации норм, упрощению процедур регистрации имущества, повышению прозрачности и эффективности судебной защиты прав собственности. Значение имеет интеграция российского гражданского права с нормами международного права, из-за участия России в международных экономических и правовых организациях. Международные стандарты способствуют гармонизации отечественного законодательства, укреплению защиты прав собственности и улучшению инвестиционного климата. Экономические факторы, цифровизация экономики, развитие новых форм собственности и корпоративных структур, стимулируют обновление правовых механизмов, что требует адаптации законодательства к современным условиям. Изменения направлены на создание гибкой и прозрачной правовой базы, способствующей развитию бизнеса и защите имущественных интересов юридических лиц.

В свете выявленных проблем и существующих тенденций нужно разработать и внедрить комплекс практических рекомендаций для развития института собственности юридических лиц в России. Продолжать работу по совершенствованию нормативно-правовой базы, добиваясь чёткости, однозначности и согласованности законодательных актов, регулирующих имущественные отношения юридических лиц. Модернизировать и оптимизировать процедуры регистрации и учета имущества, внедряя информационные технологии и электронные сервисы, это позволит сократить бюрократические издержки и повысить доступность правовой информации. Роль судебной системы следует усилить путем повышения квали-

фикации судей и совершенствования судебной практики, это обеспечит единообразное и справедливое разрешение имущественных споров [3]. Внимание стоит уделить развитию корпоративного права механизма внутреннего регулирования имущественных отношений юридических лиц, внедрению эффективных инструментов корпоративного контроля и урегулирования конфликтов. В итоге, меры такие создадут благоприятные условия для устойчивого развития института собственности юридических лиц, повысит доверие к правовой системе и будет способствовать экономическому росту страны.

Заключение

В ходе выполнения данной научно-исследовательской работы была проведена оценка эволюции права собственности юридических лиц в России, рассмотрены исторические и современные моменты данного института. Анализ показал, что право собственности юридических лиц в России прошло путь трансформации: от ограниченных имущественных прав в дореволюционный период через кардинальные изменения в советскую эпоху, где преобладала государственная и коллективная собственность, до

формирования современного института собственности, основанного на принципах частной инициативы и многообразии форм собственности.

В работе были выявлены особенности правового регулирования на каждом этапе развития, основные проблемы, с которыми сталкиваются юридические лица в современной правовой системе. Среди них выделяются сложности в регистрации имущества, неоднозначность судебной практики, трудности защиты прав собственности в условиях активной экономической трансформации. Вместе с современными тенденциями законодательного развития, интеграция международных стандартов и использование цифровых технологий создают предпосылки для дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Практические рекомендации, сформулированные в ходе исследования, направлены на повышение прозрачности и эффективности правового механизма собственности юридических лиц, улучшение корпоративного управления и судебной защиты имущественных прав. Реализация этих предложений позволит укрепить институт собственности, способствовать устойчивому развитию предпринимательства и экономического роста в России.

Литература:

1. Вальтер, А. К. Историческое развитие права собственности в России / А. К. Вальтер, Д. Г. Сартания // Молодой учёный. — 2018. — № 19 (205). — С. 275–277. — URL: <https://moluch.ru/archive/205/50104/> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Генкин, Д. М. Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации / Д. М. Генкин. — М., 2002. — 320 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoi-rezhim-prava-sobstvennosti-v-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Живихина, И. Б. Современные тенденции динамики развития содержания и защиты права собственности в России / И. Б. Живихина. — М., 2006. — 250 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennyye-tendentsii-dinamiki-razvitiya-soderzhaniya-i-zashchity-prava-sobstvennosti> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Маслов, В. Ф. Гражданско-правовые проблемы личной собственности в период строительства коммунизма в СССР / В. Ф. Маслов. — М., 1968. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маслов,_Василий_Филиппович (дата обращения: 15.05.2025).
5. Братусь, С. Н. Право собственности и формы собственности в РФ / С. Н. Братусь // Законодательство и экономика. — 2000. — № 3. — URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/avtorskoe_pravo_i_drevnij_rim_istoricheskij_fundament_eticheskoy_koncepcii/ (дата обращения: 15.05.2025).
6. Мухин, А. А. Государственная и муниципальная собственность: правовые проблемы управления / А. А. Мухин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 248 с. — URL: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/22211/703%D0%BB%D0%B1_1000983615_14.12.2023.pdf?sequence=2 (дата обращения: 15.05.2025).
7. Тихомиров, Ю. А. Эволюция российского законодательства о собственности / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2004. — № 6. — С. 18–26. — URL: <https://lib.usla.ru/jurnal/9036.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Поляков, А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А. В. Поляков. — М.: Юридический мир, 2017. — URL: <http://igpran.ru/trudy/polyakov.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

Международный опыт противодействия злоупотреблению процессуальными правами в судебном процессе

Клоненгер Антонина Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бабушкина Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена анализу международного опыта противодействия злоупотреблению процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются схожие проблемы и механизмы их пресечения в различных правовых системах, включая Китай, Россию, Германию, Литву, Францию, Польшу и Беларусь. Особое внимание уделяется принципу добросовестности как основополагающему элементу, а также конкретным мерам: штрафам, аресту, залогу и ограничению процессуальных действий. На основе сравнительного анализа выявлены общие тенденции и индивидуальные особенности подходов, что подчеркивает необходимость адаптации международного опыта к национальным правовым реалиям.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, международный опыт, судебный процесс, принцип добросовестности, гражданское судопроизводство, механизмы противодействия, китайское законодательство, гражданский процессуальный кодекс, романо-германская правовая семья, штрафы и санкции, процессуальная ответственность, Россия и Китай, Германия, Литва, Франция, Польша, Беларусь, залог в судопроизводстве.

Как бы ни было парадоксально, но юридическая наука, судебный процесс, законодательство и прочие элементы единой системы, направленные на защиту прав и законных интересов, идут рука об руку на протяжении всей своей истории развития и существования с развитием другой истории, именуемой злоупотреблением правом, причем как процессуальным, так и материальным. В данной работе будет рассмотрено именно злоупотребление процессуальными правами, а точнее механизмы борьбы, сопротивления, подавления или недопущения этого явления по материалам международного опыта.

Анализ проблем злоупотребления процессуальным правом показывает, что в различных государствах, несмотря на отличия правовых систем, проблемы злоупотребления имеют схожие черты, соответственно, возможно предположить, что механизмы пресечения могут быть идентичными, с некоторыми отклонениями с учетом индивидуального развития той или иной страны.

Остановимся на Китае. Нань Гун в работе «Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая» указывает на новую веху в развитии судопроизводства со ссылками на поправки к Гражданскому процессуальному кодексу КНР 2012 года, а также на Разъяснения Верховного суда КНР о применении отдельных положений ГПК КНР 2014 года. Первоочередное в данном случае — закрепление в новой редакции ГПК, а именно п.1 ст. 13 ГПК РФ, принципа добросовестности.

Автор указывает на доклад 18-го Всекитайского съезда Центрального комитета Коммунистической партии Китая, на котором были сформулированы конкретные признаки добросовестности для всех сфер правовой жизни. В том числе следствием такого пристального внимания к институту добросовестности последовало определение добросовестности в общей части ГПК. Особенная часть, согласно позиции автора, «обогатилась» положениями о запрете ложных исков, об уклонении от испол-

нения, увеличении верхнего предела штрафа за нарушение гражданско-процессуальных правил.

Полагаем целесообразным обратиться к первоисточникам, на которые ссылается автор.

Согласно статье 13 ГПК КНР гражданское судопроизводство осуществляется в соответствии с принципом добросовестности. Стороны имеют право распоряжаться своими гражданскими правами и правами на судебное разбирательство в объеме, установленном законом (第十三条民事诉讼应当遵循诚信原则.当事人有权在法律规定的范围内处分自己的民事权利和诉讼权利. [1].

Нань Гун указывает на проблемы злоупотребления процессуальным правом сторонами в гражданском процессе, в том числе путем подачи ложного иска, воспрепятствования осуществлению правосудия, неисполнением судебных определений и решений, пренебрежением к принципу верховенства суда и другие механизмы.

Автором изложены следующие механизмы борьбы: взыскания за нарушения принципа добросовестности, наказание за выдачу участвующими в деле лицами себя за других, за дачу ложных показаний; применение общего правила об отказе в принятии доказательств за пределами установленного срока; юридическое последствие отказа в подписи письменного обязательства сторонами в случае отсутствия других доказательств по факту, подлежащему доказыванию; свидетели, отказывающиеся подписывать обязательство, не допускаются к даче показаний и сами берут на себя ответственность; система формирования списка должников, потерявших доверие; в случае неисполнения должником подтвержденной в юридических актах обязанности Народный суд обязан взыскать с него сумму долга; сообщить о неисполнении или неполном исполнении им обязательств по месту его работы, в информационную службу кредитных историй и другим заинтересованным органам [2].

О существенной схожести проблем судебного процесса в России и Китае отмечается и другими авторами, так, Ко-

ренченко Р. Е. в работе «Процессуальная добросовестность в России и Китае», приходит к выводу, что на сегодняшний день в Китае обеспечивается соответствующими правовыми механизмами принцип процессуальной добросовестности участников гражданского судопроизводства [3].

Важным при анализе мер, пресекающих злоупотребление процессуальным правом, является арест, который, например, отсутствует в рамках правового поля данной области в России. Данная мера изложена в статьях 112, 113 ГПК КНР (第一百一十二条人民法院对必须到庭的被告,经两次传票传唤,无正当理由拒不到庭的,可以拘传.第一百一十三条诉讼参与人和其他人应当遵守法庭规则.人民法院对违反法庭规则的人,可以予以训诫,责令退出法庭或者予以罚款,拘留.人民法院对哄闹,冲击法庭,侮辱,诽谤,威胁,殴打审判人员,严重扰乱法庭秩序的人,依法追究刑事责任;情节较轻的,予以罚款,拘留). Штраф и арест, предусмотренные как механизм противодействия злоупотреблению применяются в зависимости от тяжести содеянного.

Уникальная история развития правосудия и судебного процесса в Китае заслуживает отдельного внимания, однако, в сравнении с российским опытом, важно рассмотреть также страны, входящие в единую правовую семью с Россией, соответственно, обратимся к романо-германской правовой семье.

Базовым, основополагающим трудом, посвященным исследованию злоупотребления процессуальным правом в Германии, является монография Аболонина В. О. «Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии», датированная 2009 годом. Особое внимание в работе уделяется сопоставлению § 242 ГК Германии и положений ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которые устанавливают «общие пределы осуществления субъективных прав», соответственно, в германском и российском праве они являются схожими по своему правовому содержанию и значению.

Принцип добросовестности в § 242 ГК Германии обозначен в качестве общего основания для пресечения недобросовестного процессуального поведения, в которое включается в том числе и злоупотребление правом на иск. С учетом того, что данная монография написана более 10 лет назад и некоторые из механизмов противодействия злоупотреблению носят общий характер, например, отказ в исковых требованиях и иные, то целесообразнее обратиться к некоторым несколько современным работам, но вышеназванный труд не может быть не учтен.

Так, Брановицкий К. Л. в работе «Злоупотребление процессуальным правом в Германии: актуальные тренды развития» в первую очередь по аналогии с Аболониным В. О. ссылается на базовое средство борьбы со злоупотреблением — § 242 Германского гражданского уложения (Der Schuldner ist verpflichtet, die Leistung so zu bewirken, wie Treu und Glauben mit Rücksicht auf die Verkehrssitte es erfordern), выполняющий три функции: позволяет судье конкретизировать положение закона, дополнять положение закона (через требование от сторон соблюдения определенных этических стандартов при защите своих прав) или вовсе исправлять его.

Автор приводит блестящий пример судебной практики, согласно которому суд может и должен не принимать в расчет обязательные предписания закона, если их применение в конкретном случае влечет злоупотребление правом, в частности затягивание процесса. Судом в таком случае в расчет принимается все: предшествующее поведение такой стороны, процессуальные действия и иные обстоятельства [4].

Существенная проблема на наш взгляд в данном механизме — судебское усмотрение, а также дополнительная нагрузка на судебную систему, которая помимо разрешения спора, вынуждена своего рода путем юридических изысканий выполнять функции законодательной власти «дополняя», «исправляя» закон, что в реалиях системы разделения властей в России недопустимо.

В обоснование нашей позиции можно привести также состоятельные доводы, изложенные в работе Нам К. В. «Принцип добросовестности. Система и бессистемность», в которой автор ссылается на решение Верховного суда Германии, согласно которому, что одного лишь поведения истца, длительное время не предъявлявшего иск и, более того, добровольно исполнявшего незаконные условия договора, недостаточно для того, чтобы признать последующее предъявление требования недопустимым и лишенным правовой защиты на основе доктрины *Verwirkung*, являющейся в немецком праве одной из разновидностей доктрины недопустимости противоречивого поведения. В противном случае теряли бы свое значение законодательно установленные сроки исковой давности [5].

Видится разумным обратиться также к опыту Литовской Республики, поскольку как в том числе указывает Коренченко Р. Е. в работе «К вопросу о способах обеспечения добросовестного поведения в гражданском процессе», в Гражданском процессуальном кодексе Литовской Республики изложены четкие положения понятия злоупотребления [6].

Обращаясь к первоисточнику, а именно статье 95 ГПК Литовской Республики, следует, что в данной статье действительно обозначены способы злоупотребления процессуальным правом и одновременно закреплены положения, пресекающие данное поведение. К способам отнесены: подача необоснованного иска (апелляционной или кассационной жалобы, ходатайства о возобновлении процесса, иного процессуального документа) или сознательное действие против справедливого и быстрого рассмотрения и разрешения дела. Мерами пресечения указаны: возмещение другому участнику дела понесенных убытков (обоснованное ходатайство о возмещении убытков может быть подано до завершения рассмотрения дела по существу или может быть предъявлен иск о возмещении убытков в новом деле, ходатайство о возмещении убытков, причинённых злоупотреблением процессуальными правами, поданные в том же деле, не облагаются госпошлиной); наложение штрафа в размере до пяти тысяч евро, до 50 процентов от этого штрафа может быть присуждено другому участнику дела.

Когда есть основания полагать, что лицо, подающее иск (первоначальный или встречный иск), апелляционную, отдельную или кассационную жалобу, ходатайство о возобновлении процесса, заявление или ходатайство в порядке особого производства, может злоупотреблять процессуальными правами и не возместить судебные расходы, суд имеет право обязать это лицо уплатить залог для обеспечения возмещения возможных судебных расходов. В случае неуплаты залога в установленный срок суд оставляет процессуальный документ без рассмотрения [7].

Таким образом, несомненный плюс изложенных норм — формализация, которая позволяет оптимизировать процесс, между тем, оставляя незначительное усмотрение суда, а также безусловно введение института задатка, как меры, пресекающей злоупотребление процессуальным правом, является тем механизмом, к которому, как представляется, следует присмотреться отечественному законодателю.

Говоря о четкости и формализме в вопросе пресечения следует также обратиться к Гражданскому процессуальному кодексу Франции, а именно статье 32.1, согласно которой любой, кто действует проволочно или злоупотребляет, может быть приговорен к гражданскому штрафу в размере до 10 000 евро без ущерба для возмещения ущерба, который будет заявлен (*Celui qui agit en justice de manière dilatoire ou abusive peut être condamné à une amende civile d'un maximum de 10 000 euros, sans préjudice des dommages-intérêts qui seraient réclamés.*) [8].

Согласно статье 177–2 Уголовного процессуального кодекса Франции предусмотрен штраф за злоупотребление правом на гражданский иск в сумме не более 15 000 евро (*Lorsqu'il rend une ordonnance de non-lieu à l'issue d'une information ouverte sur constitution de partie civile, le juge d'instruction peut, sur réquisitions du procureur de la République et par décision motivée, s'il considère que la constitution de partie civile a été abusive ou dilatoire, prononcer contre la partie civile une amende civile dont le montant ne peut excéder 15 000 euros*) [9].

Согласно ст. 741–12 КоАП Франции возможно наложение штрафа до 10 000 евро на лицо, которое злоупотребляет правом на обращение за судебной защитой, в том числе с апелляционной жалобой (*Le juge peut infliger à l'auteur d'une requête qu'il estime abusive une amende dont le montant ne peut excéder 10 000 euros*) [10].

Аналогичное детальное изложение ответственности за процессуальное злоупотребление изложено в Гражданском процессуальном кодексе Польши, а именно в статье 226.2, согласно которой суд вправе применить штраф, возмещение расходов в части, превышающей исход дела, или даже возместить расходы в полном объеме; взыскать с нарушителя судебные издержки, увеличенные в соответствии с увеличением загруженности противоположной стороны по делу, вызванным злоупотреблением, но не более чем в два раза; увеличить процентную ставку, присужденную с стороны, злоупотребление которой повлекло задержку в рассмотрении дела, на время, соответствующее задержке, при условии, что ставка может быть увеличена не более чем в два раза:

§ 1. Ilekroć zachowanie strony w świetle okoliczności sprawy wskazuje na nadużycie przez nią prawa procesowego, sąd poucza ją o możliwości zastosowania wobec niej środków, o których mowa w § 2.

§ 2. W przypadku gdy sąd stwierdzi nadużycie przez stronę prawa procesowego, może w orzeczeniu kończącym postępowanie w sprawie:

1) stronę nadużywającą skazać na grzywnę;

2) niezależnie od wyniku sprawy, odpowiednio do spowodowanej tym nadużyciem prawa procesowego zwłoki w jej rozpoznaniu, włożyć na stronę nadużywającą obowiązek zwrotu kosztów w części większej, niż wskazywałby wynik sprawy, a nawet zwrotu kosztów w całości;

3) na wniosek strony przeciwnej:

a) przyznać od strony nadużywającej koszty procesu podwyższone odpowiednio do spowodowanego tym nadużyciem zwiększenia nakładu pracy strony przeciwnej na prowadzenie sprawy, nie więcej jednak niż dwukrotnie,

b) podwyższyć stopę odsetek zasądzonych od strony, której nadużycie spowodowało zwłokę w rozpoznaniu sprawy, za czas odpowiadający tej zwłoce, z tym że stopa może zostać podwyższona nie więcej niż dwukrotnie; przepisów o maksymalnej dopuszczalnej wysokości odsetek ustawowych za opóźnienie nie stosuje się [11].

Чудиновская Н. А. в работе «Злоупотребление правами в некоторых зарубежных странах (на примере Франции и Польши)» характеризует процессуальное законодательство Польши и Франции в рамках пресечения злоупотребления процессуальными правами, комплексной концепцией противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Полагаем, что не согласиться с позицией автора сложно, в том числе с учетом вышеизложенных положений законодательства в этом вопросе. Видится целесообразным присмотреться к подобному опыту, однако вопрос широких полномочий суда при пресечении злоупотребления процессуальными правами сторон остается открытым, поскольку широкий спектр полномочий оставляет большое поле для умаления процессуальных прав со стороны суда, что является недопустимым [12].

Несколько схожими положениями процессуального законодательства с РФ является Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь. В соответствии со статьей 139 независимо от результатов рассмотрения дела суд может обязать недобросовестную сторону, третье лицо возместить судебные расходы другой стороне или в доход государства, если они вызваны уклонением от объяснений, дачей ложных объяснений, сокрытием, а также слишком поздним предъявлением доказательств или иными недобросовестными либо заведомо неправильными действиями.

В соответствии со статьей 168 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь участники гражданского судопроизводства должны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами и выполнять процессуальные обязанности. В случае зло-

употребления процессуальными правами либо умышленного неисполнения процессуальных обязанностей участниками гражданского судопроизводства и другими лицами к виновному в соответствии с нормами настоящего Кодекса и иными законами могут быть применены следующие виды процессуального воздействия:

- 1) предупреждение;
- 2) удаление из зала суда;
- 3) привод (принудительное доставление в зал судебного заседания или иное место совершения процессуального действия);
- 4) исключен;
- 5) возложение обязанности на недобросовестных участников гражданского судопроизводства возместить судебные расходы в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом [13].

При совершении правонарушений, предусмотренных частью второй настоящей статьи, в случаях, установленных законами, к виновным могут применяться меры административной и уголовной ответственности.

Между тем, согласно статье 25.1 КоАП Республики Беларусь неуважение к суду, выразившееся в уклонении от явки в суд, то есть неявка по вызову без уважительной причины, либо в неподчинении распоряжению председательствующего, либо в нарушении порядка во время судебного заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду, — влекут наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест [14].

Литература:

1. Гражданско-процессуальное законодательство Китайской Народной Республики. — Текст: электронный // 版权所有 © 全国人大常委会办公厅: [сайт]. — URL: <https://flk.npc.gov.cn/index.html> (дата обращения: 22.03.2025).
2. Нань, Гун Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая / Гун Нань. — Текст: электронный // Киберленинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-i-osobennosti-razvitiya-sistemy-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava-kitaya> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Коренченко, Р. Е. Процессуальная добросовестность в России и Китае / Р. Е. Коренченко. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=144841#WFrUGgUW5ZlSch8> (дата обращения: 23.03.2025).
4. Аболонин, В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии / В. О. Аболонин. — Москва: Волтерс Клувер, 2009. — 195 с. — Текст: непосредственный.
5. Брановицкий, К. Л. Злоупотребление процессуальным правом в Германии: актуальные тренды развития / К. Л. Брановицкий. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=150299#INycGgU8XkOvAD86> (дата обращения: 23.03.2025).
6. Bürgerliches, Gesetzbuch Bundesministerium der Justiz / Gesetzbuch Bürgerliches. — Текст: электронный // Bundesministerium der Justiz: [сайт]. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 23.03.2025).
7. Нам, К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность / К. В. Нам. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=120944#77ekGgUkv4e1rdn31> (дата обращения: 23.03.2025).
8. TEISĖS, A. R. Lietuvos Respublikos civilinio proceso kodeksas / A. R. TEISĖS. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.2E7C18F61454/asr> (дата обращения: 23.03.2025).
9. Коренченко, Р. Е. К вопросу о способах обеспечения добросовестного поведения в гражданском процессе / Р. Е. Коренченко. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=146193#7FCzGgUch12IqKOA2> (дата обращения: 23.03.2025).

Исходя из анализа вышеуказанных положений можно сделать вывод о единой направленности тенденций гражданского процессуального законодательства, пресекающих злоупотребление процессуальным правом в России и Республики Беларусь, что является закономерным развитием, в том числе с учетом исторического критерия.

Каждая из стран выбрана целенаправленно и обособленно для анализа. Так, Китай имеет колоритную эволюцию правовой системы, воплощающую в себе черты традиционного Китая, нотки социализма, отголоски романо-германской и англосаксонской правовой семьи, что безусловно нельзя оставить без внимания, в том числе и наряду с тем, что между Россией и Китаем налаживаются связи в различных сферах жизни, следовательно, и правовая область не может быть оставлена без внимания [15].

Далее, исходя из принципа нахождения России в романо-германской правовой семье выбраны естественным образом для анализа следующие страны: Германия, Франция, Литва, Польша, а также Беларусь.

Вышеизложенный анализ правовых норм, которые нацелены на пресечение злоупотребления процессуальными правами, указывает на то, что фактически они сводятся к относительно единообразным механизмам, лишь некоторые из объектов сравнения замечены в индивидуализме, например, уплата залога для обеспечения возмещения возможных судебных расходов (Литва). Однако об эффективности данных механизмов может говорить только практика их применения, которая не так неоднозначна, как может показаться на первый взгляд.

10. Code de procédure civile. — Текст: электронный // Journal officiel de la République française (JORF): [сайт]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000034747739 (дата обращения: 23.03.2025).
11. Code de procédure pénale. — Текст: электронный // Journal officiel de la République française (JORF): [сайт]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006167431/?anchor=LEGIARTI000006575402#LEGIARTI000006575402 (дата обращения: 23.03.2025).
12. Code de justice administrative. — Текст: электронный // Journal officiel de la République française (JORF): [сайт]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070933/LEGISCTA000006165739/#LEGISCTA000006165739 (дата обращения: 23.03.2025).
13. Kodeksu postępowania cywilnego. — Текст: электронный // System Informacji Prawnej LexLege: [сайт]. — URL: <https://lexlege.pl/kodeks-postepowania-cywilnego/#kpc/art-226-2/> (дата обращения: 23.03.2025).
14. Чудиновская, Н. А. Злоупотребление правами в некоторых зарубежных странах (на примере Франции и Польши) / Н. А. Чудиновская. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=149662#ASfPHgUiwsOMXdQ91> (дата обращения: 23.03.2025).
15. Трощинский, П. В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности / П. В. Трощинский. — Текст: электронный // Киберленинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-sistema-kitayskoy-narodnoy-respubliki-stanovlenie-razvitie-i-harakternye-osobennosti> (дата обращения: 25.03.2025).

Анализ и использование нормативных и правовых документов в системе материально-технического обеспечения муниципального учреждения

Коновал Артём Иванович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Изучены роль нормативно-правовых актов в организации материально-технического обеспечения муниципальных учреждений, ключевые законодательные документы, регулирующие процессы закупок, учета и эксплуатации материальных ресурсов.

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение, муниципальное учреждение, нормативные документы, закупки, управление ресурсами, бюджетные учреждения.

Analysis and use of regulatory and legal documents in the logistics system of a municipal institution

Konoval Artyom Ivanovich, student master's degree
St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia

The role of regulatory legal acts in the organization of material and technical support for municipal institutions, key legislative documents regulating the processes of procurement, accounting and operation of material resources have been studied.

Keywords: logistics, municipal institution, regulatory documents, procurement, resource management, budgetary institutions.

В современной системе государственного и муниципального управления особое значение приобретает вопрос эффективного материально-технического обеспечения муниципальных учреждений. Данная сфера деятельности, будучи строго регламентированной нормативно-правовыми актами различного уровня, требует комплексного научного осмысления существующих механизмов регулирования и выявления проблемных аспектов их практической реализации.

Вместе с этим, материально-техническое обеспечение муниципальных учреждений является важнейшим элементом их функционирования, поскольку от его эф-

фективности зависит качество предоставляемых услуг населению. Деятельность в этой сфере строго регламентируется нормативно-правовыми актами различного уровня, что создает как возможности, так и ограничения для администраций учреждений.

Цель данной статьи — провести анализ действующей нормативно-правовой базы, регулирующей материально-техническое обеспечение муниципальных учреждений, выявить основные проблемы ее применения и предложить пути совершенствования системы обеспечения.

Основу правового регулирования системы материально-технического обеспечения муниципальных учре-

ждений составляют положения Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Анализ статей 50–51 данного нормативного акта позволяет констатировать, что законодатель закрепляет за муниципальными образованиями право самостоятельного управления муниципальной собственностью, включая материально-технические ресурсы учреждений. Однако, как показывает практика, данная норма носит декларативный характер, поскольку реальные механизмы управления жестко регламентируются федеральным законодательством.

Особого внимания заслуживает анализ Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Проведенное исследование правоприменительной практики выявило существенные проблемы в реализации данного нормативного акта в условиях муниципальных учреждений.

Во-первых, отмечается явная избыточность регулирования для небольших по объему закупок, что приводит к неоправданному увеличению административных издержек.

Во-вторых, жесткие требования к документальному оформлению закупочных процедур зачастую не соответствуют кадровым возможностям муниципальных учреждений.

Также, следует отметить, что практика реализации положений 44-ФЗ в муниципальных учреждениях характеризуется существенными организационными и кадровыми сложностями. В отличие от государственных учреждений федерального уровня, муниципальные образования зачастую не имеют возможности создавать специализированные контрактные службы, что приводит к возложению дополнительных функций на бухгалтерские службы или кадровых работников, не обладающих необходимой квалификацией в сфере закупок. Согласно проведенным исследованиям, около 67 % муниципальных учреждений не имеют в штате подготовленных специалистов по закупкам, а в 45 % случаев ответственные лица совмещают эти функции с другими обязанностями. Это неизбежно приводит к ошибкам в документальном оформлении процедур, нарушениям сроков размещения информации в единой информационной системе и, как следствие, к увеличению числа судебных споров. Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию роста числа споров, связанных с применением 44-ФЗ в муниципальном секторе. Из 120 проанализированных судебных дел за 2022–2023 годы 62 % касались мелких закупок, 28 % были связаны с нарушениями сроков размещения информации, и лишь 10 % касались существенных нарушений в описании объекта закупки. Эти данные свидетельствуют о том, что основная масса нарушений носит технический характер и связана скорее с организационными сложностями, чем с умышленными действиями заказчиков.

Важным аспектом исследования является анализ бюджетного регулирования материально-технического обеспечения муниципальных учреждений. Бюджетный кодекс Российской Федерации, устанавливая принципы бюджетного финансирования, фактически ограничивает возможности муниципальных учреждений в оперативном реагировании на изменяющиеся потребности в материально-технических ресурсах. Особенно остро данная проблема проявляется в условиях секвестра бюджетных расходов, когда учреждения вынуждены работать на пределе минимальной обеспеченности. Особую проблему представляет система планирования бюджетных ассигнований. Действующая нормативная база, включая Федеральный закон № 44-ФЗ, требует заблаговременного планирования всех закупок, однако механизмы корректировки бюджетных росписей остаются чрезмерно бюрократизированными. На практике это приводит к тому, что учреждения вынуждены работать по устаревшим планам закупок, не успевая оперативно реагировать на изменяющиеся потребности. Проведенный анализ показал, что в 78 % случаев муниципальные учреждения сталкиваются с проблемой несвоевременного доведения лимитов бюджетных обязательств, что в среднем приводит к 3–4 месячным задержкам в осуществлении закупочной деятельности.

Проведенный анализ регионального и муниципального нормотворчества в сфере материально-технического обеспечения выявил существенную дифференциацию подходов к регулированию данного вопроса. В то время как в некоторых субъектах Российской Федерации приняты комплексные программы модернизации материально-технической базы муниципальных учреждений, в других — данный вопрос остается без должного внимания. Подобная диспропорция приводит к существенным различиям в уровне обеспеченности учреждений разных регионов.

Особую проблему представляет кадровое обеспечение системы материально-технического обеспечения. Анализ штатных расписаний муниципальных учреждений показывает, что в большинстве случаев отсутствуют специальные подразделения, отвечающие за материально-техническое обеспечение. Соответственно, данные функции возлагаются на сотрудников, не имеющих специальной подготовки, что негативно сказывается на эффективности управления ресурсами.

Перспективным направлением совершенствования системы МТО представляется цифровизация учетных процессов. Внедрение автоматизированных систем управления материальными потоками позволит не только повысить эффективность использования ресурсов, но и обеспечить необходимый уровень прозрачности и подконтрольности данных процессов.

Однако, как показывает анализ, основным препятствием для реализации данного направления является недостаточное бюджетное финансирование мероприятий по цифровой трансформации на муниципальном уровне.

В заключении следует отметить, что совершенствование системы материально-технического обеспечения муниципальных учреждений требует комплексного подхода, включающего как изменение нормативно-правовой базы, так и развитие инфраструктуры управления.

Особое внимание следует уделить вопросам оптимизации закупочных процедур для небольших муниципальных учреждений, развитию кадрового потенциала и внедрению современных технологий учета материальных ресурсов.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).
2. Кожокарь И. П. Правовые формы опосредствования имущественной обособленности унитарных предприятий и учреждений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (102). С. 156–166.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ.
4. Бюджетный кодекс РФ.
5. Мкртчян Г. А. Особенности правового положения казенных предприятий на современном этапе // Форум молодых ученых. 2016. № 4 (4). С. 653–656.

Практическое применение криминалистического моделирования личности преступника в раскрытии неочевидных преступлений

Косян Артём Арменович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены теоретические основы и практическое применение криминалистического моделирования (профилирования) личности преступника при раскрытии преступлений сложного, неочевидного характера. Описаны методологические подходы к построению модели преступника на основе анализа следов и обстоятельств совершённого деяния, приведены примеры реальных расследований, демонстрирующие эффективность данного метода. Отмечена необходимость совершенствования методики и подготовки специалистов для дальнейшего развития профилирования в криминалистике.

Ключевые слова: криминалистика, моделирование, профилирование, личность преступника, следственные версии, неочевидные преступления.

Practical applications of forensic profiling of the criminal's personality in solving non-obvious crimes

Kosyan Artyom Armenovich, student master's degree
Kuban State University (Krasnodar)

Криминалистическое моделирование личности преступника — это относительно новое, но быстро развивающееся направление в отечественной криминалистике. Оно объединяет элементы анализа поведения, логики преступного действия, психологических и социальных характеристик подозреваемого и позволяет получить целостное представление о личности преступника. В условиях, когда традиционные методы расследования не дают быстрых результатов, моделирование становится особенно важным для раскрытия неочевидных преступлений, где отсутствуют прямые улики, свидетели или подозреваемые.

Неочевидные преступления представляют собой категории деяний, раскрытие которых сопряжено с отсутствием непосредственного наблюдения со стороны очевидцев, а также с затруднением фиксации следов преступной деятельности. Это может быть связано с умыслом преступника скрыть следы, с особенностями места происшествия, или с тем, что преступление совершается в цифровом пространстве. Расследование таких дел требует применения нестандартных подходов, и моделирование личности преступника в этой связи становится значимым элементом процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Метод криминалистического моделирования включает в себя несколько этапов: сбор и анализ фактического материала, определение ключевых признаков личности, интерпретация поведения преступника на месте происшествия [1, с. 45], а также выведение логической структуры, отражающей мотивы, цели и возможные действия подозреваемого. На практике это может включать, например, анализ почерка преступника — как он выбирает жертву, как планирует преступление, насколько организован или импульсивен. Все эти сведения соотносятся с базами данных и общими криминалистическими шаблонами, что позволяет получить приближенную модель вероятного субъекта правонарушения.

Одним из основных достоинств моделирования является его возможность работать в условиях неполной или противоречивой информации. Там, где прямые доказательства отсутствуют, можно использовать совокупность косвенных признаков — поведенческие паттерны, характер предметов преступления, способ маскировки улик. Все это становится объектом анализа и используется для построения криминалистической модели. Кроме того, такая модель может стать основанием для выдвижения новых следственных версий, что особенно важно в условиях неочевидности событий.

Важным элементом модели является так называемое поведенческое профилирование. Этот метод позволяет выделить типовые характеристики субъекта: его эмоциональное состояние в момент совершения преступления, склонность к насилию, способ коммуникации, использование технологических средств и даже уровень образования. Такая информация может быть получена как из анализа следов, так и из поведения на месте преступления — расположение объектов, следы борьбы, выбор маршрута отхода. [5, с. 73]

Судебная практика в России и за рубежом содержит немало примеров успешного применения методик криминалистического моделирования. Так, в делах о серийных убийствах, сексуальных преступлениях или терактах [4, с. 259], когда преступник долгое время оставался неустановленным, профилирование становилось ключевым фактором, позволявшим не только сузить круг подозреваемых, но и предсказать его следующее действие. В отечественной практике также известно применение модели личности при анализе преступлений, совершённых с высоким уровнем организации, в том числе преступлений в финансово-экономической сфере.

Эффективность моделирования существенно возрастает при участии междисциплинарных команд, в состав которых входят не только следователи и оперативники, но и психологи, криминологи, специалисты по информационной безопасности, поведенческому анализу и анализу больших данных [2, с. 72]. Именно на стыке этих дисциплин формируется обоснованная и пригодная к применению модель, позволяющая выйти на конкретного подозреваемого или предотвратить совершение нового преступления.

Не менее важным аспектом является правовая допустимость использования моделей. Сама по себе модель не может рассматриваться как доказательство в уголовном процессе, однако она может служить основой для выдвижения версий, проведения экспертиз, направления запросов в базы данных, анализа записей камер наблюдения и иных следственных действий. В этом контексте криминалистическая модель выступает как вспомогательное средство познания, содействующее эффективному применению положений уголовно-процессуального закона. [6, с. 117]

Существуют также программные средства, позволяющие автоматизировать этапы моделирования. Некоторые из них уже тестируются в рамках МВД РФ и Следственного комитета. Речь идёт о системах, использующих алгоритмы машинного обучения для сопоставления действий преступника с известными паттернами, а также для автоматического выделения ключевых признаков личности. Такие системы становятся особенно востребованными при расследовании дел в области киберпреступности, где традиционные методы теряют актуальность.

Анализ тенденций развития криминалистической науки показывает, что моделирование личности преступника будет играть всё более значимую роль в условиях цифровизации и роста преступлений, совершаемых в анонимной или транслированной среде. Научное сообщество должно уделить внимание выработке единых стандартов построения моделей, их классификации, проверке на достоверность и эффективности. Это также предполагает внедрение методических рекомендаций для подготовки специалистов, способных использовать метод на практике, опираясь как на теоретические знания, так и на реальные алгоритмы.

Таким образом, криминалистическое моделирование личности преступника представляет собой необходимый компонент современной следственной деятельности. Оно позволяет формировать обоснованные версии, повышать эффективность расследования и систематизировать полученную информацию. Внедрение методики в практику должно сопровождаться нормативным обеспечением, образовательной подготовкой специалистов и развитием технологической базы.

Дополнительно стоит акцентировать внимание на особенностях применения моделирования в отдельных категориях преступлений. Так, при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), моделирование приобретает совершенно иное содержание. Преступник может находиться за границей, использовать средства анонимизации, поддельные цифровые идентификаторы. Однако даже в этих условиях специалист способен выстроить модель на основе характера взаимодействия с потерпевшими, стиливых особенностей общения, поведения в цифровом пространстве. Такие методы уже применяются в структурах по борьбе с киберпреступностью МВД России и ФСБ.

Кроме того, при расследовании преступлений экономической направленности моделирование используется для понимания уровня подготовки и мотивации правонарушителя. Например, выбор способа обналичивания средств, структура созданных юридических лиц, пути движения денежных потоков могут указывать на профессиональные компетенции субъекта. Часто именно логико-структурный анализ схем хищений позволяет установить вероятные личностные особенности и, тем самым, сузить круг поиска подозреваемых.

Отдельно следует подчеркнуть роль криминалистического моделирования в профилактике преступлений. Модель может использоваться для прогнозирования поведения потенциального правонарушителя. На основе анализа предшествующих действий, социального окружения, ранее совершенных правонарушений возможно создание риск-профиля, что позволяет органам внутренних дел ориентировать патрулирование и профилактические мероприятия. [7, с. 88] Подобная практика существует в некоторых регионах России, в частности, в рамках экспериментов в системе 'Безопасный город'.

Не стоит упускать из виду и проблемы нормативно-правового регулирования метода. В настоящее время в законодательстве отсутствует прямое упоминание криминалистического моделирования, что создаёт проблемы при его легализации в материалах уголовного дела. Однако, учитывая растущее значение метода, представляется целесообразным разработать отдельные методические рекомендации или включить соответствующие положения в УПК РФ, что укрепит правовую основу и обеспечит процессуальную прозрачность.

Немаловажным элементом повышения результативности является развитие учебных программ. Сегодня в вузах, готовящих юристов и сотрудников правоохранительных органов, вопросы моделирования личности преступника рассматриваются недостаточно системно. Следует ввести отдельные дисциплины, включающие

практику построения моделей, анализ кейсов, работу с реальными примерами из судебной и следственной практики. Это позволит будущим специалистам применять метод осознанно и грамотно.

Применение криминалистического моделирования также может быть тесно связано с искусственным интеллектом. Современные технологии обработки данных, нейросетевые алгоритмы и машинное обучение обладают колоссальным потенциалом в сфере анализа поведенческих моделей [3, с. 93]. Алгоритмы, обученные на базе материалов тысяч уголовных дел, смогут в перспективе не только строить профиль, но и предсказывать вероятность рецидива, склонность к насилию, выбор места совершения преступления. Подобные проекты активно развиваются за рубежом и в России.

Проблемой остается также восприятие моделирования со стороны следователей-практиков. В ряде случаев метод воспринимается как субъективный и малоэффективный. Однако такой подход часто обусловлен отсутствием должной подготовки и методической поддержки. Необходимо формирование устойчивого представления о моделировании как о важнейшем элементе аналитической следственной деятельности, что возможно лишь при тесной интеграции теории и практики.

Таким образом, криминалистическое моделирование личности преступника должно рассматриваться как обязательный компонент современной системы уголовного судопроизводства. Сфера его применения охватывает не только расследование, но и предупреждение, судебное рассмотрение, формирование доказательной базы, планирование процессуальных действий. При условии научной разработки, нормативного оформления и технологической поддержки этот метод способен вывести расследование неочевидных преступлений на качественно новый уровень, соответствующий требованиям современной правовой государственности и цифровой трансформации системы безопасности.

Литература:

1. Кудрявцев В. Н. Теория и практика уголовного анализа. — М.: Проспект, 2021. — 312 с.
2. Бобров В. А. Поведенческая криминалистика: современные методы исследования личности преступника // Вестник МГУ МВД России. — 2022. — № 4. — С. 71–76.
3. Плотникова Н. Е. Использование цифровых следов в профилировании личности преступника // Российская юстиция. — 2023. — № 6. — С. 91–94.
4. Ерзак М. С. Некоторые способы практического применения метода профилирования преступных лиц // Молодой ученый. — 2025. — № 14 (565). — С. 259–261.
5. Ахмедшин Р. Л., Ахмедшина Н. В. Криминалистическое профилирование: учебник для вузов. — М., 2023.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. — М.: Норма, 2001.
7. Долгова А. И. Криминология: учебник / А. И. Долгова. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2021. — 480 с.

Закономерности собирания доказательств в ходе предварительного расследования преступлений

Кретов Богдан Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор проводит обобщение закономерностей процесса собирания доказательств по уголовному делу следователями через производство следственных и иных процессуальных действий.

Ключевые слова: доказательство, собирание, следы, предварительное расследование, следователь.

Предварительное расследование преступлений по своему функциональному назначению предназначено для собирания доказательств виновности обвиняемого, составления на их основе обвинительного заключения и направлении всех материалов уголовного дела прокурору, а затем в суд. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации дифференцирует процесс доказывания на собирание, проверку, и последующую оценку доказательств. Таким образом, собирание доказательств — это структурно предопределенная стадия доказывания, на основании которой следователь или дознаватель принимают процессуальные решения, обусловленные всем ходом и достигнутыми результатами расследования.

Собирание доказательств преследует, в конечном итоге, цель накопления относимых, допустимых, достоверных доказательств в количестве, которое представляется субъекту доказывания достаточным, чтобы выстраивать логические выводы и считать вероятностное знание об обстоятельствах дела достоверным. Как отмечает А. В. Руденко, «на этапе собирания и проверки доказательств соблюдение порядка и формы, установленных уголовно-процессуальным законодательством, является условием получения достоверных знаний о доказательственных фактах» [1, с. 231].

Отсюда можно сделать вывод, что в общей структуре диалектики доказывания, собирание доказательств неотделимо от проверки собранной информации, но, вместе с тем, собирание само по себе есть результат целеопределения — версионного процесса и выделения из версий отдельных следствий, которые подлежат проверке существования.

Предварительное расследование преступлений производится посредством использования совокупности следственных действий и иных процессуальных действий, либо прямо закрепленных в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, либо юридически производных из правового статуса следователя. Также отмечается, что собирание доказательств при помощи следственных действий позволяет сформировать и познать их содержание непосредственно субъекту доказывания, что впоследствии облегчает ему составление обвинительного заключения и повышает осведомленность и общее качество расследования [2].

Субъектом собирания доказательств является только следователь или дознаватель, что выходит из смысла норм уголовно-процессуального закона. Это означает, что любая информация об обстоятельствах преступления, если она не стала предметом проверки со стороны указанного субъекта расследования, не может относиться к доказательствам. Любое из доказательств по делу образуется только после восприятия следовой информации руководителем расследования, и формированию им доказательства или назначения одного из видов судебной экспертизы.

Собирание, с точки зрения деятельностных начал, выражается совокупностью двух направлений работы следователя: обнаружении сведений, следов, истребованию документов, предметов с одной стороны, и их правильному процессуальному закреплению, с другой.

Обнаружение — это этап поисковой деятельности следователя, когда он активизирует все возможные с его стороны организационные и когнитивные ресурсы, и в рамках выдвинутых версий проводит лично или в группе со специалистами действия по отысканию следов, предметов, документов, иной информации, относящейся к расследуемому событию [3]. Следователь обнаруживает изначально не доказательство, а следы (сведения, информацию, данные), которые могут стать доказательством после необходимого исследования свойств относимости, допустимости и достоверности выявленного следа.

Чтобы обнаружить следы или иную информацию, обладающую вещественным отражением, следователи привлекают специалистов из разных отраслей техники и технологий. Они применяют технико-криминалистические средства поиска и изъятия следов происшествя, что дает возможность выявлять невидимые и слабовидимые материальные следы, а также следы, образующиеся в памяти электронных устройств обработки информации.

И. И. Литвин по этому поводу отмечает, что «с помощью технических средств можно как зафиксировать, так и проверить идеальные образы, например, аудио-, видеозапись может подтвердить или опровергнуть показания потерпевшего или свидетеля. Сказанное позволяет прийти к выводу, что полученные с помощью технических средств сведения влияют на повышение качества доказывания» [4, с. 63].

Содействие специалиста не только ускоряет отыскание следовой информации, но и освобождает следователя для

дальнейшей организационно-поисковой работы и фиксации обнаруженных сведений.

Собственно, собирание доказательств, в прямом понимании, происходит на втором этапе, – закреплении следов, которая в современной криминалистике и теории доказывания рассматривается в качестве способов правильной процессуальной фиксации обнаруженных следов. Фиксация предполагает, что установленная доказательственная информация определяется в один из предусмотренных в законе источников доказательств, в наибольшей степени подходящих под сущность формализуемого следа (доказательственной информации).

Отечественная криминалистика имеет в своей структуре общих научных положений отдельное учение о способах фиксации доказательственной информации, куда относятся четыре вида фиксации: фиксация словесная, путем описания в протоколах следственных действий; фиксация графическая — составление схем, планов, графиков, компьютерных моделей, статистических расчетов; фиксация предметная — изъятие следов-предметов или документов в натуре, либо изготовление копий следов, документов, слепков; фиксация наглядно-образная предполагает фотосъемку, видеозапись следов. Однако нельзя исключать, что дальнейшее развитие и внедрение компьютерных средств объемного моделирования и сравнения параметров объектов приведет к появлению новых способов фиксации доказательственной информации.

Как показывает практика изучения материалов уголовных дел, общей закономерностью является приоритет протокольной формы закрепления доказательств, если следы обнаружены следователем или иным лицом, или заключением эксперта, если доказательственная информация вводится в уголовное дело субъектом специальных знаний через форму судебной экспертизы.

Другой закономерностью в собирании доказательств выступает то, что важна не только сущность доказательства, но не менее важно и закрепление источника происхождения доказательства. Это необходимо для того, чтобы следователь, прокурор, суд имели возможность проверить достоверность и допустимость доказательства, выяснить пространственные и временные характеристики формирования и обнаружения сведений, составляющих существо данного или иных, связанных с ним доказательств [5].

Предварительное расследование обеспечивает интересы судебного разбирательства, что предусматривает обязанность субъектов расследования по фиксации не

только содержательной стороны доказательства в формируемых процессуальных документах, но и указание на человека или объект, от которого такие сведения получены. Впоследствии, если в суде возникнут вопросы относительно допустимости использования доказательства, суд вправе вызвать и допросить участника предварительного расследования по вопросам, вызвавшим противоречия в оценке спорного доказательства.

Поэтому на досудебных стадиях уголовного судопроизводства следователь обязан разрешать потенциальный тактический риск неполноты или недостоверности доказательственной информации с помощью установления одних и тех же обстоятельств разными доказательствами, которые при этом не являются производными друг от друга. Мы считаем, что полное и надежное установление проверяемых по делу обстоятельств в предварительном расследовании повышает его качество и снимает множество вопросов стороны защиты в судебном разбирательстве.

Таким образом, собирание доказательств — это процессуально регламентированная первая стадия процесса доказывания по уголовным делам, оно осуществляется следователем или дознавателем. Собирание содержит в себе два хронологически последовательных направления работы субъектов: первое, – это поиск и обнаружение информации, которая должна образоваться в соответствии с выдвинутыми версиями; второе, – это процессуальное закрепление найденной информации в источниках доказательств, как правило, это протокол следственного действия.

Мы отмечаем, что параллельно с собиранием, следователи и дознаватели производят постоянную проверку и оценку содержания всех имеющихся в их распоряжении доказательств. Это делается с таким расчетом, чтобы по завершении предварительного расследования иметь субъективную уверенность в виновности обвиняемого, и необходимости передачи уголовного дела в суд для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности за совершенное преступление.

Собирание можно представить в виде комплекса действий по накоплению доказательств, что связано с необходимостью для субъекта доказывания в предварительном расследовании обеспечить такое количественное закрепление доказательственных сведений, чтобы впоследствии сам этот субъект, а также прокурор и суд были в состоянии осуществить переход от вероятностного знания к достоверному.

Литература:

1. Руденко, А. В. Содержательная логика доказывания: монография / А. В. Руденко. – Москва: Проспект, 2011. – 280 с. – Текст: непосредственный.
2. Давыдовская, М. В. Судебно-следственные действия как способ собирания доказательств / М. В. Давыдовская. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 369–372.
3. Самойлов, А. Ю. Закономерности следообразования как основа криминалистической деятельности следователя / А. Ю. Самойлов. – Текст: непосредственный // Научный компонент. – 2021. – № 3. – С. 150–154.

4. Литвин, И. И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Литвин Илья Ильич. – Екатеринбург, 2018. – 219 с. – Текст: непосредственный.
5. Смолин, А. В. Становление и развитие института уголовно-процессуального доказывания / А. В. Смолин. – Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. Т. 21. – № 1. – С. 93–106.

Основные характеристики системы доказательств по уголовному делу

Кретов Богдан Юрьевич, студент магистратуры
 Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
 Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор проводит анализ основных качественных характеристик системы доказательств по уголовному делу: полноты, достоверности, надежности, согласованности, однозначности толкования.

Ключевые слова: доказательство, уголовное дело, система доказательств, полнота, достоверность.

Процесс доказывания по уголовным делам формируется из совокупности действий по собиранию, проверке и оценке доказательств субъектами доказывания. Легальное определение доказательства определяется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации как «любые сведения, с помощью которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Требования к каждому доказательству определяются в виде свойств относимости, допустимости, достоверности и общей количественной достаточности для всей системы доказательств по конкретному делу.

Практика работы с доказательствами показывает, что следователи, прокуроры и суды во время оценки доказательств и принятия по его итогам одного из предусмотренных процессуальных решений, фокусируют свое внимание не на единичных доказательствах, а на всех собранных и прошедших проверку доказательствах. Эта закономерность показывает необходимость рассмотрения всей системы доказательств в качестве единого целого, объединяющего в себе совокупность доказательств и образующиеся внутри системы информационных и логических связей.

Опираясь на положения диалектической логики, отметим, что всеобщий закон перехода количественных изменений в качественные работает в отношении системы доказательств и доказывания в целом, поэтому такое преобразование системы доказательственной информации достигается благодаря достижению меры перехода. Она носит субъективный характер для субъекта, но в ее фундаменте лежит не только анализ свойств отдельных доказательств, но и рассмотрение всех представленных в деле доказательств в виде неразрывно связанной системы.

Один из основоположников отечественной теории доказывания, А. А. Хмыров, указывал на то, что «система

доказательств должна отвечать требованиям полноты, достоверности, надежности, согласованности и однозначности» [1, с. 109]. Все характерные свойства системы доказательств, как видно из определения, не тождественны свойству единичного доказательства, что указывает на новое качественное содержание всей системы.

Полнота системы доказательств может быть прочтена по аналогии с требованием свойства достаточности доказательств. Эта особенность подчеркивается многими авторами по проблеме, но следует заметить, что полнота воспринимается нами в виде объективной категории количественного уровня, в то время как достаточность — это решение субъекта о наличии в деле такого количества доказательств, которые по и своим количественным характеристикам, и по кругу устанавливаемых обстоятельств удовлетворяют критериям принятия процессуального решения.

Сегодняшняя практика расследования уголовных дел и приобщения к нему собранных доказательств показывает значительное увеличение в структуре доказательств информации, закрепленной на электронных носителях в цифровой форме своего представления. Эта закономерность отражает факт того, что преступность меняет подходы к реализации способов совершения преступлений, рассчитывая на большую вероятность ухода от ответственности.

Работа с электронными доказательствами предполагает сначала внешнее описание в протоколе следственного действия обнаруженного объекта, затем привлечение специалиста и описание содержания каталога файловой системы объекта-носителя электронных следов. После выявления криминалистически значимых сведений, такой объект подлежит направлению на производство судебной компьютерно-технической экспертизы в экспертное учреждение.

Приобщение материалов на электронных носителях информации к системе доказательств для обеспечения ее

полноты является одной из практических проблем формирования материалов уголовного дела. К. Д. Муратов предлагает реализовать цифровую платформу в виде единого репозитория информационного поля вещественных доказательств, содержащих информацию на электронных носителях, чтобы обеспечить бесперебойный доступ к первичной электронной информации по уголовным делам [2, с. 352].

Такой подход не лишен оснований, потому что ежегодный прирост преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий свидетельствует о необходимости принятия и осуществления подобных решений, сопряженных с первичным накоплением и программным анализом информационного содержания криминалистически значимых сведений [3, с. 225–226].

Следующее существенное свойство системы доказательств тоже перенесено из свойства отдельного доказательства, и отражает критерий достоверности системы. Современное понимание этого феномена складывается на уровне промежуточных фактов, то есть таких, которые являются неотъемлемыми составными частями какого-либо обстоятельства, входящего в предмет доказывания по уголовному делу. Достоверность, исходя из этих построений, выражается через объединение нескольких источников сведений в частную систему доказательств, что ведет к ее информационному наполнению соответствующими истинными фактами.

Истинность определяется в том, что построенная мысленная модель информационного содержания доказательства отражает ее фактическое содержание. Мы думаем, что свойство достоверности, применительно к системе доказательств, отражает как истинность содержания отдельного доказательства в этой системе, так и истинность всей системы в совокупности. Получается, что интегративный подход базируется на строго механических началах сложения достоверности каждого доказательства по отдельности, но именно таким способом достигается нужная субъектам доказывания, в особенности — суду и следователю, индивидуальность проверки и оценки доказательства.

Дальнейшее исследование системы доказательств по уголовным делам приводит нас к выводу о наличии в ней свойства надежности. Данное свойство отсутствует в определении свойств отдельно взятого доказательства, и выступает средством познания системы исключительно в интегративном плане. Поэтому здесь обращается внимание на количественную составляющую представляемой системы.

В нашем представлении, надежность образуется тогда, когда между доказательственными и промежуточными фактами разных доказательств сформированы такие связи, где факты одного подтверждают и в некоторой мере факты другого доказательства. Происходит перестраховка устанавливаемых обстоятельств с помощью фактов, входящих в информационную сущность разных доказательств в рамках собранной системы. Это ведет

к тому, что следователь или дознаватель своим долгом должны считать такое производство предварительного расследования и собирание доказательств, при котором достигается принципиальная возможность проверки обстоятельств с помощью разных доказательств. К тому же, соблюдение такого требования уменьшает вероятность наступления неблагоприятных последствий, если какое-либо из доказательств будет признано судом недопустимым и исключено из перечня доказательств по уголовному делу.

Другая качественная характеристика строится вокруг свойства согласованности системы доказательств. Она определяет, возможность устанавливать фактические обстоятельства дела, даже если в этом деле имеются другие фактические обстоятельства, противоположные содержанию первоначальных обстоятельств. Такая ситуация может возникнуть, когда преступники тщательно маскируют следы или проводят инсценировку в отношении события или элементов преступления.

То есть, само разоблачение преступления с элементами сокрытия не отменяет обязанности по включению доказательств, относящихся к сокрытию, в материалы дела. Но эти доказательства логически разоблачаются массивом других доказательств, часто имеющих в своем основании основополагающую формально-логическую, техническую, биологическую, психологическую закономерность, которая выявляет факт сокрытия или улику поведения преступника. Если говорить о современном состоянии проблемы, то авторы научных исследований указывают на повышение осведомленности следователей в части познания технико-технологических закономерностей электронного (цифрового) слеодообразования [4, с. 234–235].

Еще одной значимой характеристикой выступает однозначность системы доказательств, понимаемая нами через призму логически непротиворечивой последовательности подтверждаемой ими фактов, которые позволяют сформулировать только единичное представление об оцениваемом преступном событии и его участниках. Определение однозначности необходимо в ситуациях использования стороной обвинения косвенных доказательств — использования сведений, которые не имеют прямой связи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. В. Р. Шукурова обоснованно отмечает, что «в отличие от прямых доказательств, где все очевидно, установление относимости косвенных доказательств часто вызывает трудности. Это объясняется тем, что каждое косвенное доказательство может иметь несколько возможных толкований. Кроме того, относимость одного и того же косвенного доказательства в процессе расследования уголовного дела может меняться в зависимости от выявления новых обстоятельств» [5, с. 98].

Однозначность обуславливает логическую оценку всех установленных фактов в виде логической и одновременно хронологической последовательности, которая не может быть интерпретирована иначе. Она объединяет, таким образом, все характеристики системы доказательств по уго-

ловному делу и формирует у субъекта доказывания обоснованное представление о фактических обстоятельствах произошедшего.

Изученная нами характеристика системы доказательств по уголовным делам отражает комплексный

подход к изучению закономерностей доказывания и достижению задач уголовного судопроизводства. Принимаемые процессуальные решения основываются на устанавливаемых фактических данных и образуют основу уголовной юстиции.

Литература:

1. Хмыров, А. А. Теория доказывания: общая часть / А. А. Хмыров. – 3-е изд., доп. и испр. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – 176 с. – Текст: непосредственный.
2. Муратов, К. Д. Хранение цифровой информации при формировании системы вещественных доказательств по уголовному делу / К. Д. Муратов. – Текст: непосредственный // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 349–353.
3. Бондаренко, Ю. А. Некоторые аспекты проверки сообщений о преступлениях в области информационных технологий, связанных с причинением материального ущерба гражданину / Ю. А. Бондаренко, М. А. Калужина. – Текст: непосредственный // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). – 2023. – № 1. – С. 222–227.
4. Шаталов, А. С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве / А. С. Шаталов. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 500. – С. 231–237.
5. Шукурова, В. Р. Роль косвенных доказательств в системе доказательств по уголовному делу / В. Р. Шукурова, Н. В. Пальчикова. – Текст: непосредственный // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 11. – С. 96–99.

Этапы становления и развития приказного производства в России

Кругликова Елена Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена этапам становления и развития приказного производства в России, начиная с XVI века и заканчивая современными тенденциями. В ней рассматриваются исторические контексты, влияющие на формирование системы, а также ключевые реформы, проведенные в XVIII и XIX веках. Особое внимание уделяется роли царской власти, влиянию иностранных законодательств и изменениям в судебной системе в советский и постсоветский периоды. В заключении подчеркивается значение исторического анализа для понимания современного правосудия в России.

Ключевые слова: анализ, история, приказное производство, правосудие, реформы

Приказное производство является важной частью правовой системы России, играющей значительную роль в осуществлении правосудия и защите прав граждан. Оно охватывает различные аспекты судебного разбирательства и обеспечивает порядок в разрешении конфликтов. Становление и развитие этой системы неразрывно связано с историческими, социальными и политическими изменениями, происходившими в стране на протяжении веков.

Значение приказного производства в правовой системе России трудно переоценить. Оно служит инструментом для быстрого и эффективного разрешения споров, что особенно актуально в условиях высокой нагрузки на суды. Приказное производство позволяет упрощать процедуры и уменьшать сроки рассмотрения дел, что является важным фактором для обеспечения доступа граждан к правосудию. Кроме того, оно способствует снижению

уровня конфликтности и улучшению правовой среды, что в свою очередь положительно сказывается на социальной стабильности.

До введения приказного производства правовая система России имела свои особенности, сформировавшиеся под влиянием традиций и обычаев, существовавших на протяжении многих веков. Основой правовых норм в этот период служили устные обычаи и местные законы, а также своды норм, такие как Русская Правда. Судебные разбирательства, как правило, проходили в рамках общин, где решения принимались на основе совета старейшин или местного князя.

С течением времени, особенно с укреплением централизованной власти, стало очевидно, что существующие механизмы правосудия требуют реформирования. Появление приказного производства стало ответом на необходимость упорядочивания судебных процессов и улуч-

шения их доступности для населения. Это решение также было продиктовано растущими социальными и экономическими потребностями общества.

Необходимо отметить, что на развитие российской правовой системы оказало значительное влияние иностранное законодательство. В частности, с XVI века началось активное заимствование норм и институтов из европейских правовых систем. Наиболее заметным было влияние польского и литовского права, а также законодательства стран Западной Европы. Реформы Петра I, направленные на модернизацию России, включали в себя внедрение элементов западного правосудия, что способствовало созданию более структурированной и эффективной судебной системы [1].

В XVI-XVII веках в России началось формирование приказного производства, которое стало важным этапом в эволюции правовой системы страны. Появление первых приказов было связано с необходимостью упорядочивания управления и судебных процессов. Приказы представляли собой специальные органы, которые занимались решением различных дел, включая уголовные и гражданские. Они выполняли функции, аналогичные современным судебным инстанциям, но в упрощенной форме, что позволяло быстро реагировать на возникающие споры и конфликты.

Роль царской власти в установлении приказного производства была значительной. Цари, осознавая необходимость централизации власти и контроля над судебными процессами, активно поддерживали создание приказов. Это позволяло не только упорядочить правосудие, но и укрепить авторитет монарха. Приказы действовали как инструменты, с помощью которых царская власть могла эффективно управлять обществом, обеспечивая выполнение законов и указов.

Важным аспектом работы приказов было то, что они сочетали в себе как судебные, так и административные функции. Это позволяло им не только рассматривать дела, но и принимать меры по предотвращению правонарушений. Таким образом, приказное производство стало основой для дальнейшего развития судебной системы в России, обеспечивая баланс между необходимостью контроля и защитой прав граждан.

В XVIII веке приказное производство в России претерпело значительные изменения, которые стали основой для формирования более структурированной судебной системы. Установление системы приказов было связано с необходимостью упорядочивания правосудия и улучшения его доступности для населения. Приказы стали не только органами управления, но и важными инстанциями, рассматривающими дела различных категорий. Это позволило значительно ускорить процесс разрешения споров и повысить эффективность судебной системы.

Важную роль в реформировании судебной системы сыграл Петр I. Его реформы, направленные на модернизацию России, затронули все сферы жизни, включая правосудие. Петр I понимал, что для успешного функциони-

рования государства необходимо создать эффективную судебную систему, способную справляться с быстро меняющимися условиями. Он внедрил новые принципы организации судебных органов и значительно расширил полномочия приказов, что способствовало укреплению центральной власти.

Создание специализированных судебных учреждений стало важным шагом в развитии приказного производства. Появление таких органов, как военные и гражданские суды, позволило сосредоточить внимание на конкретных категориях дел и обеспечить более глубокую экспертизу в различных сферах. Это также способствовало разделению судебных функций и улучшению качества правосудия. Специализация судов позволила более эффективно реагировать на потребности общества и обеспечивать защиту прав граждан.

В XIX веке Россия пережила значительные законодательные изменения, что особенно ярко проявилось в принятии Устава гражданского судопроизводства 1864 года [2]. Этот документ стал важным этапом в истории российской юриспруденции, так как он кардинально изменил подход к судебному процессу. Устав ввел новые нормы, направленные на упрощение и ускорение гражданского судопроизводства, а также обеспечил более широкий доступ граждан к правосудию. Он установил принципы открытости, гласности и состязательности в судебных разбирательствах, что способствовало повышению доверия к судебной системе.

Реформа 1864 года оказала значительное влияние на приказное производство. С введением новых норм и процедур, роль приказов стала постепенно уменьшаться. Вместо прежней системы, где основное внимание уделялось административным аспектам, акцент переместился на судебные процедуры, что способствовало более четкому разделению функций между различными судебными инстанциями. Приказы, как институт, начали терять свою значимость, уступая место более современным формам судопроизводства.

Переход к более современным формам судебного разбирательства также был связан с внедрением новых технологий и методов организации работы судов. Судебные заседания стали более структурированными, а процессуальные нормы — более четкими. Это позволяло значительно повысить качество правосудия и сократить сроки рассмотрения дел. В результате, судебная система России начала адаптироваться к требованиям времени, что в конечном итоге способствовало ее дальнейшему развитию и совершенствованию.

В XX веке, особенно после Октябрьской революции 1917 года, приказное производство в России претерпело значительные изменения в условиях социалистической системы. С возникновением СССР судебная система была полностью реорганизована в соответствии с идеологией партии, что сказалось на всех аспектах правосудия. Приказное производство, как одна из форм судопроизводства, стало частью более широкой системы, ориентированной на за-

щиту интересов государства и партии. Это означало, что судебные процессы были подвержены влиянию политической власти, что существенно изменило их суть и функции.

В условиях социалистической системы роль судебной системы в партийной политике была крайне важной. Судебные органы стали инструментом реализации партийной линии и защиты интересов государства. Судебные решения часто принимались не столько на основе закона, сколько в соответствии с политическими целями и задачами, определяемыми руководством партии. Это создало атмосферу, в которой правосудие было подчинено идеологическим принципам, что, в свою очередь, часто приводило к нарушениям прав граждан и несправедливым приговорам.

Кроме того, в этот период наблюдался рост числа уголовных дел, связанных с политическими репрессиями. Приказное производство и другие формы судопроизводства использовались для борьбы с реальными и мнимыми противниками режима, что подрывало принципы справедливости и правосудия. Судебные органы часто действовали как инструменты политического преследования, что кардинально отличало их функции от тех, что существовали в дореволюционной России.

В XXI веке приказное производство в России продолжает развиваться, адаптируясь к современным условиям и требованиям общества. Актуальные тенденции в этой сфере включают стремление к упрощению судебных процедур, повышение доступности правосудия и улучшение качества судебных решений [3]. В условиях растущей нагрузки на судебную систему важность эффективного и быстрого разрешения споров становится все более актуальной, что делает приказное производство важным инструментом в обеспечении правосудия.

Влияние технологий на судебные процессы также невозможно переоценить. Внедрение цифровых технологий и автоматизации стало ключевым фактором в изменении работы судов. Электронное судопроизводство, онлайн-заседания и использование информационных систем позволяют значительно ускорить процесс рассмотрения дел и улучшить взаимодействие между судами и гражданами. Технологии помогают не только оптимизировать рабочие процессы, но и повышают прозрачность и открытость судебной системы.

Литература:

1. Комаров С. А. Общая теория государства и права. М: Юрайт, 2023. 529 с.
2. Бакарджиев Я. В., Ромашов Р. А., Рыбаков В. А. Теория государства и права в 2 частях. Часть 1. М: Юрайт, 2024. 196 с.
3. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права России. Уч. пос. в 2 т. Т. 2. Право. М: Проспект, 2021. 448 с.

Однако, несмотря на положительные изменения, перед системой приказного производства стоят серьезные проблемы и вызовы. Одной из основных является необходимость обеспечения независимости судов и защиты прав граждан. Существуют риски политического влияния и коррупции, которые могут подрывать доверие к судебной системе. Кроме того, вопросы о качестве правосудия и необходимости повышения квалификации судей остаются актуальными.

Эволюция приказного производства в России представляет собой сложный и многогранный процесс, который отражает изменения в обществе, политике и правовой системе на протяжении веков. Начиная с первых приказов в XVI-XVII веках и заканчивая современными тенденциями, этот институт прошел через множество этапов, адаптируясь к новым вызовам и требованиям времени. Принятие ключевых законодательных актов и реформ, таких как Устав гражданского судопроизводства 1864 года, значительно изменило его функции, сделав акцент на защите прав граждан и повышении доступности правосудия.

Итоги эволюции приказного производства подчеркивают важность его роли в становлении судебной системы России. Несмотря на многочисленные изменения, эта форма судопроизводства продолжает оставаться актуальной, обеспечивая эффективное разрешение споров и способствуя поддержанию правопорядка. Однако, с учетом современных вызовов, таких как влияние технологий и необходимость защиты независимости судов, необходимо продолжать работать над усовершенствованием системы.

Значение исторического анализа в этом контексте трудно переоценить. Понимание исторических корней и развития приказного производства позволяет глубже осознать современные проблемы правосудия и выработать эффективные стратегии для их решения. Исследование прошлого судебной системы помогает выявить не только успешные практики, но и ошибки, которые следует избегать в будущем. Таким образом, исторический анализ становится важным инструментом для повышения качества правосудия и укрепления доверия граждан к судебной системе.

Права, обязанности и ответственность потерпевшего в уголовном судопроизводстве

Кудрявцева Дина Темуровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Нуриев Ибиамин Нуруевич, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены процессуальные особенности реализации прав и обязанностей потерпевшего в уголовном процессе. Потерпевший — активный участник во всех стадиях уголовного судопроизводства и, прежде всего, стадии предварительного расследования. По его инициативе (заявление о преступлении) нередко начинается уголовно-процессуальная деятельность. От его волеизъявления в определенных законом случаях зависит ее прекращение. Поэтому его участие в уголовном процессе оправдано и необходимо.

Ключевые слова: потерпевший, права, обязанности, ограничения, запреты, физическое лицо, юридическое лицо, причиненный вред

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления. Данная норма позволяет признать потерпевшего ключевым участником уголовного процесса, так как государство обеспечивает ему доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред. Приобретение процессуального статуса потерпевшего возможно на основании вынесения постановления следователем (дознавателем).

В качестве потерпевших могут выступать физические лица. Они могут быть как совершеннолетними, так и несовершеннолетними. На статус потерпевшего не влияют уровень психического развития, дееспособности, занимаемой должности. Если потерпевший погиб, то его интересы в уголовном процессе представляет его ближайший родственник (ч. 8 ст. 42 УПК РФ) [1].

Основанием для признания физического лица потерпевшим является факт причинения ему преступлением физического, имущественного, морального вреда. Физический вред состоит в расстройстве здоровья, причинении телесных повреждений, физических и психических страданий.

Например, в результате ДТП произошло столкновение автомобилей. Потерпевшему был причинен физический вред в форме закрытого перелома шейки левой бедренной кости со смещением костных отломков, закрытых переломов, сотрясения головного мозга, кровоподтеков лобной области, параорбитальной области слева и справа, которые в комплексе причинили тяжкий вред здоровью по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть [2].

Имущественным вредом является любое уменьшение материальных ценностей потерпевшего. Например, Ч. проник в жилое помещение, похитил плазменный телевизор «Х», фотоаппарат «Х», принтер «Х», и др. на общую сумму 111 792 рубля, что является для потерпевшего значительным ущербом [3].

Под моральным вредом понимаются нравственные и (или) физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т. п.), нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства, другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Основанием признания юридического лица потерпевшим является установление факта причинения вреда его имуществу или деловой репутации. Вред для юридических лиц чаще всего бывает материальный или репутационный. Для подтверждения своего статуса юридическое лицо должно предоставить документы, подтверждающие официальный статус.

Относя потерпевшего к стороне обвинения, законодатель наделил его специфическими правами: поддерживать обвинение, несмотря на участие в деле государственного обвинителя; участвовать в прениях и др..

Конституционные права потерпевшего закреплены в Конституции РФ. Отраслевые (уголовно-процессуальные) права предусмотрены только УПК РФ, либо иными федеральными законами, являющимися источником уголовно-процессуального права. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Право подавать заявление о возбуждении уголовного дела является ключевым правом потерпевшего. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116 УК РФ, считаются делами частного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ (в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащим ему правом).

Право давать показания означает, что потерпевший должен быть заслушан следователем (дознавателем), а также судом обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Потерпевший имеет право не только на изложение конкретных фактов и обстоятельств, имеющих значение для дела, но вправе также излагать свою версию обвинения, обосновывать ее имеющимися в его распоряжении сведениями, давать свое объяснение известным следствию и суду фактам.

Наряду с правами законодатель возлагает на потерпевшего ряд обязанностей (ч. 5 ст. 42 УПК), формулируя их как уголовно-процессуальные запреты, и предусматривает уголовную (ч. 7 ст. 42 УПК) и уголовно-процессуальную (ч. 6 ст. 42 УПК) ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. В частности, потерпевший обязан:

- 1) являться по вызову дознавателя, следователя и в суд. В соответствии со ст. 188 УПК вызов производится повесткой, в которой помимо других данных указываются последствия неявки без уважительных причин;
- 2) давать полные и правдивые показания;
- 3) не разглашать ставшие ему известными данные предварительного расследования.

Потерпевший «не вправе» «уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд». Формы уклонения могут быть различными. (противодействие, игнорирование, бездействие и др.) [4].

В то же время уклонение может иметь место только в случае наличия у потерпевшего реальной возможности явиться к следователю. Если повестку он получил несвоевременно или потерпевший из-за болезни, нахождения в другом городе и др. не в состоянии прибыть к следователю, потерпевшим не нарушается требование п. 1 ч. 5 ст. 42 УПК РФ [5].

У потерпевшего есть обязанность явиться по вызову. Но вместе с тем следует помнить, что и следователь (дознаватель) не вправе вызывать лицо без наличия к тому фактических оснований. Гражданина можно допросить только тогда, когда в распоряжении следователя (дознавателя), имеются материалы (доказательства), из которых следует, что вызываемому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению или проверке по данному уголовному делу. Причем это должны быть сведения, о которых он ранее не сообщал.

Потерпевший, не достигший возраста шестнадцати лет вызывается через его законных представителей либо

через администрацию по месту его работы или учебы, а если несовершеннолетний содержится в специализированном учреждении для несовершеннолетних — через администрацию этого учреждения. Иной порядок вызова допускается лишь в случае, когда это обусловлено обстоятельствами уголовного дела.

Военнослужащий вызывается через командование воинской части.

К последствиям неявки потерпевшего относятся: привод (первоочередная и чаще других применяемая мера); обязательство о явке; денежное взыскание (ч. 2 ст. 111 УПК). Для применения указанных мер должны быть установлены факты вручения вызываемому лицу повестки и отсутствия уважительных причин, которыми признаются: болезнь, лишаящая возможности явиться, несвоевременное получение повестки, иные обстоятельства, имеющие характер объективного препятствия (например, стихийное бедствие, болезнь члена семьи, требующая постоянного ухода, отсутствие необходимого транспорта и др.).

Потерпевшему запрещается давать не соответствующие действительности показания. Он обязан сообщать сведения, соответствующие реально имевшим место в действительности обстоятельствам. Нарушение возложенной на потерпевшего рассматриваемой обязанности может быть признано умышленным деянием.

В случае установления факта отказа от дачи показаний или дачи ложных показаний потерпевший может быть привлечен к уголовной ответственности соответственно по ст. 307 и 308 УК. Для привлечения к уголовной ответственности потерпевшему необходимо во вводной части допроса (до фактического получения показаний) разъяснить его обязанности и ответственность, о чем делается отметка в протоколе его допроса.

Таким образом, в правовом статусе потерпевшего **активирован интерес личности, которой был причинен вред в результате преступного посягательства. Этот интерес определяется потребностью в справедливом возмездии за преступление, в возмещении причиненного им ущерба. Деятельность потерпевшего в рамках уголовного судопроизводства направлена к удовлетворению данной потребности. Поэтому его деятельность в уголовном процессе носит обвинительный характер постольку, поскольку он стремится к тому, чтобы лицо, совершившее преступление, было привлечено к ответственности и наказано, а причиненный преступлением вред был возмещен** [6].

Литература:

1. Рахимзода М. С. Участники уголовного процесса, по отношению к которым применяются меры государственной защиты // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 8. С. 202.
2. Постановление Верховного Суда Республики Татарстан № 22–5965/2020 от 28 августа 2020 г. по делу № 22–5965/2020 [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 8.12.2024).

3. Приговор Московского областного суда № 2–59/2020 от 4 августа 2020 г. по делу № 2–59/2020 [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 8.12.2024).
4. Бахта А. С., Нуриев И. Н. Поведение участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования как одна из причин нарушения разумного срока // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 36–40.
5. Безлепкин Б. Т. Комментарий УПК РФ. М., 2020. С. 120
6. Нуриев И. Н. Моральный и имущественный вред как следствие нарушения разумного срока предварительного расследования // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. 124–129.

Foreign experience in considering cases on protection of honor and dignity of the individual

Kuznetsova Nadezhda Vyacheslavovna, student
Tyumen State University

In this article, the author examines the topical legal institution of protection of honor and dignity of the individual, revealing key aspects of protection of honor and dignity in countries such as the United Kingdom, the United States, and Germany. The author investigates the conceptual foundation, conducts a comparative legal analysis of legislation, and examines foreign experience.

Keywords: jurisprudence, protection, honor, dignity, defamation, moral harm.

The proliferation of the internet and social media has become an integral part of modern life, rendering the notion of a humanity without these technologies seemingly implausible. Nevertheless, the concomitant rise of these platforms has been accompanied by a deepening moral crisis, as traditional moral guidelines are eroded, and instances of human dignity humiliation and the dissemination of sensationalism, PR, and hype — a phenomenon wherein public notoriety is attained through provocative and offensive content designed to captivate attention — become increasingly prevalent. The distinctive characteristics of social media, including the absence of content filtering and the capacity for direct user interaction, create an environment in which the spread of defamatory information can have severe and far-reaching consequences for individuals' honor and dignity. In today's digital society, where information is disseminated at an unprecedented velocity, the repercussions of such actions can be devastating for both personal and professional lives.

In light of these developments, the significance of legal mechanisms safeguarding honor and dignity is accentuated, as they are designed to mitigate the consequences of such incidents and ensure the protection of citizens' rights in the digital era. A comparative analysis of various countries reveals that the protection of honor and dignity is approached differently, contingent upon the prevailing legal system. Notably, jurisdictions grounded in Anglo-Saxon law eschew a clear distinction between the protection of honor and dignity, instead subsuming these concepts under the broad rubric of «reputation». Within the purview of English and American law, the notion of reputation is examined through multiple lenses, with key aspects including reputation as property, reputation

as honor, and reputation as dignity [1]. The legal safeguard of these facets of reputation in Anglo-Saxon law is effectuated through the lens of defamation, which encompasses the dissemination of false and defamatory information concerning an individual. According to English legal doctrine, the act of disseminating information is deemed to have occurred if it has been communicated to at least one person other than the victim [2].

The evolution of defamation law in the United Kingdom is a complex process that combines elements of common law and statutory law, characterized by numerous reforms throughout its history. The Defamation Act 2013 [3] is the most significant legislative enactment governing defamation relations in modern times, introducing substantial changes to previously existing regulatory provisions and case law. Specifically, the Act revised the existing presumption of general damage in defamation, tightening the requirements. Now, to establish the fact of defamation, it is necessary to demonstrate that the published information has already caused significant harm to the claimant's reputation. Thus, the 2013 Act raised the threshold for proving the seriousness of defamation compared to previous precedents, necessitating the provision of concrete evidence of the negative impact of the disseminated information on the claimant's reputation to hold the perpetrator accountable. In the context of English law, the burden of proof of the veracity of defamatory statements lies with the claimant, while the defendant is not required to prove the truth of the information disseminated. One of the most complex issues in defamation disputes is the distinction between expression of opinion and statement of fact, posing a significant challenge for both defendants and courts.

In the UK's legal system, defamation can entail both criminal and civil liability, although the civil law approach prevails in regulating this category of cases. The central mechanism for protecting honor and dignity in the context of defamation is the institution of compensation for moral harm. A key condition for awarding compensation is the presence of suffering in the claimant caused by defamatory impact, and in the absence of such or material damage, the possibility of recovering compensation becomes impossible. In cases where the claimant has suffered both physical and emotional distress, compensation for moral harm becomes obligatory. Within the framework of defamation cases, three types of compensation for moral harm are distinguished: nominal (symbolic), intended for cases where the claimant has experienced significant moral suffering; «contemptuous» (expressing censure), awarded upon formal satisfaction of the claim; and punitive compensation, applied in all other cases [4]. In the United States, compensation for moral harm is awarded for causing emotional distress that has affected a person's physical condition; if there is no impact on physical condition, compensation will not be paid. Additionally, American law provides for a separate category of torts where compensation for emotional distress can be awarded without the need for accompanying physical suffering or financial losses. These features significantly distinguish American law from British law, and at the same time, the American approach converges with the Russian concept of moral harm.

In the Romano-Germanic legal system, unlike the Anglo-Saxon legal approach, the determination of the amount of compensation for moral harm is carried out through analysis and comparison with previously adopted court decisions in similar cases, rather than according to a fixed tariff schedule. German legislation does not contain special chapters or articles that provide for civil law protection of honor and dignity, nor are

there articles dedicated to the protection of non-material goods and non-property rights. It is also worth noting that in countries with a Romano-Germanic legal system, defamation is primarily considered a basis for applying criminal law norms, where significant penalties are provided for such acts. Furthermore, in Germany, compensation for moral harm is perceived as a kind of «money for suffering». Here, strict conditions are established for satisfying claims in defamation cases, according to which the negative consequences for the victim must be very significant and unbearable even with the most positive interpretation of the defamatory message [6]. In other words, the criterion of unbearability of the disseminated information for the victim plays a crucial role. German courts, when considering defamation cases, not only establish the correspondence of the expression to the truth and its relation to the claimant but also assess the degree of influence of this expression on public opinion. Additionally, the analysis of the evaluative nature of the judgment is important, since the expression of one's own opinion is not in principle prohibited [7].

Based on the above, it can be concluded that different countries have different approaches to the legal regulation of the institution of honor and dignity. Anglo-Saxon countries, within the framework of protecting honor and dignity, focus on civil law norms, while Romano-Germanic countries emphasize criminal law norms. The topic of protecting honor and dignity is becoming increasingly relevant, implying the need for its thorough investigation and identification of modern problems and ways to solve them. Overall, protecting honor and dignity in the digital age requires effective legal regulation that takes into account the specifics of different legal systems. It is necessary to improve the legal mechanisms for protecting honor and dignity to minimize the consequences of defamation and ensure the protection of citizens' rights in the modern digital society.

References:

1. Manukyan V. I. «Suffering» in Anglo-Saxon law // Legal practice. 19.06.2007. № 25.
2. Potapenko, S. V., Danielyan, A. S. Protection of honor, dignity and business reputation: civil and procedural aspects: monograph / S. V. Potapenko, A. S. Danielyan; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. — Krasnodar: Kuban State University. 2021. — 202 p.
3. Defamation Act 2013 // legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf
4. Baganova F. K. Development of legislation on the protection of honor, dignity and business reputation on the example of Great Britain // Bulletin of Science. 2023. № 3 (60).
5. Rudy N. K. Legal characteristics of honor, dignity and reputation // Jurist. — 2008. — № 3. — 156 p.
6. Arkhiereev N. V. Protection of business reputation of legal entities in foreign legal systems // Business, management and law. 2014. № 2 (30). P. 138–144.
7. Egorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. Tort obligations and tort liability in English, German and French law / ed. M. A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2017. 374 p.

Институт презумпции вины: правовые основы и практическое значение

Кулишова Владислава Вадимовна, студент

Научный руководитель: Перемышленникова Инна Николаевна, ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена исследованию института презумпции вины в условиях современного гражданского права. Рассматривается значение презумпции вины как правового инструмента, позволяющего обеспечить баланс интересов участников гражданских правоотношений и повысить эффективность защиты их прав. В работе анализируются основные характеристики презумпции вины, ее связь с другими юридическими презумпциями, а также различия с презумпцией невиновности. Уделяется внимание нормативному регулированию института в Гражданском кодексе Российской Федерации, а также исключениям и особенностям применения презумпции вины в различных правовых ситуациях.

Ключевые слова: юридические презумпции, презумпция вины, презумпция невиновности, Гражданский Кодекс РФ, материальные презумпции, процессуальные презумпции.

В современных условиях развития гражданского права особую актуальность приобретает исследование института презумпции вины. Это обусловлено необходимостью обеспечения баланса интересов участников гражданских правоотношений и повышения эффективности защиты их прав. Презумпция вины выступает важным правовым инструментом, позволяющим справедливо распределять бремя доказывания при разрешении гражданско-правовых споров.

В научной литературе существует множество определений понятию «презумпция вины». В общем виде презумпция вины представляет собой «закрепленное в законе предположение о виновности лица, действия которого привели к правонарушению» [1, с. 26]. То есть в силу действия данной правовой категории лицо, обвиняемое в нарушении чьих-либо гражданских прав, считается виновным до момента, пока этим лицом не будет доказано обратное.

Как правовой институт презумпция виновности является разновидностью юридических презумпций, которые характеризуются следующими признаками:

- Закреплена в нормативном акте;
- Обязательна для участников правоотношений;
- Возможно ее опровержение.

Презумпция вины тесно связана с другими гражданско-правовыми презумпциями, такими как презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений и презумпция разумности их действий [2]. Но при этом презумпция вины имеет свою специфику, проявляющуюся в том, что она носит опровержимый характер, а также распределяет бремя доказывания на ответчика.

Этим данная правовая категория отличается и от презумпции невиновности ответчика в гражданско-правовых отношениях. Помимо этого, указанные презумпции имеют разные цели и функции. Презумпция вины направлена на защиту интересов потерпевшей стороны в ситуациях, где доказывание вины затруднено (например, в деликтных обязательствах или при оказании профессиональных услуг). Ее цель — компенсировать процессуальное неравенство, перекладывая бремя доказывания отсутствия

вины на ответчика [3, с. 141]. Это стимулирует участников правоотношений к соблюдению должной осмотрительности и минимизирует риски для добросовестных лиц. Функционально она служит инструментом справедливого распределения ответственности, особенно когда истец не имеет доступа к критическим доказательствам.

Презумпция невиновности применяется в гражданско-правовых отношениях ограниченно и чаще связана с защитой ответчика от недоказанных обвинений. Ее цель — предотвратить необоснованное возложение ответственности, сохраняя баланс в спорах, где истец обладает достаточными ресурсами для доказывания (например, в договорных отношениях между равными субъектами). Функция этой презумпции — обеспечить правовую стабильность, не допуская автоматического признания вины без веских оснований.

Также презумпция невиновности ответчика относится к группе процессуальных презумпций и направлена на реализацию процессуальных гарантий для участников дела. Презумпция вины является материально-правовой презумпцией, т. к. «является основанием установления предполагаемого факта, влекущего соответствующие правовые последствия, как следствие из вывода о высокой степени вероятности его существования при определенных обстоятельствах» [4, с. 175].

Говоря о нормативном регулировании такой правовой категории, как презумпция вины, стоит выделить несколько положений Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Например, ст. 401 ГК РФ Устанавливает, что лицо, не исполнившее обязательство или исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины, если иное не предусмотрено законом или договором. При этом бремя доказывания отсутствия вины лежит на нарушителе. Данная норма является ключевой, т. к. отражает общий принцип презумпции вины в обязательственных правоотношениях.

Согласно ст. 723 ГК РФ по договору подряда подрядчик считается виновным в недостатках выполненной работы, пока не докажет, что они возникли не по его вине (например, из-за материалов заказчика). А в соответствии со

ст. 901 ГК РФ хранитель вещи отвечает за утрату или повреждение данного имущества, если не докажет, что это произошло вследствие непреодолимой силы либо свойств вещи, о которых он не знал [5].

В деликтных обязательствах также действует презумпция вины причинителя вреда (ст. 1064 ГК РФ): ответчик обязан доказать, что вред возник не по его вине, иначе он понесет гражданско-правовую ответственность. По ст. 1098 ГК РФ в обязательствах из причинения вреда вследствие недостатков товаров, работ или услуг продавец или изготовитель признается виновным, пока не докажет, что вред возник не по его вине.

Однако, несмотря на наличие презумпции вины в нормах гражданского законодательства, она не носит универсальный характер во всех гражданско-правовых отношениях. Например, презумпция вины не распространяется на случаи применения санкций за злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). При рассмотрении таких споров действует презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, и именно истец должен доказать факт злоупотребления правом ответчиком.

Также презумпция вины не применяется при реализации так называемых конфискационных санкций, предусмотренных статьями 169, 179, 240 РФ. В данных случаях законодатель устанавливает иной порядок распределения бремени доказывания.

К примеру, при признании сделки недействительной как совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ) бремя доказывания противоправной цели лежит на истце. При признании сделки недействительной как совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ) истец также должен доказать наличие соответствующих обстоятельств. В случае изъятия у собственника бесхозяйственно содержаемых культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ) бремя доказывания лежит на лице, требующем обращения взыскания или изъятия.

Необходимо отметить, что презумпция вины в гражданском праве может быть «нейтрализована» [5, с. 177] или модифицирована специальными нормами законодательства, которые устанавливают особые правила распределения бремени доказывания. Например, ч. 2 ст. 1070 ГК РФ предусматривает исключение из общего правила презумпции вины при возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. В данном случае действует обратная презумпция: вред предполагается причиненным невиновно, если государственный орган или должностное лицо не докажет, что вред возник вследствие умысла потерпевшего.

Подобные исключения из презумпции вины также можно найти в других нормах гражданского законодательства. Например, в сфере перевозки грузов (ст. 796 ГК РФ) перевозчик освобождается от ответственности за утрату или повреждение груза, если докажет, что утрата или повреждение произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить или преодолеть.

Несмотря на то, что презумпция вины не имеет ни универсального, ни отраслевого значения для гражданского законодательства, она все еще является необходимым правовым институтом Гражданского права РФ. Поэтому необходимо как минимум ее закрепление в Подразделе 1 «Основные положения» ГК РФ. Это позволит, во-первых, унифицировать правоприменительную практику по вопросам распределения бремени доказывания вины в различных гражданско-правовых отношениях. Во-вторых, обеспечить более четкое понимание правовой природы презумпции вины как фундаментального принципа гражданского права, что позволит судам более последовательно применять данный институт при разрешении споров. В-третьих, создать основу для дальнейшего развития и совершенствования института презумпции вины с учетом современных тенденций развития гражданско-правовых отношений и появления новых видов правоотношений.

Литература:

1. Шмидт М. В. Презумпции в гражданском праве // Актуальные исследования. 2024 г. № 12 (196). С. 26–29.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
3. Годовалова М. Н. Понятие и значение презюмирования вины в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013 г. № 4 (22). С. 139–146.
4. Чукреев А. А. Презумпция вины в гражданском законодательстве России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010 г. № 2. С. 174–180.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024)/

Уголовно-правовая характеристика субъективных признаков состава нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ

Куляев Вадим Альбертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В данной статье проанализированы теоретические положения о надлежащем субъекте противоправного деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ. На основе изучения правоприменительной практики и уголовно-правовой теории уточнено толкование законодательной формулировки статьи 216 УК РФ касательно уголовно-правовых признаков специального субъекта преступления. Проанализированы также проблемы отнесения в правоприменительной практике к специальному субъекту преступления ненадлежащих лиц. Осуществлена разработка дефиниции специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 216 УК РФ, а также выявлены основные уголовно-правовые признаки специального субъекта данного противоправного деяния. Для правоприменителя сформулированы выводы и рекомендации по правильному определению специального субъекта данного преступления.

Ключевые слова: нарушение правил безопасности строительных и иных работ, специальный субъект преступления, уголовно-правовые признаки специального субъекта преступления.

Соблюдение правил безопасности при производстве строительных и иных работ, пожалуй, одна из самых важных, необходимых обязанностей всех задействованных в этом процессе субъектов. А если все же произошло происшествие на объекте, то помимо дачи оценки последствиям нарушения правил безопасности при производстве таковых работ как уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ, правоприменителю надобно также правильно определить виновного в наступлении этих негативных последствий.

На первый взгляд здесь все кажется очевидным — достаточно выявить лицо, ответственное за обеспечение соблюдения правил безопасности, либо непосредственно за их соблюдение. Однако здесь, как водится, есть нюансы. Правильное определение субъекта противоправного деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ, требует внимательного, вдумчивого подхода. При формальном или поверхностном отношении правоприменителя к выявлению уголовно-правовых признаков субъекта данного деяния, может сложиться ситуация, когда к уголовной ответственности будет привлечен невиновный либо, наоборот, избежит ответственности лицо, обязанное организовать и контролировать соблюдение правил безопасности (на предприятии, на объекте, в ночной смене и так далее). Для профилирования ситуаций привлечения к уголовной ответственности по статье 216 УК РФ ненадлежащих субъектов, либо избегания такой ответственности реальными виновниками, необходимо разработать для правоприменителя последовательность действий по выявлению признаков субъекта анализируемого нами деяния.

Алгоритмы выявления признаков субъекта противоправного деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ, продолжают полемизироваться в научной литературе, невзирая на принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных

или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» [3], поскольку в этом документе не детализирован вопрос уголовно-правовых признаков субъекта противоправного деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ.

Посему есть объективная необходимость продолжить анализирование проблемы уголовно-правовых признаков субъекта противоправного деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ. Очевидно, что субъект анализируемого нами деяния, сообразуясь с положениями статей 19–23 УК РФ, прежде всего должен обладать общими для всех субъектов уголовно-наказуемых деяний признаками — быть вменяемым и достигшим возраста шестнадцати лет. Надо выяснить, обладает ли специальными признаками субъект анализируемого нами деяния.

Существуют специальные правила безопасного выполнения строительных и иных работ повышенной опасности. Лица, непосредственно исполняющие такие работы, обязаны знать и соблюдать правила безопасного выполнения работ. Должностные лица, организующие выполнение таких работ, должны разъяснять непосредственным исполнителям правила их безопасного выполнения и контролировать соблюдение этих правил безопасности. Такие обязанности возлагаются на вышеперечисленных лиц в силу должностных или профессиональных требований к их компетенциям в нормативных, ведомственных или локальных правовых актах по вопросам охраны труда и правил безопасности. Итак, если вышеперечисленные лица помимо общих признаков, имеют и особые признаки в виде обязанности знания, соблюдения либо контроля соблюдения специальных правил, то в случае совершения деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ, они могут привлекаться к уголовной ответственности в качестве специального субъекта преступления.

Такая же точка зрения по этому вопросу и большинстве комментариев к Уголовному кодексу РФ. К примеру, в комментарии под редакцией А. И. Рарога к специальным

субъектам отнесены лица, непосредственно связанные с выполнением строительных и иных работ, обязанные соблюдать специальные правила, в том числе как ответственные по технике безопасности, так и рядовые работники [1, с. 425].

В. Ф. Лапшин считает, что при выявлении специального субъекта анализируемого деяния надобно установить наличие у подозреваемого, во-первых, обязанности по соблюдению правил безопасности, а во-вторых, — должествующей информированности о содержании этих правил (прохождение соответствующего обучения или инструктажа). Он резонно подчеркивает, что при отсутствии хотя бы одного из этих критериев субъекта нельзя считать специальным [2, с. 123].

С этим мнением вполне можно согласиться. Поэтому распространенная практика признания субъектами по ст. 216 УК РФ лиц, не имеющих должествующей квалификации и знания правил безопасного выполнения работ, однако допущенных к выполнению опасных строительных или иных работ, должна быть признана ошибочной, поскольку здесь отсутствует признак специального субъекта. Считаем, что в случае причинения по неосторожности такими лицами вреда здоровью или жизни других людей либо причинения крупного материального ущерба, они подлежат ответственности по другим статьям УК РФ. А по статье 216 УК РФ виновным должно быть признано должностное ответственное лицо, допустившее к работе недостаточно квалифицированных работников, не знающих правил безопасного выполнения работ.

При этом расширительным толкованием законодательной формулировки статьи 216 УК РФ следует считать точку зрения некоторых ученых и практиков, что вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, может быть все же в этом случае привлечено к уголовной ответственности по статье 216 УК РФ, поскольку незнание специальных правил безопасного выполнения работ не освобождает лицо от ответственности за последствия нарушения таких правил. Аналогично обстоит дело и с точкой зрения некоторых ученых и практиков о возможности привлечения к уголовной ответственности по статье 216 УК РФ лиц, допущенных к выполнению опасных строительных или иных работ без юридического оформления трудовых отношений [4, с. 63–67]. Считаем, что в случае причинения по неосторожности такими лицами вреда здоровью или жизни других людей либо причинения крупного материального ущерба, они подлежат ответственности по другим статьям УК РФ. А по статье 216 УК РФ виновным должно быть признано должностное ответственное лицо, допустившее этих лиц к выполнению опасных работ без юридического оформления трудовых отношений.

В практике правоприменения статьи 216 УК РФ довольно часто возникает ситуация, когда субъектом данного противоправного деяния объявлялось лицо, которому устно было поручено контролировать соблюдение другими работниками правил безопасности при произ-

водстве строительных или иных работ, в связи с отбытием ответственного должностного лица на другой строительный объект, совещание и по другим служебным надобностям. Такое правоприменение следует считать расширительным толкованием законодательной формулировки статьи 216 УК РФ, поскольку фактическое выполнение таких функций временно, без юридически оформленного документа (приказ, распоряжение, график), не может расцениваться как законное возложение обязанности по обеспечению требований безопасности. Считаем, что в таких случаях устного «передоверивания» ответственным должностным лицом иному необязанному лицу своих обязанностей по обеспечению соблюдения другими работниками правил выполнения опасных строительных или иных работ, не должно происходить автоматического «перекладывания» ответственности за наступившие вредные последствия. Лицо, устно отдавшее распоряжение иному необязанному лицу о контроле выполнения должествующего выполнения работ в его отсутствие, несет полную ответственность за все наступившие последствия, поскольку оно самоустранилось от выполнения возложенных на него обязанностей по контролю за соблюдением правил безопасности. Только при надлежащем оформлении возложения такой обязанности субъектом преступления становится лицо, которое наделяется обязанностью в отсутствие иных обязанных лиц контролировать соблюдение специальных правил безопасности.

Иногда в практике правоприменения статьи 216 УК РФ возникает ситуация, когда субъектом данного противоправного деяния объявлялось лицо, юридически наделенное обязанностью обеспечивать соблюдение другими работниками правил безопасности ведения строительных или иных работ, хотя оно находилось во время происшествия в отпуске, либо на отдыхе ввиду выходных или иных нерабочих дней, либо являлось временно нетрудоспособным по болезни, на том основании, что не было официальной передачи этих полномочий иному лицу. Считаем, что в таких случаях правоприменителю надобно установить, имело ли подозреваемое лицо реальную возможность выполнять возложенные на него обязанности по обеспечению соблюдения специальных правил безопасности другими работниками. Даже в случае отсутствия официальной передачи этих полномочий иному лицу, подозреваемое лицо должно освобождаться от уголовной ответственности по ст. 216 УК РФ ввиду отсутствия реальной возможности выполнять возложенные на него обязанности по обеспечению соблюдения специальных правил безопасности другими работниками. Для этого подозреваемому надобно предоставить правоприменителю документальное подтверждение объективности причин своего отсутствия (копия приказа об отпуске, больничный лист по поводу амбулаторного или стационарного лечения, график рабочего времени и др.). А надлежащим специальным субъектом, ответственным по ст. 216 УК РФ, будет признаваться лицо, которое в случае отсутствия подозреваемого юридически обязано было обес-

печивать соблюдение специальных правил безопасности другими работниками на данном участке работ.

Резюмируя итоги исследования, можно дефинировать уголовно-правовые признаки специального субъекта противоправного деяния, предусмотренного статьей 216 УК РФ, следующим образом. Им является физическое вме-

няемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, на которое в соответствии с должностными полномочиями либо по локальному акту возложена обязанность по организации и обеспечению соблюдения либо соблюдению требований безопасности и охраны труда при ведении строительных или иных работ.

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ под ред. А. И. Рарога; М., 2005, –640 с.
2. Лапшин В. Ф. Определение субъекта в отдельных составах преступлений, нарушающих правила профессиональной деятельности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4 (22). — С. 123–128.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Российская газета от 5 декабря 2018 г.
4. Улезько И. С. Личность преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 216 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. — № 1 (52). — С. 63–67.

Проблемы квалификации противоправных деяний по статье 216 УК РФ

Куляев Вадим Альбертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В данной статье анализируется правовая природа состава противоправного деяния, связанного с нарушением правил безопасности при производстве строительных и иных работ. Исследованы также признаки этого преступного деяния, его объект и субъект, объективная и субъективная сторона. Опираясь на теоретические выкладки исследователей в юридической литературе, анализ материалов уголовных дел, руководящие предписания Пленума Верховного Суда РФ судам по правильной квалификации деяний, предусмотренных статьей 216 УК РФ, автором сделаны выводы и предложения по правильному квалифицированию противоправных деяний, предусмотренных статьей 216 УК РФ. Рекомендованные способы разрешения проблем правильного квалифицирования таких деяний могут пригодиться практическим работникам.

Ключевые слова: квалификация противоправных деяний, признаки деяния, форма вины, правила безопасности, строительные и иные работы.

Хорошие темпы экономического развития России в современный период и социальная направленность государственной политики способствовали заметному росту объемов строительства и иных работ в жилищном, инфраструктурном и промышленном секторах экономики. Это обуславливает возрастание риска негативных последствий нарушений техники безопасности при производстве строительных и иных работ для государства, общества и отдельных граждан. В последнее время в России наблюдается тенденция возрастания числа нарушений техники безопасности при производстве строительных и иных работ и их негативных последствий. Помимо резонансных чрезвычайных происшествий регионального и межрегионального масштаба, на местах происходит много случаев производственного травматизма и причинения материального ущерба в крупном размере. Это порождает для правоприменителя проблему правильного

квалифицирования этих неправомерных деяний с учетом норм действующего законодательства РФ, а также верного выявления причин происшествия и степени виновности фигурантов.

Необходимо рассмотреть основные сложности квалификации нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ, препятствующие изобличению виновных. Неверная квалификация содеянного не субъектами указанного деяния влечет нарушение принципов вины и справедливости, для чего требуется разработка разъяснений, по уголовно-правовой оценке, подобных случаев.

К примеру, в результате одного из недавних криминологических исследований по материалам уголовных дел исследователями выявлено, что главной причиной умышленных нарушений техники безопасности при производстве строительных или иных работ, повлекших по неосто-

рожности вредоносные последствия, стала корыстная заинтересованность ответственных лиц в максимизации прибыли либо в досрочном завершении работ [2, с. 50].

При анализировании состава неправомерного деяния, предусмотренного ст. 216 УК РФ, очевидна его многообъектность. Основным объектом неправомерного посягательства является система отношений в сфере общественной безопасности посредством несоблюдения техники безопасности при производстве специальных видов работ. Дополнительным объектом неправомерного посягательства являются права и законные интересы личности на защищенность здоровья, жизни и имущества при производстве таковых работ [1, с. 33].

Правовая природа анализируемой нами статьи УК РФ предопределяет бланкетную формулировку ее диспозиции с отсылкой к специализированным нормативным правилам производства строительных и иных работ. Поскольку правовые акты, регламентирующие правила производства таковых работ, не систематизированы, это усложняет правоприменителям правильную квалификацию неправомерных отступлений от правил безопасности, повлекших вредные последствия. Ведь подчас в разных правовых нормативных актах смысловое значение используемых специальных терминов не всегда идентично. Поэтому, во избежание ошибок при квалификации таких преступных деяний правоприменителям надобно сконцентрировать внимание на выявлении уголовно-правовых признаков деяния в соответствии с их законодательной формулировкой и правильно толковать оценочные понятия в специализированных правовых актах о правилах производства строительных и иных работ.

В интересах правильного и единообразного применения судами уголовного законодательства об уголовной ответственности лиц по признакам деяний, предусмотренных ст. 216 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в пункте 6 Постановления от 29 ноября 2018 г. № 41 указал, что в ходе рассмотрения каждого дела о нарушении правил и норм охраны труда подлежит установлению и доказыванию не только факт нарушения специальных правил, но и наличие причинной связи между этими нарушениями и наступившими вредными последствиями либо наличием реальной опасности наступления таких последствий, что и должно быть обосновано в приговоре, а также установление роли лица, пострадавшего в происшествии [3].

Особенностью объективной стороны преступлений, связанных с обращением с источниками повышенной опасности и нарушением техники безопасности, является достаточно сложная структура преступного деяния, образуемая из двух объективных элементов: нарушения правил безопасности и последующего наступления вредных последствий. Установление факта причинения вреда здоровью или жизни человека обычно не составляет особых трудностей для практического работника, однако определение количественных и качественных параме-

тров причиненного вреда объекту преступления для выявления размеров причиненного материального ущерба обычно является сложным мероприятием по затратам труда и времени, но это объективно необходимо для правильной квалификации противоправности деяния.

Противоправное деяние, связанное с нарушением правил производства строительных и иных работ, может проявляться как в действии, так и в бездействии. Виновный в несоблюдении правил безопасности при производстве строительных и иных работ, повлекшем нанесение тяжкого вреда здоровью и жизни человека, подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 216 УК РФ. При этом правоприменителю надобно учитывать и роль самого пострадавшего в происшествии, поскольку лицо, ставшее жертвой лично созданной опасной ситуации вследствие нарушения правил безопасности, вполне обоснованно может быть признано субъектом преступления.

В практическом правоприменении одним из основных квалифицирующих признаков состава преступления для причисления деяния к предусмотренным статьей 216 УК РФ, является неосторожная форма вины по отношению к возникшим последствиям (субъективная сторона деяния).

Стоит также отметить, что субъективная сторона предполагает обязательные знания лицом, совершившим преступление, соответствующих правил безопасности ведения строительных или иных работ (объективный критерий). В этой сфере действует огромное количество нормативных актов, посвященных вопросам безопасности. Требование знать все положения действующего закона, прочих нормативных актов, должностных инструкций, необходимых для выполнения профессиональных функций, означает объективное вменение, поскольку их незнание и невыполнение от ответственности не освобождает.

Правоведы при этом отмечают, что неправомерные деяния, связанные с нарушением правил производства строительных работ, могут быть по субъективной стороне со смешанной формой вины, когда нарушения техники безопасности совершаются умышленно, с неосторожным отношением к возможным последствиям [4, с. 527]. Поэтому в теории уголовного права дискутируется вопрос — квалифицировать такие деяния в целом по совокупности признаков умышленными или неосторожными по своей правовой природе. Считаем, что можно согласиться с мнением правоведов о том, что такие неправомерные деяния со смешанной формой вины в целом надобно квалифицировать как неосторожные, предусмотренные ст. 216 УК РФ [5, с. 98].

Проанализированные нами проблемы в правильном квалифицировании деяний по ст. 216 УК РФ и рекомендованные способы разрешения этих проблем могут пригодиться правоприменителям, задействованным в расследовании противоправных деяний, связанных с несоблюдением правил безопасности при производстве строительных и иных работ.

Литература:

1. Белецкий И. А. Общественная опасность преступного нарушения правил безопасности при производстве работ или оказании услуг // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2016. — № 2. — С. 31–36.
2. Ишигеев В. С., Гармышев Я. В., Пузикова А. В. Уголовная ответственность за неосторожные преступления, посягающие на общественную безопасность при проведении строительных или иных работ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2022. — № 1 (46) — С. 49–56.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при проведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Российская газета от 5 декабря 2018 г.
4. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. — М.: Проспект, 2001. — 789 с.
5. Шеслер А. В. Субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Уголовное право. — 2014. — № 3. — С. 98–102.

Some problems of administrative legal proceedings

Latysheva Alina Aleksandrovna, student

Scientific advisor: Gusakova Natalia Leonidovna, candidate of psychological sciences, associate professor
Belgorod State National Research University

In this article, the author analyzes the key provisions of administrative legal proceedings, as well as its role in the entire system of administration of justice. Moreover, problems are being raised that negatively affect the implementation of administrative proceedings in modern realities. Particular attention is paid to the lack of legal protection of citizens in disputes with the observance of the requirements of state authorities and local governments.

Keywords: *judicial body, administrative proceedings, courts, rights and freedoms of citizens, administrative legal relations.*

It is worth noting that today administrative proceedings occupy one of the dominant places in the justice system of our state. At the time of the administrative process, its participants protect their rights and legitimate interests. Like any form of justice, it is built on basic principles: independence of the judicial body; exclusivity of the court as the only authority with such powers; equality of the parties, impartiality of judges, compliance with the terms of the process, preservation of material truth.

From the subjective point of view of the author, despite its importance for legal system of the Russian Federation, the administrative process has a number of specific problems, the solution of which is direct task of the state. Implementation of this task is possible by adopting new rules of law and eliminating conflicts in the current legislation.

According to the famous scientist V. A. Barabanov, one of the pressing problems of the modern administrative process is the lack of special judicial bodies that could focus only on one category of cases [1].

If we touch on the experience of foreign countries, then the presence of administrative courts, is a common thing. Long years of existence of the justice system of Western Europe, includes administrative courts. In Germany, their presence is prescribed in the Constitution of the country.

Administrative courts in Germany have full the basic principle of the existence of this body. The main task of this body

of justice is to work with citizens' appeals. Every year there are thousands of complaints about illegal actions of the authorities or their inaction. In the floor of this body of justice, also includes the consideration of political disputes at the state level.

In Germany, the named body, also deals with the verification of the legality of the norms of administrative law. This procedure allows you to avoid in the legislation and regulate administrative relations at all levels as effectively as possible. As the studied material shows, these organs are mostly considered disputes related to: economy, politics, management system, elections [2].

Based on the experience of Western Europe, and in particular Germany, the introduction of such judicial bodies is vital on the territory of the Russian Federation. In our opinion, the main advantage of such bodies is the availability of special knowledge and the opportunity to get acquainted with the case materials in detail. Such a trend will lead to an improvement in the quality of work, which will raise the authority of the judiciary.

Another important advantage of the establishment of administrative courts is the withdrawal of shipments from courts of general jurisdiction. At the moment, they are overloaded, which negatively affects their work.

A significant problem is also the lack of legislative consolidation of the term «administrative proceedings». In the

Code of administration Judicial proceedings of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CAS of the Russian Federation), there are also no similar legal norms.

According to E. A. Fedotov, the legislator should introduce this definition, in order to prevent discussions and problems arising from the law enforcer [4].

According to the author, the consolidation in the norms of law, similar concepts of «administrative process» and «Administrative justice», not enough. Since the concept of «administrative proceedings» is broader in its legal essence.

Based on the above conclusions, we consider it advisable to supplement the CAS of the Russian Federation with the necessary concepts. After Ku conceptual apparatus of administrative proceedings, presented in the code Quite scarce. The following terms should be added: administrative proceedings, jurisdiction and jurisdiction, and so on. Lack of legal fixation There are many problems that have a negative impact on administrative law and administrative process.

According to E. A. Yavinsokgo to solve this problem, the direct participation of the legislator is necessary, a rational solution would be Creation of a separate legal act. In the content of the legal act, it would be possible to fix the missing definitions, while in separate articles [5].

In our opinion, the judgment of the above-mentioned author is quite controversial. Since the adoption Of the legal act to the addition to the CAS of the Russian Federation, will greatly complicate the application of procedural rules. The principle of systematization of legislation will be violated. You can solve the problem in a simpler way, by analogy with the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

That, in the author's opinion, in order to consolidate legislative definitions of administrative and procedural concepts, the Russian legislator should introduce a new norm into the CAS of the Russian Federation — Art. 2.1. «Basic concepts of the administrative process». As a result, in The legal definition of administrative proceedings can be concentrated in 1 of this norm: «administrative proceedings is the activity of the competent judicial authorities to consider and resolve administrative cases in the manner, pre Provided for by this Code».

It is also necessary to remember that the key feature of administrative proceedings is its subject composition. The mandatory participant in the process is the state, represented by the competent authority or official About the face. Therefore, the second side is actually more «weak», so the party should be given Highly qualified legal assistance, this provision is enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

References:

1. Барабанов, В. А. Особенности административной ответственности // Известия ОГАУ. — 2022. — № 12-1. — С. 10-15
2. Дятлов, С. В. Административное право РФ — М.: Норма, 2023. — 311 с.
3. Сухих, В. О. Понятие административного судопроизводства / В. О. Сухих— 3-е изд. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 321 с. — (Серия: Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-08128-2. — Режим доступа: www.biblio-online.ru/book/C9CC7868-0A69-417B-9669-8E0121774B26 (Дата обращения 07. 11.2023)
4. Федотов, Е. А. Административное право РФ / Е. А. Федотов — М.: Издательство Юрайт, 2021. — 931 с. — (Серия: Бакалавр и магистр. Модуль). — ISBN 978-5-534-00651-3. — Режим доступа: www.biblio-online.ru/book/96598783-6BCF-435E-9025-37685677B8A7 (Дата обращения 08. 11.2023)
5. Явинский, В. Е. Некоторые проблемы административного судопроизводства / В. Е. Явинский— 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 132 с. — (Серия: Бакалавр. Академический курс). — ISBN 978-5-534-03883-5. — Режим доступа: www.biblio-online.ru/book/25BDE47F-6B2C-4C9E-B0B0-2A3875F3249E (Дата обращения 08. 11.2023)

Законодательные меры по снижению загрязнения воздуха автомобильным транспортом

Лоскутова Ксения Владимировна, студент
Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий (Республика Башкортостан)

В статье рассматриваются правовые механизмы регулирования выбросов автомобильного транспорта в атмосферу. Основное внимание уделяется анализу ключевых законодательных актов, включая Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и «Об охране атмосферного воздуха», а также техническим регламентам Таможенного союза. Подробно описывается система экологического нормирования, включающую стандарты безопасности, предельно допустимые концентрации вредных веществ и требования к качеству автомобильного топлива. Особое значение придается государственной программе по охране окружающей среды и комплексу мероприятий по снижению загрязнения различных природных компонентов.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, загрязнение атмосферы, экологические стандарты, предельно-допустимая концентрация, качество топлива, экологическое нормирование, охрана окружающей среды, природоохранное законодательство, государственная программа, нормативные акты, вредные вещества, технические регламенты.

В эпоху стремительной урбанизации и роста городов остро встает вопрос о защите атмосферного воздуха от вредных выбросов автомобильного транспорта. Учитывая, что автотранспортные средства составляют значительную долю загрязнителей окружающей среды, возникает насущная необходимость в разработке и внедрении действенных правовых механизмов контроля и регулирования этой проблемы.

Федеральный закон № 7-ФЗ от 10 января 2002 года «Об охране окружающей среды» представляет собой ключевой законодательный акт в сфере экологической безопасности России. Данный документ формирует фундаментальную правовую базу государственной экологической политики и регламентирует все виды деятельности, которые могут негативно влиять на природную среду [1].

Особое внимание уделяется регулированию автомобильного транспорта в главе 7, статье 45, ФЗ № 7 от 10 января 2002 года «Об охране окружающей среды». В нем четко прописаны экологические стандарты и нормативы, которым должны соответствовать транспортные средства при их эксплуатации. Эти требования направлены на существенное сокращение вредных выбросов в атмосферу и защиту других природных компонентов от негативного воздействия автотранспорта [1].

Федеральный закон № 96 от 4 мая 1999 года «Об охране атмосферного воздуха» представляет собой важнейший нормативный акт, который регламентирует все аспекты защиты воздушного пространства страны. Этот документ создает правовую основу для деятельности государственных органов, предприятий и граждан в сфере охраны атмосферного воздуха и предотвращения его загрязнения. В главе 3 ФЗ № 96 от 4 мая 1999 года «Об охране атмосферного воздуха», а именно в статье 17, охватывают широкий спектр вопросов, связанных с контролем качества воздуха. В частности, он устанавливает строгие требования к различным источникам выбросов загрязняющих веществ, включая автомобильный транспорт. Для

обеспечения соблюдения этих норм документ предусматривает комплекс мер контроля, направленных на своевременное выявление и предотвращение нарушений экологических стандартов [2].

Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды»» пункт 3, предусматривает выполнение значительного комплекса мероприятий по сокращению загрязнения атмосферы, водных ресурсов, почвы, лесов, биоразнообразия, рациональному использованию природных ресурсов [3].

СанПин 1.2.3685–21 «Гигиенические требования и нормативы к обеспечению и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» и межгосударственный стандарт ГОСТ 12.1.007–76 «Система стандартов безопасности труда. Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности», устанавливая предельно допустимые концентрации (ПДК) вредных веществ. Понятие «вредные вещества» раскрываются как вещества, содержание которых нормируется в атмосферном воздухе городских и сельских поселений. [6; 7].

Также установлен ряд регламентов, устанавливающих требования к качеству автомобильного топлива, направленные на снижение выбросов загрязняющих веществ при его использовании и требования к безопасности колесных транспортных средств: Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 013/2011 «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту» и Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств» [4; 5].

Эти законодательные документы создают механизм контроля влияния автомобильного транспорта на экологическую обстановку. Все организации и лица, которые занимаются производством и использованием транспортных средств, обязаны следовать установленным правилам, чтобы сохранить окружающую среду.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). — URL <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074303> (Дата обращения 08.04.2025).
2. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (ред. от 30.12.2008). — <https://docs.cntd.ru/document/901732276?ysclid=lv1zkn5hly815992134> (Дата обращения 08.04.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 326 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды». — <https://docs.cntd.ru/document/499091755?ysclid=lv1zmm1rso933723689> (Дата обращения 08.04.2025).
4. Регламент Таможенного союза ТР ТС 013/2011 «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту». (с изм. вступ. в силу 24.11.2023) — <https://docs.cntd.ru/document/902307833> (Дата обращения 08.04.2025)

5. Регламент Таможенного союза ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств». (с изм. вступ. в силу 21.04.2023) — https://vin.sfcars.ru/wp-content/uploads/2023/07/TR_TS_0182011_Tehnicheskij_reglament_Tamozhennogo_sojuz_a_O_bezопасности.pdf (дата обращения 08.04.2025)
6. СанПин 1.2.3685–21 «Гигиенические требования и нормативы к обеспечению и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». — <https://docs.cntd.ru/document/573500115?ysclid=lv1z909uog438202101> (Дата обращения 08.04.2025).
7. Межгосударственный стандарт ГОСТ 12.1.007–76 «Система стандартов безопасности труда. Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности». — <https://docs.cntd.ru/document/5200233?ysclid=lv1z6jnluz521819799> (дата обращения 08.04.2025).

Проблемы реализации конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе

Мальцева Мария Олеговна, студент

Научный руководитель: Агаджанов Андрей Азатович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Автор исследует актуальные проблемы, возникающие в процессе реализации конституционного права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе. Особое внимание уделяется недостаткам правового регулирования, в частности, изъятиям в проведении конкурсных процедур.

Ключевые слова: конституционное право, государственная служба, отбор кадров, дискриминация.

Право граждан на равный доступ к государственной службе является одним из ключевых элементов системы конституционных прав и свобод. Оно играет важную роль в поддержании открытости государственного аппарата, препятствуя его превращению в замкнутую и отстраненную от общества структуру. Реализация принципа равного доступа способствует обновлению кадрового состава органов власти и предотвращает формирование замкнутой, привилегированной группы чиновников [3]. Однако, несмотря на значимость данной конституционной нормы, действующее законодательство не содержит достаточных гарантий ее реализации, а также не предлагает эффективных механизмов защиты нарушенных прав граждан в этой сфере. Проводимые в последние годы конституционные преобразования в сфере государственной службы, нацеленные на реализацию принципа равнодоступности, в настоящее время не достигли стадии завершения. Это обуславливает необходимость всестороннего изучения проблем обеспечения равного доступа к государственной службе и поиска путей их решения.

Юридическое содержание права на равный доступ к государственной службе проявляется, прежде всего, в двух основных направлениях. Во-первых, при поступлении на государственную гражданскую службу не допускается дискриминация. Согласно статье 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, дискриминацией признаётся нарушение прав по признакам пола, возраста, национальности, вероисповедания, социального происхождения и иным основаниям. Таким об-

разом, отказ в приёме на службу по указанным причинам является неправомерным, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством. Например, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 года устанавливает возрастные ограничения для гражданских служащих, а для военнослужащих возраст выхода на пенсию зависит от звания. Эти ограничения считаются обоснованными и не нарушают принцип равенства.

Во-вторых, право на равный доступ к государственной службе подразумевает, что назначение на должности должно основываться исключительно на профессиональных качествах кандидатов. Нарушением этого принципа является трудоустройство по протекции, в силу родственных связей (кумовства) или иных коррупционных факторов. Чтобы обеспечить прозрачность и объективность отбора, законодательство закрепляет обязательный конкурсный порядок замещения вакантных должностей на государственной службе [4].

Вместе с тем, необходимо учитывать, что действующее законодательство обоснованно предусматривает ряд ограничений для поступления на государственную службу, направленных на защиту интересов государства и общества. Так, согласно статье 16 указанного выше закона, препятствием для приёма могут быть признание гражданина недееспособным, наличие судимости, отказ от прохождения допуска к государственной тайне, наличие гражданства другого государства и другие основания. **Установленные ограничения для поступления на государственную службу не нарушают конституционные права граждан.**

Напротив, они направлены на повышение эффективности отбора кадров, что способствует укреплению авторитета государственной службы и обеспечению законности в её деятельности.

Дополнительно каждое ведомство вправе устанавливать специальные требования к кандидатам, обусловленные спецификой служебных обязанностей. Например, в правоохранительных органах и в вооруженных силах предъявляются повышенные требования к уровню физической подготовки и состоянию здоровья. Введение таких критериев обусловлено необходимостью выполнения сложных и потенциально опасных задач и, следовательно, не может расцениваться как форма дискриминации [4].

Однако на практике, наряду с установленными законом ограничениями, кадровые службы нередко допускают серьезные нарушения. Эти действия фактически ограничивают конституционное право граждан на равный доступ к государственной службе.

Основной проблемой кадровых конкурсов на государственной службе остается отсутствие четких критериев и стандартизированных методик оценки кандидатов, что существенно подрывает принципы объективности и справедливости отбора. Кроме того, конкурсные процедуры часто не применяются при назначении на руководящие и советнические должности, однако именно конкурсный механизм призван обеспечивать равные возможности доступа к государственной службе и справедливые условия для профессионального роста. При этом законодатель, будучи заинтересованным в эффективности государственного управления, должен проявлять особую требовательность к процедурам отбора, гарантируя назначение на ответственные должности исключительно наиболее компетентных и профессионально подготовленных специалистов [2].

Отдельное внимание следует уделить практике необоснованного расширения ограничений, не предусмотренных законом. Так, в ряде случаев кандидаты сталкиваются с отказом в приеме на службу из-за судимости родственников, даже если она снята или погашена, либо из-за наличия родственных связей за рубежом [1, с. 66]. Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в решении от 27 марта 2017 года, подтверждает неправомерность подобных подходов. Верховный суд признал недействительным пункт 41 Инструкции о порядке отбора граждан и приема документов для поступления

на службу в органы внутренних дел (утвержденной Приказом МВД России от 18 июля 2014 г. № 595), допускавший отказ в приеме на службу исключительно на основании информации о судимости родственников. Суд указал на недопустимость возложения ответственности за действия третьих лиц на кандидата, подающего документы на государственную службу.

Кроме того, встречаются случаи скрытой дискриминации по национальному или религиозному признаку. Эти неправомерные действия приводят к вынужденным мерам со стороны кандидатов — некоторые из них изменяют свои персональные данные (фамилию, имя, отчество), чтобы преодолеть данные барьеры при трудоустройстве.

Одна из наиболее острых проблем — неэффективность механизмов привлечения к ответственности за дискриминационные действия. Несмотря на наличие статьи 136 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за нарушение равенства прав, на практике данная норма практически не применяется. Это связано с трудностями в доказательстве умысла и сборе необходимых улик, поскольку формулировки отказов часто выглядят формально корректными, но на самом деле являются дискриминационными [1, с. 67].

Таким образом, право граждан на равный доступ к государственной службе является важнейшей конституционной гарантией, направленной на обеспечение открытости и эффективности государственного управления. Однако на практике реализация этого права сталкивается с рядом системных проблем: от дискриминации и кумовства до недостаточной прозрачности конкурсных процедур и неэффективности правовой защиты. Для решения этих проблем необходимо:

1. Ужесточить контроль за соблюдением конкурсных процедур и ввести обязательные стандарты оценки кандидатов.
2. Обеспечить реальную ответственность за дискриминационные действия, в том числе за счет упрощения процедуры доказывания и усиления роли надзорных органов.
3. Исключить необоснованные ограничения, не предусмотренные законом, и закрепить правовые механизмы их оспаривания.

Комплексная реализация этих мер позволит укрепить принципы справедливости, равенства и профессионализма в системе государственной службы.

Литература:

1. Курганская, С. М. О проблеме реализации конституционного принципа права равного доступа к государственной службе // Поиск новой модели социально-экономического развития в условиях глобальных и локальных трансформаций: Сборник статей международной научно-практической конференции. — Москва, 2018. — С. 65–67.
2. Коробейникова, Н. Н. Проблемы реализации конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе / Н. Н. Коробейникова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 20 (362). — С. 343–346. — URL: <https://moluch.ru/archive/362/81081/> (дата обращения: 29.04.2025).

3. Право граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ст. 32 Конституции России) // МВД России URL: <https://01.мвд.рф/document/201363.ru> (дата обращения: 29.04.2025).
4. Проблемы реализации конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе // АПНИ URL: <https://apni.ru/> (дата обращения: 29.04.2025).

Полномочия следователя на стадии возбуждения уголовного дела

Мамедов Тосиф Аладдин оглы, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В работе осуществляется комплексный анализ процессуальных полномочий следователя на стадии возбуждения уголовного дела. Рассматриваются правовые основы деятельности следователя при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях, раскрывается содержание принципа процессуальной самостоятельности следователя. Исследуются проблемные аспекты принятия следователем процессуальных решений и взаимодействия с иными участниками уголовного судопроизводства в рамках доследственной проверки. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики выявлены особенности реализации полномочий следователя и предложены пути совершенствования правового регулирования его деятельности на первоначальной стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: следователь, возбуждение уголовного дела, процессуальные полномочия, доследственная проверка, процессуальная самостоятельность.

Стадия возбуждения уголовного дела выступает первоначальным этапом уголовного судопроизводства, на котором осуществляется прием, регистрация и проверка информации о преступлениях с целью установления признаков преступления либо обстоятельств, исключающих производство по делу. Указанная стадия служит своеобразным фильтром, предотвращающим необоснованное начало производства следственных действий при отсутствии достаточных данных о событии преступления.

Деятельность следователя на данной стадии носит государственный характер, регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства и направлена на реализацию функций расследования. Полномочия следователя имеют особую специфику, поскольку реализуются в строгих процессуальных рамках и влекут правовые последствия для всех последующих стадий уголовного процесса.

Правовой статус следователя и объем его полномочий в уголовном судопроизводстве законодательно закреплены в статье 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Согласно данной норме, следователь определяется как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу [1].

Ключевым полномочием следователя на начальной стадии выступает право возбуждать уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ. Данное право закреплено в пункте 1 части 2 статьи 38 УПК РФ и является одновременно обязанностью следователя при наличии законных powodов и оснований.

В соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ, следователь обязан принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по

нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Таким образом, на данном этапе следователь наделяется полномочиями по приему, регистрации и проверке информации, которая может содержать сведения о преступном деянии.

Процедура приема сообщений о преступлениях регламентируется не только УПК РФ, но и ведомственными нормативными актами. Важно отметить, что следователь обязан принять любое сообщение о преступлении, независимо от территориальной принадлежности и подследственности, что обеспечивает реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление [4, с. 91].

При проведении проверки сообщения о преступлении следователь наделяется широким спектром полномочий. В частности, он вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Данные полномочия позволяют следователю собрать необходимую информацию для принятия обоснованного решения о наличии или отсутствии признаков преступления.

В случаях, когда требуется дополнительное время для проверки, руководитель следственного органа по ходатайству следователя может продлить срок проверки до 10 суток. При необходимости проведения документальных проверок, судебных экспертиз или иных проверочных мероприятий срок может быть продлен до 30 суток. Право ходатайствовать о продлении сроков проверки также является важным процессуальным полномочием следователя на стадии возбуждения уголовного дела [7].

По результатам рассмотрения сообщения о преступлении следователь уполномочен принять одно из следу-

ющих решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче сообщения по подследственности. Данные полномочия закреплены в статье 145 УПК РФ и являются исключительной компетенцией следователя или руководителя следственного органа.

При наличии повода и основания следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела. Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, в постановлении указываются дата, время и место вынесения, сведения о сотруднике, принявшем решение, основание и повод, квалификация преступления, а также лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело (при его установлении).

Важно отметить, что принятие решения о возбуждении уголовного дела должно базироваться на достаточных данных, указывающих на признаки преступления, что составляет основание для возбуждения дела согласно статье 140 УПК РФ. Следователь в рамках своих полномочий обязан критически оценивать полученную информацию, анализировать собранные материалы и принимать процессуальное решение в соответствии с законом [10, с. 25].

Значимой характеристикой правового положения следователя на стадии возбуждения уголовного дела выступает его процессуальная самостоятельность. Следователь процессуально самостоятелен при принятии решения о возбуждении уголовного дела, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение согласия руководителя следственного органа.

Процессуальная самостоятельность обеспечивает независимость следователя при принятии решений, что является важной гарантией объективности и беспристрастности расследования. В то же время, данная самостоятельность не абсолютна и ограничивается рамками закона и процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа и надзора прокурора.

Необходимо подчеркнуть, что в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. Данное положение закреплено в части 3 статьи 38 УПК РФ и служит дополнительной гаран-

тией процессуальной самостоятельности следователя [6, с. 18].

По отношению к органам дознания следователь занимает более высокое положение в уголовном процессе. Согласно пункту 4 части 2 статьи 38 УПК РФ, следователь вправе давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий и иных процессуальных действий.

Такие полномочия позволяют следователю эффективно организовать проверку сообщения о преступлении, привлекая возможности других правоохранительных органов. Поручения следователя являются обязательными для органов дознания, что обеспечивает своевременное и качественное проведение проверочных мероприятий.

Взаимодействие следователя с руководителем следственного органа также имеет важное значение на стадии возбуждения уголовного дела. Руководитель следственного органа осуществляет процессуальный контроль, проверяет законность и обоснованность решений следователя, утверждает продление сроков проверки сообщения о преступлении [2, с. 45].

Процессуальные полномочия следователя на стадии возбуждения уголовного дела имеют фундаментальное значение для всего последующего хода уголовного судопроизводства. Именно на данной стадии определяется конкретный момент начала предварительного расследования, что обеспечивает контроль над сроками производства по делу и соблюдение прав участников процесса.

Своевременное и правильное принятие решения о возбуждении уголовного дела во многом предопределяет эффективность дальнейшего расследования и перспективы судебного разбирательства. Тщательная проверка сообщения о преступлении позволяет избежать необоснованного уголовного преследования и обеспечить соблюдение принципа законности.

Следовательно, полномочия следователя на стадии возбуждения уголовного дела создают необходимые правовые основания для последующих процессуальных стадий и способствуют реализации назначения уголовного судопроизводства — защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 21 апреля 2025 г.: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г.]. — Москва: КонсультантПлюс, 2025. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Возбуждение уголовного дела: учебно-методические материалы / под ред. С. В. Кузнецова. — Санкт-Петербург: Прокуратура Санкт-Петербурга, 2011. — 62 с.
3. Возбуждение уголовного дела. Деятельность органов внутренних дел в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: учебное пособие. — Минск: Академия МВД, 2023. — 36 с.
4. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. — Москва: Юридическая литература, 2021. — 187 с.

5. Каковы основания и порядок возбуждения уголовного дела? // Официальный сайт Прокуратуры Ставропольского края: [сайт]. — 2022. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_26/activity/legal-education/explain/inoe?item=78144577 (дата обращения: 17.05.2025).
6. Петрова, И. С. Порядок приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях / И. С. Петрова // Вестник Следственного комитета РФ. — 2023. — № 2. — С. 15–27.
7. Порядок возбуждения уголовного дела // Официальный сайт МЧС России: [сайт]. — 2007. — URL: <https://63.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/sily-i-sredstva/specialnoe-upravlenie-federalnoy-protivopozharnoy-sluzhby-39/otdel-federalnogo-gosudarstvennogo-pozharnogo-nadzora/poryadok-priema-registracii-i-proverki-soobshcheniy-o-prestupleniyah-i-inyh-proisshestviyah/poryadok-vozbuzhdeniya-ugolovnog-dela> (дата обращения: 17.05.2025).
8. Процессуальная функция следователя и ее отражение в уголовно-процессуальном законе // Вестник Самарского университета. Серия: Право. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 46–53.
9. Процессуальные документы следователя и дознавателя: образцы / под ред. А. К. Морозова. — Москва: Юрист, 2024. — 320 с.
10. Чашин, А. Н. Возбуждение уголовного дела, приостановление, возобновление и окончание предварительного расследования / А. Н. Чашин. — Москва: Дело и Сервис, 2023. — 214 с.

К вопросу о противодействии преступлениям, связанным с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений

Мануйлова Александра Владимировна, студент

Научный руководитель: Штефан Алена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье исследуется проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и анализируется правовая защита их прав в рамках российского законодательства. В статье подчеркивается, что совершеннолетние играют ключевую роль в манипуляциях с несовершеннолетними, используя их уязвимость. Итоги исследования подчеркивают необходимость разработки комплексных мер для предотвращения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и обеспечения их социальной защиты.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, статистика преступности, факторы подталкивающие несовершеннолетних на совершение преступлений, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений.

В современном мире, когда социальные проблемы обострились, подростки все чаще становятся жертвами криминального влияния. Их часто вовлекают в преступную деятельность. Защита прав несовершеннолетних, оказавшихся в подобной ситуации, гарантируется российским законодательством, в частности, статьями 150 и 151 Уголовного кодекса РФ. [1]. Указанные статьи определяют ответственность за преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность, и устанавливают механизмы защиты их интересов. Это может включать в себя предоставление юридической помощи, защиту от насилия и принуждения, а также меры по реабилитации и социальной адаптации. Важно понимать, что статьи 150 и 151 УК РФ не только предусматривают наказание для преступников, но и направлены на обеспечение безопасности и благополучия несовершеннолетних, ставших жертвами криминального влияния.

Следует отметить, что сам по себе факт соучастия в преступлении взрослого лица с несовершеннолетним не образует состава преступления, предусмотренного соответствующей частью статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации. В таком случае содеянное подлежит

квалификации как совершенное группой лиц соответствующего вида: по предварительному сговору или без такового, либо (при наличии признаков организованности и устойчивости) организованной группой.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления как уголовно наказуемый деликт определяется и индивидуализируется его способом, который не охватывается рамками сговора как предварительной договоренности в результате волеизъявления всех участников, и состоит в умышленных действиях взрослого, актуализирующих лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, на общественно опасное деяние.

Отдельными исследователями способы вовлечения несовершеннолетнего в преступление подразделяются на группы. Например, Р. С. Дмитриевским предложено классифицировать таковые как понуждение, подстрекательство и привлечение, что представляется оправданным исходя из руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики [4, с.11].

Обращаясь к статистике, которая свидетельствует о том, что динамика преступности лиц, не достигших возраста 18 лет, и вовлечения их в совершение преступлений

на протяжении 2018–2024 гг. имеет неоднозначные тенденции. По данным Министерства внутренних дел РФ, в последние несколько лет наблюдается рост числа зарегистрированных преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних. Статистика показывает, что в 2018 году было зарегистрировано примерно 1500 случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. К 2021 году эта цифра возросла до 2000 случаев. Прогнозируя дальнейшее увеличение, эксперты предсказывают, что в 2024 году эта цифра может достигнуть 3000 случаев.

Наиболее распространённые преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних, включают наркотические преступления, преступления против собственности и общественной безопасности. По данным последнего опроса, проведенного в 2023 году, более 60 % опрошенных заявили о том, что им известны случаи, когда совершеннолетние лица нанимали или использовали несовершеннолетних для совершения преступлений.

Некоторые факторы, влияющие на совершение преступлений несовершеннолетними: неблагополучная сфера внутри семьи; неполноценность семьи; криминальное поведение членов семьи; негативное влияние окружения, сверстников; возникновение потребности самоутверждения, привлечение внимания к себе; эмоциональные проблемы подростка, замкнутость и неуверенность в себе; негативные привычки подростков: употребление алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, курение табака [3, с.10].

Совершеннолетние лица играют решающую роль в вовлечении подростков в преступление. Исследования показывают, что, как правило, это лица старше 18 лет, которые имеют определённый опыт и влияние на молодежь. Они могут манипулировать сознанием несовершеннолетних, используя их уязвимость, недостаток жизненного опыта и стремление к общению.

Зачастую такие взрослые знакомятся с несовершеннолетними в неформальной обстановке, создавая дружеские отношения и оказывая влияние, чтобы потом вовлечь их в преступные действия — будь то благодаря предложению денег, наркотиков или просто желанию «принадлежать» к группе.

На территории России принимаются различные меры профилактики против вовлечения несовершеннолетних в преступления. Основные из них включают в себя:

1. Образовательные программы: Разработка курсов, направленных на информирование молодежи о последствиях преступной деятельности. Эти программы проводятся в школах, колледжах и других учебных заведениях. Цель таких курсов — дать подросткам необходимые знания о правовых последствиях их действий и научить их быть осмотрительными.

2. Работа с семьями: Профилактика вовлечения несовершеннолетних также включает в себя работу с неблагополучными семьями, в которых чаще всего возникают ситуации вовлечения. Социальные работники и психологи работают над повышением уровня доверия внутри семьи и учат родителей поддерживать открытость в общении с детьми.

3. Сотрудничество с правоохранительными органами: Открытые линии связи между учебными заведениями и правоохранительными органами предотвращают случаи вовлечения. В случае подозрений на вовлечение несовершеннолетнего в преступления, педагоги могут незамедлительно уведомить полицию.

4. Стимулирование активного участия молодежи в социальных проектах: Государство поддерживает различные молодежные инициативы, которые направлены на вовлечение несовершеннолетних в положительную деятельность — спорт, искусство, науку. Это позволяет направить энергию подростков в конструктивное русло и снизить вероятность поддавания давлению со стороны совершеннолетних.

Органами, занимающиеся профилактикой являются: на федеральном уровне осуществляют профилактику вовлечения несовершеннолетних в преступления такие органы как:

- Министерство внутренних дел (МВД): Отвечают за мониторинг преступности среди молодежи и разработку мер по предупреждению преступлений.

- Министерство труда и социальной защиты: Занимаются работой с семьями и молодежью, разрабатывая шоу-программы и обеспечивая психологическую помощь.

- Комиссии по делам несовершеннолетних: Эти органы работают в каждом регионе и играют важную роль в профилактике вовлечения несовершеннолетних.

На уровне местных властей активно работают социальные службы и образовательные учреждения, которые помогают выявлять и предотвращать случаи вовлечения несовершеннолетних в преступление.

Подводя итоги, можно сказать что, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность — это сложная проблема, требующая комплексного подхода. Профилактика данного явления на уровне законодательства, общества и отдельных учреждений может значительно сократить количество подобных случаев. Важно не только привлекать к ответственности совершеннолетних, занимающихся вовлечением, но и создавать инфраструктуру, способствующую положительному развитию молодежи.

С учетом текущей статистики и опыта последних лет необходимо продолжать работать над улучшением существующих мер и разработкой новых программ, направленных на защиту самой уязвимой части нашего общества — детей и подростков.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс] // Consultant.ru: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 15.04.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/?ysclid=ma47xitjqy453890957 (дата обращения: 18.04.2025).
3. Дьяков, С.В., Кадникова, Н. Г. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно- практический (постатейный) // М.: Юриспруденция. 2013
4. Дмитриевский Р. С. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
5. Карташов, С. В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020 Т. 7 № 1 С. 64–72.
6. Коровин, Е. П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации. Автореф. дис.... канд. юрид. наук — Ростов-на-Дону, 2008 26 с.
7. Лелеков, В. А. О понятиях вовлечения несовершеннолетних в преступление и преступную деятельность // Закон и право. — М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2009, № 4 С. 75–76.
8. Опанасенко, Е.Д., Алехин, В. П. Способы вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность // Ростовский научный журнал. 2017 № 5 С. 390–397.

Понятие и виды судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве

Михайлов Эдуард Григорьевич, студент

Научный руководитель: Рудых Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

Актуальность данной темы обусловлена тем, что судебная экспертиза является надежным способом получения объективных доказательств, имеющих значение для разрешения дела в уголовном судопроизводстве. В статье рассматривается понятие и виды судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовное судопроизводство, эксперт, преступление, доказательства, специальные знания.

Уголовное судопроизводство развивается наряду с обществом, научно-технический прогресс, в свою очередь, повлиял на всю систему судопроизводства. С развитием технологий появляются новые преступления, расследование которых становится затруднительным без применения специальных знаний и технологий, следовательно, необходимо создать надежный инструмент для расследования преступлений, чтобы ответить на запросы времени. Таким инструментом стала судебная экспертиза. Она превратилась в незаменимый инструмент в уголовном судопроизводстве. В современном мире, где царит сложность и многогранность преступных деяний, роль судебной экспертизы нельзя недооценивать. Судебная экспертиза помогает получить объективные факты, ведущие к разоблачению преступников. Стоит упомянуть таких ученых, как А. И. Винберг, Р. С. Белкин, В. Я. Колдин, Ю. К. Орлов, которые внесли большой вклад в развитие судебной экспертизы. Благодаря их неустанной работе, судебная экспертиза обрела научную основу и превратилась в мощный арсенал в руках следователей и судей. Что из себя представляет судебная экспертиза? Судебная экспертиза регламентируется главой 27 УПК РФ. Судебная экспертиза — это следственное действие, состоящее в производстве в установленном законом порядке иссле-

дований тех или иных объектов специалистами в науке, технике, искусстве или ремесле и даче ими заключений по вопросам, возникающим в ходе расследования по уголовным делам [1, с. 306].

Специальные знания в производстве по уголовному делу могут быть использованы в двух формах: процессуальной и непроцессуальной. Одной из основных процессуальных форм применения таких знаний является судебная экспертиза, которая проводится для получения новых и проверки (уточнения) имеющихся доказательств и является одним из эффективных средств доказывания по делу [2, с. 5]. В законе нет четного определения термина: «специальные знания», к тому же, среди юристов нет единого мнения, но несмотря на это, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях используется другой термин — «специальные познания». Думаю, под специальными знаниями подразумевается такие знания, которые недоступны обычному человеку в силу профессионализма, это такие знания, которые нужно изучать в определенной области науки.

В части 2 статьи 195 УПК РФ закреплено: что проведение судебных экспертиз доверено не только государственным экспертным учреждениям, но и негосударственным структурам, где трудятся высококвалифицированные

специалисты, обладающие необходимыми знаниями и опытом. Как подчеркивает Ю. И. Горянов: «В состязательной модели отечественного уголовного судопроизводства особой функцией, отличной от функций, осуществляемых участниками со стороны обвинения и защиты, наделен судебный эксперт — сведущее лицо, участвующее в формировании судебных доказательств» [3, с. 3]. Благодаря судебной экспертизе можно получить объективные доказательства, необходимые для установления истины по уголовному делу. Для производства судебной экспертизы эксперт должен обладать специальными знаниями. У судебной экспертизы есть предмет и объект. Предмет судебной экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла [4, с. 47]. Предмет судебной экспертизы уточняется применительно к роду и виду судебной экспертизы и связан с объектом исследования, к примеру, психологическая экспертиза — ее предметом будут психические процессы, состояние человека и так далее. Как уже и говорилось, предметом являются фактические данные, исследуемые уголовном деле, объект в свою очередь — это предметы, характеризующихся общими свойствами, говоря простым языком, это предметы, которые поступают на исследование.

Следовательно, объект экспертизы — это материальный носитель, имеющийся в деле, подлежащий исследованию, с целью получения истины по делу.

В судебной экспертизе в зависимости от отрасли специальных знаний, обычно выделяют четыре уровня экспертиз: класс, род, вид, подвид. Такие уровни встречаются часто, так как это стандартное деление.

Класс экспертизы — это исследования, которые объединяются общностью знаний, объектов и методических основ судебных экспертиз. К примеру, экономическая, криминалистическая, судебно-медицинская экспертиза.

Род экспертизы — различаются по предмету, объекту и методикам исследования. Например, в криминалистической экспертизе есть такие экспертизы, как: трасологическая, дактилоскопическая, баллистическая и тому подобное.

Вид экспертизы — в данной категории имеется специфичность предмета познания. В технико-криминалистической экспертизе существует экспертиза реквизитов документов, а также экспертиза материалов документов. В зависимости от специфичности предмета, то есть нужно исследовать реквизиты документов или материал, выбирается тот или иной вид.

И последний — это подвид экспертизы, представляет собой составные части вида, имеющее своеобразную группу задач, характерных для предмета данного вида (рода) экспертизы. В рамках экспертизы реквизитов, выделяются такие разновидности: экспертиза печатей, экспертиза машинописных документов.

Кроме такой классификации, есть еще и другая, которая выглядит иначе

1) По последовательности проведения:

— первичные;

— повторные, в статье 207 УПК РФ, в части 2 говорится, что она проводится в случаях противоречия или же, возникают сомнения в заключение эксперта;

— дополнительные, в ч.1 ст. 207 УПК РФ закреплено, что данная экспертиза проводится в случае недостаточной ясности или полноты заключения, а также при появлении новых вопросов.

2) В зависимости от количества экспертов:

— единоличные, обычно экспертизу назначают одному эксперту, но и бывают случаи, когда могут участвовать два или более экспертов;

— комиссионные, закреплена в статье 200 УПК РФ, проводится не менее двумя экспертами одной специальности, такая экспертиза проводится в случае, если имеется повышенная сложность вопросов.

3) По месту проведения:

— проводимые в экспертном учреждении;

— проводимые вне экспертных учреждений, в силу невозможности предоставления объекта в экспертное учреждение.

4) В зависимости от специальных знаний:

— однородная, проводится в одной отрасли знаний, где не требуется привлечение экспертов другой области знаний;

— комплексная, проводится в случае, если для решения вопросов, необходимо использование сразу нескольких отраслей знаний.

У судебной экспертизы есть различные основания для классификации: по отрасли знаний, по количеству экспертов, по последовательности исследования и так далее. Классификация необходима для удобства следователей и экспертов, чтобы понимать в какую область знаний нужно обратиться, нужен ли один эксперт или несколько.

Стоит понимать, что судебная экспертиза как способ исследования не может выступать в качестве доказательства по уголовному делу. Доказательственной силой обладает заключение эксперта, которое формируется на основе проведенных исследований и собственных знаний. Заключение эксперта — это документ, составленный экспертом, в котором он отражает результаты проверки исследования и дает выводы по ним, в соответствии с поставленными перед ним вопросами. Заключение должно быть четким, аргументированным и содержать только достоверную информацию. Судья, оценивая доказательства, должен проверить заключение эксперта на предмет его достоверности и объективности.

Подводя итоги, хочется сказать, что судебная экспертиза является важнейшим инструментом доказывания, помогающим установить истину в уголовном судопроизводстве и обеспечить справедливость по делу. Нельзя пренебрегать данным инструментом и нужно уделять судебной экспертизе должное внимание.

Литература:

1. Криминалистика: учебник для вузов / А. Г. Филиппов [и др.]; под редакцией А. Г. Филиппова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 466 с.
2. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу. /А. В. Мишин. 2017.
3. Горянов Ю. И. Судебная экспертиза в современном уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: дис.... кандидата юридических наук. Москва, 2006. 208 с.
4. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 288 с.

Роль таможенных органов России в борьбе с оборотом контрафактной продукции

Моцонелидзе Миранда Гочаевна, студент;

Игнатова Ирина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье был проведен анализ правовых и научных источников, которые подобраны в соответствии с основными задачами данного исследования и изучение которых позволило раскрыть содержание роли таможенных органов России в борьбе с оборотом контрафактной продукции. В статье изучили результаты деятельности таможенных органов России по борьбе с оборотом контрафактной продукции: количество выявленных контрафактных товаров и сумма предотвращенного ущерба правообладателям таможенными органами России, количество возбужденных дел об административных правонарушениях по фактам незаконного ввоза и оборота контрафактной продукции. На основе проведенного анализа были выявлены проблемы в деятельности таможенных органов России по борьбе с контрафактом и предложены их решения.

Ключевые слова: контрафактная продукция, объекты интеллектуальной собственности, защита объектов интеллектуальной собственности таможенными органами России, таможенный реестр, таможенное сотрудничество.

Рост оборота контрафактной продукции является одной из существенных угроз экономической безопасности государства и национальной безопасности в целом. Связано это с тем, что оборот таких товаров способен нанести не только экономический ущерб производителям и импортерам оригинальных товаров, но и ущерб здоровью и жизни гражданам, поскольку контрафактная продукция, как правило, является и фальсифицированной. На сегодняшний день одной из важных функций, предоставление перед таможенными органами России, является борьба с оборотом контрафактной продукции, как при ввозе ее на территорию России, так и на внутреннем рынке. При этом упорно наблюдая достаточно большое количество проблем, сдерживающих повышению эффективности деятельности таможенных органов России, которые требуют своевременного и грамотного решения. Объект научного исследования является определение роли таможенных органов России в борьбе с оборотом контрафактной продукции, выявление проблем и предложение оптимальных решений.

Контрафактная продукция — это такие товары, которые изготавливают/импортируют с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности. Понятие «контрафактной» продукции четко определяется в п.1 ст.1515 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) — «товары, этикетки, упаковки товаров, на ко-

торых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными». Также в п. 3 ст.1519 ГК РФ указано следующее: «товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно использованы наименования мест происхождения товаров или сходные с ними до степени смешения обозначения, являются контрафактными» [6]. Довольно часто случаи, когда в практической деятельности контрафактную продукцию путают с фальсифицированной продукцией и, наоборот, поэтому необходимо четко эти две категории. Так, контрафакт предполагает, что продукция копируется либо подделывается, при этом за основу чаще всего берется известный бренд. Фальсифицированная же продукция намеревается нарушение технологии производства, что влечет за собой изменение свойств и качества готовой продукции, и не использование акцизов, в обязательном порядке [10, с.16]. Контрафактная продукция всегда одновременно является и фальсифицированной, а фальсифицированная продукция может не являться контрафактной [3, с.17].

Таможенные органы России в ходе проведения таможенного контроля ввозимых товаров выявляют признаки контрафакта в случае определения неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности (ОИС), как правило, товарных знаков, нанесенных на упаковке товаров. В целях пресечения ввоза контрафактной

продукции в Россию таможенные органы принимают меры по защите прав на ОИС при помещении товаров под таможенные процедуры, за исключением помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, таможенную процедуру уничтожения, а также специальную таможенную процедуру, в соответствии со ст.384 ТК ЕАЭС. К таким мерам относятся: ведение Единого таможенного реестра ОИС (далее — ЕТРОИС) и национального таможенного реестра ОИС (далее — ТРОИС); приостановление срока выпуска товаров, содержащих ОИС, включенных и не включенных в ЕТРОИС или ТРОИС [17].

ЕТРОИС, который создан на территории ЕАЭС, находится во ведении Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В ЕТРОИС должны включаться ОИС, которые охраняются в странах-участницах ЕАЭС. Для включения ОИС в ЕТРОИС правообладатель должен подать соответствующее заявление в ЕЭК, на основании данного заявления принимается решение о включении или не включении ОИС в ЕТРОИС. Согласно ст.387 ТК ЕАЭС, срок защиты прав на ОИС таможенными органами начинается с даты включения ОИС в ЕТРОИС [17]. Порядок включения ОИС и ведения ТРОИС в России закреплен в Приказе ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности». Для включения ОИС в ТРОИС не требуется оплата [13]. Правообладатель, который предполагает то, что его права на ОИС могут незаконно использоваться при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, вправе подать заявление о включении ОИС в ТРОИС. В отношении каждого ОИС, который планируется включить в ТРОИС, необходимо подавать соответствующее заявление. Заявление о включении ОИС в ТРОИС подается в ФТС России. На законодательном уровне установлено, что таможенные органы России рассматривают заявление правообладателя в течение трех месяцев с даты подачи. После этого ФТС России принимает соответствующее решение о том, чтобы включить ОИС в ТРОИС или отказать [13]. Статья 329 Федерального закона от 03.08.2018 N 289-ФЗ устанавливает то, что срок таможенной защиты прав на ОИС, которые включены в национальный ТРОИС, не может превышать трех лет с даты включения в ТРОИС. Срок устанавливается в соответствии с тем сроком, который указывает правообладатель в заявлении о включении ОИС в ТРОИС, а также с учетом действия документов, которые подаются вместе с заявлением [12].

Следующей мерой является приостановление срока выпуска товаров, содержащих ОИС. В соответствии со ст.124 ТК ЕАЭС при выявлении признаков нарушения прав на ОИС, содержащихся на перемещаемых товарах через таможенную границу ЕАЭС (признаков контрафакта), включенных в ЕТРОИС или ТРОИС, в ходе осуществления таможенных операций и помещения под таможенные процедуры, таможенные органы имеют право

на приостановление срока выпуска таких товаров. Срок приостановления выпуска товаров ровно десять рабочих дней. В том случае, если правообладатель или его представитель отправил запрос в таможенный орган на продление срока приостановления, то тогда таможенный орган имеет право продлить данный срок не более, чем 10 рабочих дней. Следовательно, максимальный срок приостановления выпуска товаров с нарушениями прав на ОИС составляет 20 рабочих дней [13].

В последние годы активно развивается практика выявления незаконного перемещения контрафактных товаров таможенными органами России. С 2022 года деятельность по выявлению контрафактных товаров таможенными органами осложнилась, поскольку был легализован параллельный импорт в условиях санкционного давления. Легализация параллельного импорта означает то, что при ввозе товаров с наличием товарных знаков не требуется представление в таможенные органы разрешения об использовании товарных знаков от правообладателя [15, с.80]. Однако, необходимо отметить, что легализация параллельного импорта не означает легализацию импорта контрафактных товаров. В рамках параллельного импорта должна ввозиться также только оригинальная безопасная продукция, но без необходимости предоставления разрешения от правообладателя. Параллельный импорт разрешен только в отношении тех товаров, производители которых ввели запрет на ввоз в Россию в рамках санкционной политики. Несмотря на то, что параллельный импорт подразумевает ввоз только оригинальных товаров, недобросовестные участники ВЭД активизировали деятельность по ввозу контрафактных (поддельных) товаров под видом оригинальных товаров в рамках параллельного импорта, как следствие, увеличилось количество выявляемых контрафактных товаров таможенными органами России. В таблице 1 представлены статистические данные о количестве выявленных контрафактных товаров таможенными органами России.

За исследуемый период динамика выявленных контрафактных товаров таможенными органами России имела тенденцию к сокращению. С одной стороны, данную тенденцию можно отнести к положительным показателям (недобросовестные лица снизили активность в части перевозки контрафактных товаров), с другой стороны, такая тенденция может свидетельствовать о снижении эффективности деятельности таможенных органов по выявлению контрафактных товаров. В 2021 году был самый низкий показатель количества выявленных контрафактных товаров, составив 7,2 млн.ед., что на 45,9 % меньше, чем в 2021 году. В 2023 году количество выявленных контрафактных товаров увеличилось на 6,5 %, а в 2024 году — на 18,4 %. Можно выделить несколько причин повышения данного показателя:

— легализация параллельного импорта отдельных видов товаров;

— с 2022 года в условиях напряженности геополитической ситуации значительно повысились цены на оригина-

Таблица 1. Количество выявленных контрафактных товаров таможенными органами России, млн шт.

Показатели	2019 г	2020 г	2021 г	2022 г	2023 г	2024 г
Количество	12	13,3	7,2	4,6	4,9	5,8
Темп прироста, %	-	10,8	-45,9	-36,1	6,5	18,4

Источник: составлено на основе [7].

нальные товары, что спровоцировало развитие производства и торговли контрафактными товарами, для которых недобросовестные лица не получают разрешения от правообладателей.

Предметами правонарушений чаще всего являлись товары народного потребления: одежда (включая головные уборы), табачная продукция, обувь, упаковка (включая чехлы, этикетки (ярлыки, эмблемы), игрушки. В МПО наиболее часто пресекались попытки пересылки контрафактных игрушек, сумок и рюкзаков, автозапчастей и автоаксессуаров [7].

В таблице 2 отражена статистика стоимостного объема, предотвращенного таможенными органами России ущерба, который мог быть нанесен правообладателям в связи с введением контрафактных товаров в гражданский оборот.

Динамика стоимостного объема, предотвращенного таможенными органами России ущерба, который мог быть

нанесен правообладателям в связи с введением контрафактных товаров в гражданский оборот, за исследуемый период была неравномерной. Наибольший объем был предотвращен в 2019 году, составив 8,1 млрд руб., что на 19,1 % больше, чем в 2018 году. В 2022 году предотвратили ущерб правообладателям в размере 5,7 млрд руб., что на 18,6 % меньше, чем в 2021 году. В 2023 году показатель продолжил снижаться, отрицательный прирост по отношению к 2022 году составил 35,1 %, а в 2024 году — на 8,1 %.

На рисунке 1 представлено процентное соотношение выявления контрафактной продукции на разных этапах проведения таможенного контроля за 2024 год.

В 2024 году в наибольшем объеме таможенные органы России выявляли контрафактную продукцию на этапе таможенного контроля МПО, на долю которого пришлось 71,7 %.

По фактам незаконного перемещения контрафактных товаров (нарушения прав на ОИС) таможенные органы

Таблица 2. Стоимостной объем предотвращенного таможенными органами России ущерба, который мог быть нанесен правообладателям в связи с введением контрафактных товаров в гражданский оборот, млрд руб.

Показатели	2019 г	2020 г	2021 г	2022 г	2023 г	2024 г
Объем	8,1	4,7	7,0	5,7	3,7	3,4
Темп прироста, %	-	-41,9	48,9	-18,6	-35,1	-8,1

Источник: составлено на основе [7].

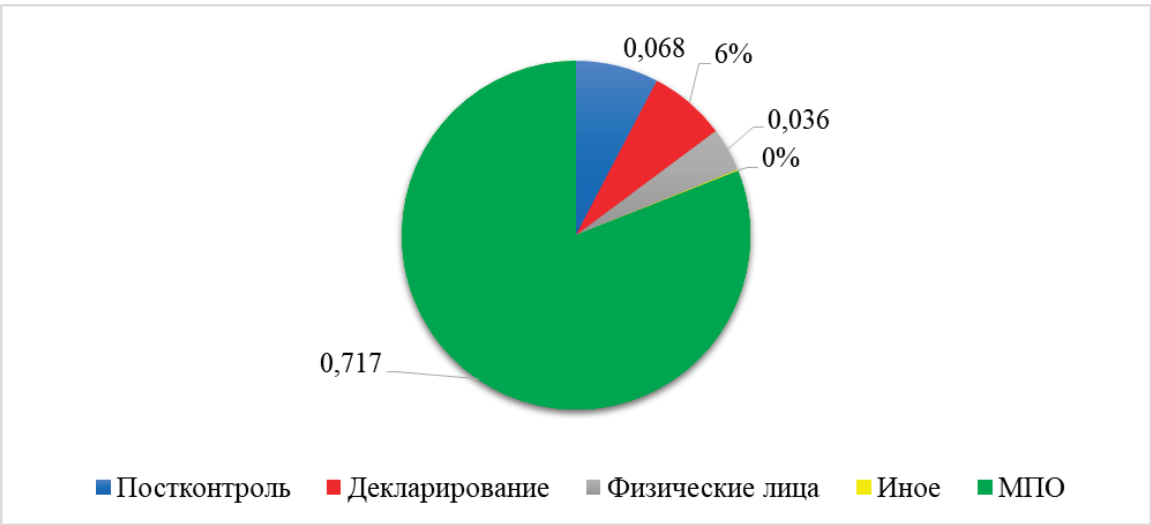

Рис. 1. Процентное соотношение выявления контрафактной продукции на разных этапах проведения таможенного контроля за 2024 год, %

Источник: составлено на основе [7]

Таблица 3. Количество возбужденных административных дел таможенными органами России по фактам незаконного ввоза и оборота контрафактной продукции, ед.

Показатели	2019 г	2020 г	2021 г	2022 г	2023 г	2024 г
Количество	1011	771	888	562	364	334
Темп прироста, %	-	-23,7	15,2	-36,7	-35,2	-8,2

Источник: составлено на основе [7].

России возбуждают дела об АП, как правило, по ст. 14.10 КоАП РФ. В таблице 3 отражены статистические данные о количестве возбужденных дел об АП таможенными органами России по фактам незаконного ввоза и оборота контрафактной продукции.

За последние годы количество возбужденных административных дел таможенными органами России по фактам незаконного ввоза и оборота контрафактной продукции сократилось. В 2022 году показатель сократился на 36,7, в 2023 году — на 35,2 %, а в 2024 году — на 8,2 %. К причинам снижения показателя можно отнести смягчение наказания участников ВЭД в условиях санкций. Например, с апреля по сентябрь 2022 года таможенные органы назначали одно наказание за серию однородных нарушений.

На сегодняшний день существуют проблемы в деятельности таможенных органов России по выявлению незаконного ввоза и оборота контрафактной продукции. Одной из проблем является недостаточный уровень развития сотрудничества ФТС России с таможенными администрациями зарубежных стран по вопросам борьбы с оборотом контрафактной продукции. Основным предметом международного таможенного сотрудничества является взаимный обмен сведениями о выявленной контрафактной продукции в электронной форме. В рамках такого обмена таможенные службы обмениваются сведениями о недобросовестных лицах, товарных знаках, правообладателях-производителях. Данный механизм позволяет сократить временные затраты на поиск информации при выявлении признаков контрафакта, формировать профили риска, а также способствует повышению эффективности деятельности по борьбе с контрафактом. На сегодняшний день таможенные органы России с 2022 года обмениваются сведениями о выявленной контрафактной продукции в электронной форме с таможенной службой Китая, откуда идет значительный объем контрафактных товаров на российский рынок [16]. В сентябре 2022 года начальник Управления торговых ограничений, валютного и экспортного контроля Федеральной таможенной службы РФ заявил, что благодаря этому механизму российская и китайская таможенные службы обмениваются информацией и уже смогли выявить контрафактную продукцию благодаря такой системе [7]. Помимо этого, в декабре 2022 года утвержден Регламент обмена между таможенными органами государств — участников СНГ информацией о товарах, в отношении которых компетентным органом государства — участника СНГ установлены нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности.

В этой связи можно сделать вывод о том, что перечень таможенных служб зарубежных стран, с которыми таможенные органы России взаимодействуют, крайне узкий с учетом того, что крупные потоки контрафактной продукции в Россию идут не только из Китая и стран СНГ, но и из других стран. Такими странами также являются Турция, Вьетнам, ОАЭ и др. Принимая во внимание то, что за последние годы внешнеторговые связи с данными странами усилились в разы на фоне санкционной политики западных государств, вероятно, значительно вырастут и потоки контрафактных товаров из этих стран.

Для решения проблемы необходимо развивать практику подписания Соглашений между ФТС России и таможенными службами зарубежных стран по вопросам обмена сведениями о выявленной контрафактной продукции, которые возможно интегрировать в информационные системы таможенных органов в целях повышения эффективности защиты прав интеллектуальной собственности при осуществлении таможенного контроля и, соответственно, повышения эффективности борьбы с контрафактной продукцией. В первую очередь, прослеживается объективная необходимость заключения подобных Соглашений между ФТС России и таможенными службами Турции, Вьетнама и ОАЭ. Обусловлено это тем, что крупные потоки контрафактной продукции в Россию идут из этих стран, лишь немногим уступая объемам потока контрафакта из Китая. Помимо этого, с 2022 года внешнеторговые связи с данными странами усилились в разы на фоне санкционной политики западных стран, в этой связи можно предположить, что в ближайшие годы значительно вырастут и потоки контрафактных товаров из этих стран. Также необходимо другим странам ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Киргизия и Армения) заключить аналогичное Соглашение с Китаем, что позволит повысить эффективность деятельности таможенных служб стран ЕАЭС по борьбе с ввозом контрафактных товаров из Китая, что будет способствовать минимизации риска ввоза контрафакта в Россию через территории стран ЕАЭС из Китая [20].

Еще одна проблема заключается в сложностях взаимодействия таможенных органов России с правообладателями. Должностные лица таможенных органов России в случае выявления признаков незаконного использования товарных знаков, нанесенных на перемещаемых товарах, то есть признаков контрафакта, направляют соответствующий запрос с помощью ТРОИС

правообладателю или его представителю для подтверждения легальности или нелегальности товарного знака на перемещаемых товарах. Осложняет процесс взаимодействия таможенных органов России с правообладателями то, что на сегодняшний день не все правообладатели зарегистрированы в Личном кабинете участника ВЭД и соответственно не подключены к сервису «Правообладатели». Нужно отметить, что сервис «Правообладатели» Личного кабинета участника ВЭД позволяет инспекторам таможенных органов осуществлять съемку и фотографировать товары с признаками контрафактной продукции и затем оперативно отправлять материалы правообладателям для подтверждения факта незаконного перемещения контрафактной продукции. Использование такой технологии дает возможность таможенным органам своевременно и в короткие сроки выявлять и предотвращать попытки незаконного ввоза контрафактной продукции на территорию России, а также сокращает административные, финансовые и временные издержки таможенных органов при проведении таможенного контроля [1].

Для решения проблемы предлагаем на законодательном уровне закрепить в качестве условия включения

ОИС в ТРОИС обязанность правообладателей подключиться к сервису «Правообладатели» в Личном кабинете участника ВЭД. Данное условие можно закрепить в перечне условий для включения ОИС в ТРОИС в Приказе ФТС России от 28.01.2019 N 131. Реализация данного предложения станет фактором полного перехода на 100-е % электронное взаимодействие между таможенными органами и правообладателями посредством Личного кабинета участника ВЭД. Если большая часть правообладателей и их представителей будет использовать данный сервис, можно будет оперативно решать вопрос о перемещаемых товарах, обладающих признаками контрафактных (примерно за 1–3 дня).

В заключении можно сделать вывод о том, что за исследуемый период таможенные органы России достигли существенных успехов в деятельности по борьбе с контрафактом. Однако, существуют проблемы, препятствующие повышению ее эффективности. Реализация предложенных решений проблем будет способствовать усилению работы таможенных органов по борьбе с контрафактом, улучшению взаимодействия таможенных органов с правообладателями при выявлении признаков контрафактной продукции.

Литература:

1. Взаимодействие таможенных органов и правообладателей в области защиты объектов интеллектуальной собственности // ВЭД24. 2021. URL: <https://ved24.com/node/96> (дата обращения: 26.04.2025).
2. Виды контрафакта и ответственность за его продажу // Официальный сайт МВД России. URL: <https://63.mvd.ru/news/item/18486308> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Гаврилин М. С. Некоторые аспекты классификации контрафактной продукции // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2019. № 1. С.17–23.
4. Гаврина А. О. Теоретические основы защиты таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности // Молодой ученый. 2022. № 16 (411). С. 181–184.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая): от 18 декабря 2006 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/.
6. Джаркымбаева А. К. Современные технологии защиты контрафакта // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 8–2 (71). С. 23–30.
7. Ежегодный статистический сборник ФТС России // Официальный сайт ФТС России. URL: <http://customs.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 22.04.2025).
8. Козлова Т. Ю. Контрафактная продукция: понятие и отличие от других форм подделок // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 299–301.
9. Краснова А. И. Анализ современного состояния практики таможенного декларирования и таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 2. С.56–63.
10. Кучеряева, М. Г. Определение контрафактной продукции и отличие от других форм подделок // Новый юридический вестник. 2020. № 2 (16). С. 16–17.
11. Михайлова А. А. Таможенные органы в борьбе с контрафактной продукцией // Вестник науки. 2022. № 1. С.40–47.
12. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ: по состоянию на 21.02.2024 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/.
13. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности: приказ ФТС России от 28 января 2019 № 131 // Альта-софт: справочно-правовая система. Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0131/>.

14. Овакимян Л. А. Контрафакт как главная угроза экономической безопасности России // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 6. С.31–36.
15. Репушевская О. А. Параллельный импорт: легализация в России в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 4. С.80–90.
16. Российско-китайское таможенное сотрудничество по борьбе с контрафактом // Официальный сайт ФТС России. URL: <https://limited.customs.gov.ru/uchastnikam-ved/zashhita-prav-intellektual-noj-sobstvennosti/rossijsko-kitajskoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo-po-bor-be-s-kontrafaktom> (дата обращения: 20.04.2025).
17. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: от 1 января 2018 г.: по состоянию на 01.01.2024 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.
18. Ущерб от пиратства и продажи контрафактной продукции может достигнуть нескольких триллионов долларов // Mediasat. URL: <https://mediasat.info/ru/2017/02/07/ushherb-ot-piratsstva/> (дата обращения: 26.04.2025).
19. Федеральная таможенная служба Российской Федерации: официальный сайт. Москва. URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения: 27.04.2025).
20. Шкляров С. Страны ЕАЭС в борьбе с контрафактом могут использовать опыт России по обмену данными с Китаем // News.ru. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/272819165> (дата обращения: 25.04.2025).

Актуальные проблемы правового регулирования представительства в гражданском судопроизводстве

Мустафаева Мехри Тельман кызы, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В настоящей статье рассматривается институт представительства в гражданском процессе, его комплексный характер. Данный правовой институт обеспечивает соблюдение интересов всех граждан в судебном процессе, вне зависимости от того, дееспособны они или нет. Однако у представителей существуют определенные обязанности, и, если их не соблюдать, могут возникнуть проблемы.

Ключевые слова: представитель, гражданское судопроизводство, качественная юридическая помощь, представительство в суде.

Представителями в гражданском судопроизводстве могут выступать только дееспособные лица, чьи полномочия на участие в деле оформлены и подтверждены надлежащим образом.

Правовое регулирование участия представителей в гражданском процессе РФ регулируется Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, а также специальными законами и подзаконными нормативно-правовыми актами. При анализе актуальных нормативно-правовых актов можно выделить ряд проблем, связанных с участием представителей в гражданско-правовых делах.

Представительство является самостоятельным институтом гражданско-правовых отношений, выполняющим функцию обеспечения процессуальной гарантии защиты субъективных прав и законных интересов сторон, третьих лиц и заявителей. Немаловажным является и то, что представители не только защищают права сторон, но также оказывают содействие суду для принятия справедливого и честного решения. Одной из целей представительства в суде является защита интересов граждан и организаций.

Согласно статье 52 ГПК РФ одной из задач представителей является защита прав, свобод и законных интересов участников судебного процесса, которые являются недееспособными. В соответствии с той же статьей «по делу, в котором должен участвовать гражданин, признанный в установленном порядке безвестно отсутствующим, в качестве его представителя выступает лицо, которому передано в доверительное управление имущество безвестно отсутствующего». Из этого следует, что представители в суде могут действовать недобросовестно, поскольку обязательство соблюдать интересы пропавшего без вести лица не закреплено нормативно [2].

В соответствии с законодательством РФ представителями могут быть адвокаты, а также лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности. С одной стороны, установление требования о наличии у представителей высшего юридического образования или ученой степени обеспечивает право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. С другой стороны, необходимо учитывать, что в арбитражном и административном процессах данное требование распространяется

на все судебные инстанции, в то время как в гражданском процессе, согласно новой редакции статьи 49 ГПК РФ, наличие юридического образования или ученой степени не является обязательным условием для представительства в делах, рассматриваемых мировыми и районными судами [1]. Таким образом, в соответствии с изменениями в ГПК РФ представитель, не имеющий высшего юридического образования или соответствующей ученой степени, не имеет права представлять интересы сторон в судах, находящихся выше уровня районного суда.

В любом случае, гражданское судопроизводство наиболее тесно связано с интересами обычных людей. Следовательно, несоответствие в требованиях, предъявляемых к представителям в судах общей юрисдикции, потенциально может привести к удорожанию услуг юридической помощи, и это создаст препятствия для доступа к правосудию для граждан с ограниченными финансовыми возможностями.

Профессиональная юридическая помощь подразумевает работу опытных юристов с опорой на действующие нормативно-правовые акты. Она нацелена на толкование правовых положений и применение надлежащих юридических технологий для защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов каждого человека.

Представитель вправе осуществлять любые процессуальные действия в пользу представляемого лица, включая возможность изучения материалов дела, изготовления копий документов, подачи ходатайств, предоставления доказательств, участия в их анализе. Также представителю разрешено в рамках дела вести переговоры со свиде-

телями, экспертами и специалистами. Кроме того, он наделен правом обжаловать решения суда и пользоваться иными процессуальными правами [3].

При участии в судах последующих инстанций — апелляционных и кассационных — роль представителей значительно возрастает в связи с тем, что делопроизводство направлено на проверку обоснованности и законности решений судов предыдущих инстанций.

Однако существует проблема недобросовестности представителей. Некоторые юристы некачественно выполняют свою работу, уделяют конкретному делу недостаточно времени и внимания, что приводит к неблагоприятным последствиям для клиентов: те теряют не только деньги, но и время и тем самым рискуют усугубить свою ситуацию в суде. Если человек, несведущий в законодательстве, проиграет суд, сотрудничая с неквалифицированным представителем, он, безусловно, может прибегнуть к помощи другого, однако его шансы на успех снижаются.

Как правило, недобросовестный юрист имеет плохую репутацию, а иногда она и вовсе отсутствует. Однако граждане не всегда могут узнать об этом и ознакомиться с отзывами других клиентов. К примеру, далеко не все пенсионеры пользуются интернетом, и возможности найти отзывы о специалисте у них нет.

Итак, мы рассмотрели основные цели и задачи такого института права, как представительство в гражданском судопроизводстве, а также обозначили основную проблематику при выборе судебного представителя различными категориями граждан.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.). — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Ларинова, Е. К. Особенности реформирования института представительства в гражданском процессе / Е. К. Ларинова // Ростовский научный вестник. — 2022. — № 2. — С. 40–43.
3. Неверов, А. Я. Представительство в гражданском процессе: актуальные проблемы и пути решения / А. Я. Неверов, Я. А. Колесникова // Аспирант. — 2021. — № 1 (58). — С. 161–164.

Правовое регулирование инклюзивного туризма: международный и национальный опыт

Новиков Николай Вадимович, студент магистратуры;
Ширинянц Мануэль Артурович, студент магистратуры;
Ткаченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, декан
Астраханский государственный технический университет

В статье рассматривается правовое регулирование инклюзивного туризма с акцентом на международный и национальный аспекты. Анализируются основные нормативные документы, международные стандарты и практики, а также особенности правового обеспечения прав и возможностей людей с инвалидностью и иных уязвимых групп в сфере туризма. Также представлены рекомендации по совершенствованию национального законодательства в данной сфере для обеспечения инклюзивности туристических услуг.

Ключевые слова: инклюзивный туризм, правовое регулирование, международный опыт, национальное законодательство, права лиц с инвалидностью, стандарты доступной среды.

Инклюзивный туризм — это одно из направлений туризма, которое включает в себя создание доступной и комфортной туристической среды для всех категорий путешественников, в том числе людей с ограниченными возможностями здоровья, пожилых людей и других групп, нуждающихся в особом внимании. Он основывается на принципах доступности, участия и равенства, обеспечивая возможность полноценного участия в туристической деятельности и мероприятиях без дискриминации [1].

Инклюзивный туризм представляет собой важный инструмент для повышения качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Однако для успешной реализации этого подхода необходимо преодолеть ряд проблем, связанных с жизнедеятельностью данной группы населения:

1. Жизнеобеспечение, реабилитация и интеграция в общество. Одной из основных проблем является обеспечение равных возможностей для самореализации людей с ОВЗ.

2. Социализация является ключевым аспектом инклюзивного туризма. Разработка новых методов управления личностью детей с ОВЗ в коллективе представляет собой важную задачу. Необходимы программы, которые бы способствовали взаимодействию детей с ОВЗ и их сверстников, а также поддерживали бы развитие социальных навыков и уверенности в себе.

3. Рекреация и реабилитация. Инклюзивный туризм способен предоставлять возможности для активного отдыха, который способствует физическому и психическому восстановлению. Это может включать в себя адаптированные спортивные мероприятия, природные экскурсии и другие формы активного досуга, способствующие улучшению общего состояния здоровья и повышению качества жизни [6].

Инклюзивный туризм, ориентированный на обеспечение равного доступа к туристическим услугам для всех категорий граждан, включая людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), становится важным направлением устойчивого развития отрасли. Правовое регулирование данного сектора способствует формированию инклюзивной среды и социальной интеграции, что соответствует международным гуманитарным нормам и национальным стратегиям развития туризма. В современном мире международные стандарты и национальные законы формируют базу для формирования инклюзивной среды в сфере туризма [2].

Международное сообщество уделяет значительное внимание вопросам инклюзивности в сфере туризма. Всеобщая декларация прав человека, Конвенция ООН о правах инвалидов и другие международные документы провозглашают принципы равенства и недискриминации, которые лежат в основе инклюзивного туризма.

Конвенция ООН о правах инвалидов — международный договор Организации Объединённых Наций по правам человека, направленный на защиту прав и достоинства инвалидов. Участники конвенции обязаны поощрять, защищать и обеспечивать полное осуществление прав человека инвалидами, а также гарантировать, чтобы инвалиды пользовались полным равенством перед законом [3]. В Конвенции ООН о правах инвалидов есть нормы, касающиеся доступа инвалидов к туристическим объектам и услугам, связанным с организацией досуга, туризма, отдыха и спортивных мероприятий.

Всемирная туристская организация разработала рекомендации по обеспечению доступности туристических объектов и услуг:

1. «Декларация по упрощению туристических поездок», принятая резолюцией Генеральной Ассамблеей ЮНВТО от 2009 года. Документ подчёркивал необходимость облегчения доступа людей с ограниченными возможностями как важный элемент любой политики развития ответственного туризма.

2. «Доступный туризм для всех» — рекомендации ЮНВТО, принятые в 2013 году. Документ был разработан с учётом положений Конвенции ООН о правах инвалидов 2007 года.

Данные документы акцентируют внимание на необходимости создания доступной инфраструктуры, предусматривающей использование технических средств, обеспечивающих безопасное и комфортное передвижение лиц с инвалидностью. Важным аспектом является организация специальных услуг для данной категории туристов без взимания дополнительной платы, что способствует устранению финансовых барьеров для участия в туристической деятельности. Подчеркивается также значимость обучения персонала туристских объектов и учреждений навыкам работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья, что позволяет обеспечить квалифицированное и уважительное обслуживание. Наконец, отмечается необходимость предоставления четкой и подробной информации о доступности услуг и возможных проблемах, с которыми могут столкнуться туристы с инвалидностью, что способствует осознанному планированию поездок и повышению уровня удовлетворенности от отдыха.

Международная организация по стандартизации (ISO) разрабатывает стандарты, касающиеся доступности туристических услуг и объектов. Например, ISO 21902:2021 «Tourism and related services — Accessible tourism for all — Requirements and recommendations» устанавливает требования и рекомендации по обеспечению доступности туристических услуг для всех, включая людей с инвалидностью, пожилых людей и другие группы с особыми потребностями.

Таким образом, международные инициативы в области инклюзивного туризма направлены на создание равных возможностей для всех категорий граждан, независимо от их физических возможностей, и формирование безбарьерной туристической среды.

В России вопросы инклюзивного туризма регулируются рядом нормативных правовых актов, в том числе Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», а также подзаконными актами [7].

Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» определяет основные принципы государственной политики в сфере туризма, включая создание условий для доступного туризма. Однако, закон не содержит конкретных норм, регулирующих вопросы инклюзивности туристических услуг и объектов.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает общие принципы социальной защиты инвалидов, в том числе обеспечение доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур. Статья 15 закона обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления обеспечивать инвалидам беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры, в том числе к объектам туризма.

В рамках реализации государственной программы «Доступная среда» на 2011–2020 годы и на 2021–2025 годы были предприняты меры по повышению доступности объектов туристской инфраструктуры для людей с инва-

лидностью. В частности, были разработаны и внедрены стандарты доступности гостиниц, музеев, транспортных средств и других объектов туризма [5].

Однако, несмотря на принимаемые меры, правовое регулирование инклюзивного туризма в России остается фрагментарным и недостаточным. Отсутствует единый нормативный правовой акт, комплексно регулирующий вопросы инклюзивности туристических услуг и объектов.

Разработка и принятие специализированного подзаконного акта либо внесение соответствующих изменений в действующий федеральный закон «Об основах туристской деятельности» представляется ключевым элементом правового механизма обеспечения доступности и инклюзивности туристских услуг. Такая законодательная инициатива позволит формализовать и закрепить обязательные требования к туристическим операторам и инфраструктуре, направленные на устранение барьеров для лиц с инвалидностью и создание условий равного доступа к туристическим продуктам и сервисам. Введение специализированного правового инструмента обеспечит системный характер регулирования и контроль соблюдения норм, способствуя формированию интегративной модели туристской деятельности, ориентированной на потребности всех социальных групп.

Кроме того, стоит обратить внимание на расширение мер государственной поддержки туроператоров и организаций туристической инфраструктуры в процессе адаптации к требованиям инклюзивности является стратегическим направлением государственной политики в сфере туризма.

Литература:

1. Матвеева, А. С., Новикова, В. Ю. Правовые гарантии соблюдения прав туристов — лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика // Национальные приоритеты России. 2023. № 2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-garantii-soblyudeniya-prav-turistov-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 04.05.2025).
2. ГОСТ 32613-2014. Туристические услуги. Услуги туризма для людей с ограниченными физическими возможностями. Общие требования: межгосударственный стандарт: дата введения 2016–01–01 /подготовлен Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации». Изд. официальное. Текст: электронный.
3. Конвенция о правах инвалидов (Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
4. Пирогова, О. Е. Инклюзивный туризм: понятие и сущность / О. Е. Пирогова, А. В. Мустафина, А. Э. Гамидова // Управленческое консультирование. — 2023. — № 6(174). — С. 81–89. — DOI 10.22394/1726–1139–2023–6–81–89. — EDN LDZOHF.
5. Проект Ассоциации Туроператоров (АТОР), посвященный развитию инклюзивного туризма [Электронный ресурс] — Режим доступа — <https://accessible.atorus.ru/#about>, свободный (Дата обращения — 04.05.2025).
6. Табылгинова, Л. А. Особенности социального туризма в социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями // МНКО. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnogo-turizma-v-sotsialnoy-integratsii-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami>.
7. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Основные проблемы банкротства физических лиц и пути их решения

Новикова Екатерина Леонидовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Банкротство физических лиц становится все более актуальной проблемой в современном обществе. Рост финансовых трудностей, снижение уровня доходов и увеличение долговых обязательств приводят к тому, что многие граждане сталкиваются с невозможностью выполнять свои обязательства перед кредиторами. В данной статье мы рассмотрим основные проблемы, связанные с банкротством физических лиц, а также пути их решения.

Ключевые слова: банкротство, должник, ограничение прав, финансовая грамотность.

В условиях современной экономики, когда финансовая нестабильность может затронуть каждого, все больше граждан Российской Федерации прибегают к процедуре банкротства. В первую очередь это связано с увеличением долговой нагрузки населения, что возникает, как правило, из-за не достаточного уровня финансовой грамотности населения.

Банкротство физических лиц — это процесс, при котором гражданин, не в состоянии выполнить свои финансовые обязательства, обращается в суд с целью признания своей платежеспособности и реструктуризации долгов. В России юридические аспекты банкротства регулируются Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В связи с недавними изменениями в федеральном законе № 127 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», можно сделать вывод, что с увеличением нагрузки на судебный аппарат, законодательством были предприняты меры для упрощения некоторых мероприятий, предполагаемых в процедуре банкротства.

В таблице 1 приведены некоторые примеры изменений Федерального Закона № 127 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

С момента введения закона в действие, процедура банкротства стала доступной для граждан, но, несмотря

на это, многие продолжают сталкиваться с различными трудностями.

Проблемы, связанные с банкротством

1. Правовые сложности.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются физические лица при банкротстве, являются правовые сложности. Процедура часто требует глубоких знаний законодательства, и многие граждане не обладают необходимой правовой грамотностью. Это может стать серьезным препятствием на пути к успешному банкротству. Необходимость документов, справок, а также правила подачи заявлений иногда вызывают путаницу и могут привести к отклонению заявлений. Судебные разбирательства могут затягиваться, что усугубляет финансовые проблемы должника.

2. Социальные и психологические аспекты.

Банкротство — это не только финансовая, но и социальная проблема. Осознание того, что финансовая ситуация вышла из-под контроля, может вызвать стресс и чувство безысходности. Люди часто стыдятся открывать свое финансовое положение перед близкими и родственниками, что может усугублять эмоциональное со-

Таблица 1

Пример	До изменений 2023–2024 гг.	После изменений
Судебное банкротство		
Минимальная сумма долга	500 000 рублей	500 000 рублей
Срок просроченной задолженности	Более 3-х месяцев	Более 3-х месяцев
Возможность повторного обращения	Через 5 лет	Через 5 лет
Внесудебное банкротство (через МФЦ)		
Минимальная сумма долга	От 50 000 до 500 000 рублей	От 25 000 до 1 000 000 рублей
Условия для обращения	Закрытое исполнительное производство, отсутствие имущества	Закрытое исполнительное производство, отсутствие имущества, для пенсионеров и получателей пособий — срок исполнительного производства более 1 года, для остальных — более 7 лет
Повторное обращение	Через 10 лет	Через 5 лет
Дополнительные условия	-	Расширен круг лиц, имеющих право на внесудебное банкротство, включая пенсионеров и получателей пособий, при соблюдении определенных условий.

стояние. Кроме того, банкротство может повлиять на репутацию человека. Как правило, информация о банкротстве становится доступной в открытых источниках, что может затруднить поиск работы или получение кредита в будущем.

3. Ограничения и последствия.

Решение о банкротстве накладывает определенные ограничения на финансовую жизнь человека. В течение нескольких лет после завершения процедуры, бывший банкрот не сможет взять кредит, а также столкнется с трудностями при получении других финансовых услуг. Кроме того, в общей сложности сроки, на которые устанавливаются ограничения, могут достигать до 5 лет. Важно отметить, что граждане, прошедшие процедуру банкротства, могут столкнуться с дополнительными сложностями при покупке недвижимости и получении подписок на коммунальные услуги. Часто кредитные организации менее охотно сотрудничают с физическими лицами, имеющими статус банкрота, что усугубляет финансовые трудности.

4. Отсутствие эффективных механизмов реструктуризации долгов.

Во многих кредитных и иных организациях отсутствуют действенные инструменты для реструктуризации долгов или их списания, что вынуждает граждан прибегать к радикальным мерам — объявлению о банкротстве — без предварительных попыток договориться с кредиторами. Чаще всего, нет возможности реструктуризации долга из-за многих требований, предъявляемых самими организациями, к должникам.

5. Негативное влияние на кредитную историю.

Банкротство портит кредитную историю, что затрудняет получение кредитов в будущем. Запись о банкротстве вносится в кредитную историю и остается там на определенный срок (в России — 5 лет), что отражает негативный опыт и негативно влияет на кредитный рейтинг. Банки и другие кредитные организации могут отказываться выдавать кредиты или устанавливать более высокие процентные ставки для бывших банкротов. После банкротства лицо обязано сообщать о факте банкротства при подаче заявок на кредит или займ.

Пути решения проблем банкротства

1. Грамотное юридическое сопровождение.

Одним из наиболее эффективных способов преодоления правовых сложностей, связанных с банкротством, является обращение за помощью к опытным юристам, специализирующимся на банкротстве. Квалифицированный специалист может не только помочь подготовить все необходимые документы, но и осуществить представление интересов клиента в суде. Это значительно повышает шансы на успешное завершение процедуры. Также важно разрабатывать понятную правовую базу по банкротству физических лиц, которая будет упрощать процедуру банкротства и как следствие снижать издержки на саму процедуру, а также уменьшать сроки рассмотрения

дел. Не маловажно рассмотреть возможность внедрения механизмов автоматического признания банкротства, при соблюдении определенных условий и параметров.

2. Психологическая и информационная поддержка граждан.

Необходимо создавать информационные платформы, консультационные центры, образовательные программы, все это поможет повысить уровень информированности населения об их правах и возможностях при тяжелых финансовых нагрузках. Нельзя недооценивать значение психологической поддержки в процессе банкротства. Обеспечение социальной поддержки должников через программы временной помощи, консультации психологов и юристов, участие в группах поддержки, все это поможет снизить уровень стресса. Семья и друзья также играют важную роль в этой ситуации. Открытый и честный разговор о финансовых трудностях может устранить чувство одиночества и стыда, которое часто сопровождает процесс банкротства.

3. Финансовое планирование и реструктуризация долга.

Необходимо проводить широкую работу по повышению финансовой грамотности населения, чтобы люди могли более осознанно принимать решения о взятии кредитов и избегать банкротства. Перед принятием решения о банкротстве следует проконсультироваться с юристом для оценки всех возможных последствий и выбора наилучшего варианта решения финансовых проблем. Перед подачей заявления о банкротстве стоит провести анализ своих доходов и расходов. Это поможет оценить, насколько реальна возможность погашения долгов до подачи заявления. Создание бюджета и его строгое соблюдение могут помочь выделить свободные денежные средства и избежать ситуации банкротства в будущем. Важно понимать, что банкротство не является окончательным решением финансовых проблем. Это только способ устранения текущих долговых обязательств. Многие граждане после процедуры банкротства делают выводы и начинают вести более ответственный подход к своим финансам.

4. Реструктуризация долгов.

Развитие программ по реструктуризации долгов, более лояльное отношение кредиторов к должникам, желающим найти пути решения и уменьшения финансовой нагрузки, позволит гражданам сохранять имущество и избежать полного разорения. Это может включать в себя переговоры с кредиторами о снижении процентной ставки, увеличении срока погашения кредита или отсрочке платежей.

5. Восстановление кредитной истории.

Необходимо разработать механизмы, позволяющие восстановить кредитную историю после банкротства, например, путем внедрения программ реинтеграции или предоставления льгот для должников, которые успешно завершили процедуру банкротства. Со стороны бывшего банкрота, также необходимы усилия в этом направлении. Для восстановления положительной кредитной истории после банкротства необходимо постепенно и последова-

тельно формировать новый положительный опыт в кредитовании, избегая просрочек и долгов. Иметь постоянную работу и регулярный доход, чтобы повысить надежность в глазах банков. Проверять свою кредитную историю регулярно, чтобы убедиться в её корректности и исключить возможные ошибки.

Заключение

Банкротство физических лиц — серьезный и многогранный процесс, сопровождающийся различными проблемами и сложностями, требующий комплексного подхода со стороны государства, общества и профессиональных институтов. Однако с правильным подходом, поддержкой профессионалов и близких людей, а также

осознанием своих финансовых возможностей, можно преодолеть текущие трудности. Совершенствование законодательства, повышение информированности населения и развитие механизмов реструктуризации долгов станут ключевыми факторами в решении данной проблемы. Только совместными усилиями можно создать условия для более справедливого и эффективного выхода граждан из финансовых кризисов, способствуя их социальной стабильности и экономическому развитию страны. Наиболее важным является память о том, что банкротство не означает конец финансовой деятельности гражданина. Вместо этого это возможность начать заново, осознанно подходя к будущим финансовым обязательствам. С учетом этого, даже трудные времена могут стать основой для более светлого будущего.

Литература:

1. Федеральный закон «о несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024, с изм. и доп.).
2. Власова К. С. Особенности банкротства физических лиц в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–1 (76). С. 108–110.
3. Курбанов Р. А. Банкротство физических лиц // Право и закон. 2024. № 6 С. 122–126.

Признаки преступления как системообразующих элементов уголовно-правовой квалификации

Охапкина Алёна Дмитриевна, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Научный руководитель: Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор
Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Исследование посвящено анализу признаков преступления как системообразующих элементов уголовно-правовой квалификации, включая общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Рассматривается их эволюция в условиях цифровизации общественных отношений, трансформации способов совершения преступлений и расширения сферы киберпреступности. Особое внимание уделяется противоречиям, возникающим при применении традиционных критериев к современным формам противоправного поведения, таким как коррупционное посредничество или деяния в цифровой среде. Обосновывается необходимость интеграции междисциплинарных подходов (криминалистических, социологических, кибернетических) для адаптации уголовно-правовых норм к нелинейным рискам, включая использование искусственного интеллекта и автоматизированных систем. Подчеркивается важность гармонизации материально-правовых и процессуальных аспектов, а также разработки этико-правовых рамок для применения технологий big data в оценке общественной опасности. Исследование формулирует перспективные направления развития доктрины, направленные на сохранение баланса между стабильностью уголовного права и его адаптацией к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: признаки преступления, общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость, киберпреступность, цифровизация.

Исследование признаков преступления представляет собой ключевой фактор уголовно-правовой теории, направленный на выявление специфических характеристик, позволяющих отграничить преступное деяние от иных форм противоправного поведения. Сущность данного понятия раскрывается через совокупность взаимо-

связанных элементов, формирующих юридическую конструкцию, которая служит основой для квалификации деяния в рамках действующего законодательства. Противоправность, общественная опасность, виновность и наказуемость выступают в качестве системообразующих критериев, интегрированных в структуру преступления,

однако их анализ не сводится к механическому перечислению. Каждый признак приобретает смысл лишь в контексте целостного взаимодействия с другими элементами, что обуславливает необходимость комплексного подхода к их интерпретации. Значение этих категорий проявляется в их способности обеспечивать точность правовой оценки действий субъекта, предотвращая как необоснованное привлечение к ответственности, так и игнорирование деяний, требующих уголовно-правового реагирования.

Общественная опасность, как системообразующий признак, отражает способность деяния причинять вред или создавать угрозу для охраняемых законом общественных отношений. В контексте коррупционного посредничества, например, этот признак проявляется не только в прямом ущербе государственным интересам, но и в подрыве доверия к институтам власти, что актуализирует необходимость учета скрытых социальных последствий при оценке тяжести деяния [3]. Противоправность, закрепленная в уголовном законе, выступает формальным выражением общественной опасности, однако в условиях цифровизации её интерпретация требует расширения традиционных правовых рамок. Современные преступления в сфере компьютерной информации, такие как несанкционированный доступ или распространение вредоносных программ, демонстрируют, что противоправность всё чаще связывается с нарушением не только материальных, но и виртуальных границ, что обуславливает необходимость адаптации законодательных дефиниций к технологическим реалиям [2]. Виновность как субъективно-психологический критерий подчеркивает личную ответственность лица за совершённое деяние, однако её установление в условиях сложных форм соучастия или опосредованного причинения вреда требует дифференцированного подхода. Дискуссии о соотношении признаков преступления и элементов состава [5] показывают, что виновность не может сводиться к формальному наличию умысла или неосторожности — она должна рассматриваться через призму конкретных обстоятельств дела, включая мотивацию и возможность субъекта предвидеть последствия. Наказуемость, завершая систему признаков, выполняет не только репрессивную, но и превентивную функцию, однако её реализация сталкивается с проблемой баланса между неотвратимостью ответственности и принципом индивидуализации наказания. Как отмечается в исследованиях, возбуждение уголовного дела должно основываться на совокупности признаков преступления, а не отдельных элементах состава, что исключает формализм в правоприменении и обеспечивает соответствие процессуальных решений материально-правовым основаниям [1].

Динамика развития указанных признаков особенно очевидна в контексте цифровых преступлений, где традиционные критерии общественной опасности и противоправности наполняются новым содержанием. Например, способ совершения киберпреступления, будучи составообразующим признаком, не только определяет квалификацию, но и влияет на оценку степени опасности, поскольку технологическая сложность методов может многократно усиливать потенциальный вред [4]. При этом сохраняется методологическая проблема разграничения признаков преступления и элементов состава, которая, по мнению некоторых авторов, носит диалектический характер: если признаки отражают качественную определённость деяния, то состав служит инструментом его нормативной фиксации, что не исключает противоречий в их практическом применении [5].

Расширение понятия противоправности за счет включения нарушений в виртуальном пространстве, а также необходимость учета латентных форм общественной опасности, таких как подрыв доверия к институтам власти при коррупционном посредничестве, указывают на потребность в разработке гибких правовых моделей, способных адаптироваться к нелинейным рискам современности. Перспективы развития теории признаков преступления связаны с интеграцией междисциплинарных методов анализа, включая криминалистический, социологический и кибернетический подходы, что позволит точнее оценивать качественные изменения в характере общественно опасных деяний. Особое значение приобретает совершенствование критериев виновности в условиях использования искусственного интеллекта и автоматизированных систем, где традиционные представления о субъективной стороне преступления требуют пересмотра. Одновременно актуализируется проблема гармонизации материально-правовых и процессуальных аспектов: как отмечается в дискуссиях о соотношении признаков преступления и элементов состава, устранение терминологических и концептуальных противоречий между этими категориями необходимо для обеспечения единства правоприменительной практики. Важным направлением остается оптимизация функции наказуемости, которая должна эволюционировать от ретроспективного наказания к превентивным механизмам, учитывающим прогностический потенциал криминологических исследований. Внедрение технологий big data и машинного обучения в оценку общественной опасности могло бы способствовать ранней идентификации криминогенных тенденций, однако это требует четких этико-правовых рамок для исключения рисков дискриминации.

Литература:

1. Корнакова С. В. Признаки преступления или признаки состава преступления должны быть основанием для возбуждения уголовного дела? //Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2022. — №. 3 (61). — С. 48–56.

2. Бегишев И. Р., Бикеев И. И., Галимов А. Г. Признаки преступления в сфере обращения цифровой информации. — 2021.
3. Балалаева М. В. Криминалистически значимые признаки преступлений, связанных с коррупционным посредничеством // Коррупция в современной России: проблемы противодействия. — 2021. — С. 33–38.
4. Канубриков В. А., Османов М. М. Способ совершения преступления как составообразующий признак преступлений в сфере компьютерной информации // Образование и право. — 2021. — №. 5. — С. 312–315.
5. Джейранов С. С. Признаки преступления и элементы состава преступления: вопросы единства и борьбы противоположностей // European Journal of Natural History. — 2021. — №. 6. — С. 102–105.

Правовое регулирование противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма в России

Пекшеева Александра Сергеевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается правовое регулирование противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма в России, Автором исследуется роль международного сотрудничества в этой сфере и указывается на его необходимость. Исследуется роль центрального нормативно-правового акта — Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 г, № 115-ФЗ, а также его динамика изменений.

Ключевые слова: легализация, противодействие, отмывание денег, финансирование терроризма, нормативное регулирование.

В условиях усиливающейся взаимозависимости государств каждое из них неизбежно стремится к признанию со стороны международного сообщества, что обусловлено как политическими, так и правовыми интересами. Международная правосубъектность, подтверждаемая через участие в международных организациях, служит своеобразным индикатором легитимности государственности и позволяет странам занимать активные позиции на глобальной арене.

Особое значение здесь приобретают международные институты, выступающие площадками для выработки и имплементации универсальных стандартов, в том числе в такой чувствительной сфере, как противодействие отмыванию преступных доходов, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения (далее — ПОД/ФТ/ФРОМУ). Значимость деятельности этих структур нельзя недооценивать, поскольку она охватывает ключевые аспекты поддержания международной стабильности и безопасности. Данный вектор сотрудничества невозможен без консолидированной и системной работы на уровне межгосударственного взаимодействия, исключающей односторонние меры как недостаточно эффективные.

Правовая природа преступлений, связанных с ПОД/ФТ/ФРОМУ, предполагает их транснациональный характер. В рамках этой деятельности преступные действия не ограничиваются юрисдикцией одного государства, а напротив, проникают через национальные границы, пользуясь несовершенством правовых систем и отсутствием унифицированного контроля. Следовательно, успешное

противодействие данным вызовам возможно лишь при условии плотной интеграции усилий государств, объединённых стремлением обеспечить устойчивую защиту правопорядка и государственной безопасности.

Глобализация экономических процессов, с одной стороны, ускоряет развитие мировой торговли и финансов, а с другой — порождает ряд серьёзных проблем, затрагивающих все без исключения страны. Одной из наиболее острых проблем, ставших прямым следствием глобализационных тенденций, является разрастание теневого сектора экономики. Его существование и укоренение непосредственно связаны с практиками легализации преступных доходов, а также с деятельностью, направленной на финансирование террористических актов и нелегальное распространение оружия массового поражения.

Актуальность указанных проблем подтверждается не только их масштабом, но и их высоким уровнем опасности для всего международного правопорядка. Именно по этой причине вопросы ПОД/ФТ/ФРОМУ продолжают занимать ключевые позиции в повестке дня международного правового сотрудничества, оставаясь при этом предметом интенсивных научных, политико-правовых и уголовно-правовых дискуссий. Разногласия касаются как концептуальных основ, так и инструментов их эффективного урегулирования.

Важнейшей предпосылкой продуктивного межгосударственного взаимодействия в обозначенной сфере выступает наличие надлежащей нормативной и институциональной базы. Без наличия чётко выстроенной системы норм и механизмов координация действий го-

сударств оказывается фрагментарной и неустойчивой. Только при условии создания правовой основы, обеспечивающей единообразие в регулировании вопросов ПОД/ФТ/ФРОМУ, можно говорить о реальной эффективности принимаемых мер.

При этом необходимо не просто сближение позиций, но и фактическая унификация уголовно-правовых подходов к квалификации соответствующих деяний. Такая унификация должна сопровождаться их криминализацией на национальном уровне с последующим формированием комплексных механизмов правоприменения. Также крайне важным условием является внедрение многоуровневых систем мониторинга, анализа и обмена информацией между государствами и международными организациями.

Стоит согласиться с И. В. Разумовой, которая отмечает, что «В Российской Федерации национальная система противодействия легализации доходов отражает основные требования рекомендаций ФАТФ» [2, с. 3].

Внутригосударственное регулирование в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию террористической деятельности закреплено в ряде нормативных правовых актов, однако основополагающим и наиболее системным является Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ [1]. Рассматриваемый закон наделён высокой степенью детализации и предусматривает целый ряд обязательных мероприятий, направленных на минимизацию рисков вовлечения финансовых институтов в противоправные схемы. В их числе — комплекс организационных процедур по построению системы внутреннего контроля. Созданная система предполагает не только технические и процедурные стандарты, но и требует от организаций развития устойчивой культуры комплаенса, что особенно актуально в условиях растущего давления со стороны международных требований.

В числе обязательных мер законодатель закрепляет и обязанность проведения обязательного контроля за финансовыми операциями, подлежащими мониторингу, что касается сделок, обладающих признаками подозрительности, а также операций, превышающих установленный законом порог.

Не менее важным правовым инструментом служит установленный законом запрет на распространение сведений о действиях, осуществляемых в целях пресечения легализации преступных доходов или предотвращения

финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Данный запрет направлен на обеспечение конфиденциальности и исключение утечки информации, способной дестабилизировать ход оперативных мероприятий. Однако законодатель делает одно исключение: информирование клиента допустимо в строго определённых случаях — например, при блокировке денежных средств или имущества, при приостановлении транзакций, при отказе в исполнении клиентского распоряжения. Также подлежит раскрытию информация об отказе в открытии или расторжении договора банковского счёта (вклада) и о необходимости предоставления дополнительных документов.

Помимо указанных механизмов, закон предусматривает возможность применения и иных мер, вытекающих из предписаний других федеральных нормативных правовых актов. Полагаем, что подход законодателя символизирует тенденцию к комплексному регулированию сферы противодействия рассматриваемым деяниям, где каждое правовое средство дополняет и усиливает другие, формируя в совокупности многоуровневую защиту государства.

Значимым аспектом функционирования Федерального закона № 115-ФЗ является его подвижность и восприимчивость к изменениям. Закон не остаётся статичным — он регулярно подвергается изменениям, что связано с необходимостью оперативного реагирования на новые вызовы, связанные с эволюцией преступных стратегий, цифровизацией финансовой среды и международными обязательствами России, прежде всего в рамках рекомендаций ФАТФ. На май 2025 г. действует 115-я редакция закона.

На указанную динамику правового регулирования и её необходимость указывается в литературе. Так, «в дальнейшей непрерывно меняющейся политической обстановке и связанными с ней вызовами в вопросах экономической безопасности нашего государства, законодателю необходимо продолжить сосредотачивать усилия на соответствующих направлениях с целью оптимизации нормативно-правовой сферы ПОД/ФТ/ФРОМУ что называется, опережающими темпами» [3, с. 57].

Таким образом, в России существует система правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Установлено, что законодательство в этой области обладает своей динамикой, что говорит об учетывании внешних реалий общественной жизни законодателем.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. — № 151–152. — 2001. — 09 августа.
2. Разумова И. В. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: проблема соотношения требований международных стандартов и реалий российской действительности // Финансы и кредит. — 2016. — № 37 (709). — С. 2–13.

3. Фильков О. Г. К вопросу о нормативном регулировании противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в текущей внешнеполитической обстановке // Правовой альманах. — 2023. — № 2. — С. 42–57.

Сравнительный анализ институтов недействительности сделок в разных правовых системах: российский и зарубежный опыт

Радионов Иван Андреевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В данной статье автор исследует институт недействительности сделок в контексте гражданского права, акцентируя внимание на сравнительном анализе подходов к этому институту в российском и зарубежном праве.

Ключевые слова: недействительность сделок, правовые системы, сравнительный анализ, Россия, зарубежный опыт, гражданское право, институты недействительности, судебная практика, защита прав кредиторов, правоприменение, экономические последствия, правовая природа сделок добросовестные приобретатели, законодательство, банкротство.

Введение

В современных условиях взаимодействия правовых систем и расширения трансграничных гражданско-правовых отношений значение приобретает исследование механизмов, обеспечивающих юридическую определенность сделок. Механизмом является институт недействительности сделок, который выступает гарантией соблюдения законности, добросовестности и защиты прав участников гражданского оборота. Актуальность темы обусловлена необходимостью сопоставления и оценки подходов к регулированию недействительности сделок в отечественной и зарубежных правовых системах с целью выявления эффективных правовых решений и возможности совершенствования российского законодательства.

Цель данной научно-исследовательской работы заключается в проведении анализа института недействительности сделок в гражданском праве России и зарубежных государств с целью выявления черт, отличий и перспектив заимствования правовых механизмов.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1. Раскрыть понятие, функции и классификацию недействительных сделок;
2. Проанализировать законодательное регулирование института недействительности сделок в России;
3. Изучить подходы к регулированию недействительных сделок в зарубежных правовых системах (на примере стран романо-германской и англосаксонской правовых семей);
4. Сопоставить отечественный и зарубежный опыт, выявить сходства и различия;

Объектом исследования выступают гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с заключением, исполнением и признанием сделок недействительными.

Предметом исследования являются правовые нормы и практика применения института недействительности сделок в России и зарубежных странах.

В процессе выполнения исследования применяются такие методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой, системный и метод анализа судебной практики.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока: институт недействительности сделок рассматривался в трудах ученых: Васильев А. М., Мейер Д. И. Сохраняется необходимость комплексного сопоставления моделей регулирования и практического применения данного института в разных правовых системах.

Новизна и практическая значимость исследования заключается в выявлении эффективных подходов к регулированию недействительности сделок и формулировании рекомендаций по их возможному использованию в российской правовой системе.

Исследование проводится на базе сравнительного анализа нормативных актов, судебной практики и научных источников России, Германии, Франции, Великобритании и США. В качестве эмпирического материала используются кейсы из практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ, судебных органов указанных зарубежных стран.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает: введение, три главы, заключение, список использованных источников.

Глава 1. Теоретико-правовые основы института недействительности сделок

В гражданском праве внимание уделяется сделкам, именно через них происходят изменения, установление или прекращение прав и обязанностей между сторонами. Не каждая сделка, если она формально совершена, признаётся действительной. Существуют ситуации, когда сделка нарушает требования закона или совершена с нарушением воли стороны, поэтому возникает институт недействительности сделок. Это понятие означает, что такая сделка не влечёт правовых последствий, на которые сто-

роны рассчитывали, или влечёт их лишь в ограниченном объёме. Институт недействительности сделок направлен на защиту интересов участников гражданского оборота, на соблюдение законности в правовой системе.

Недействительность сделок — это механизм, с помощью которого государство обеспечивает правопорядок и защищает участников гражданских правоотношений от последствий незаконных, несправедливых или ошибочных действий. На практике это может проявляться — подделка документов при продаже квартиры, давление на человека при заключении договора. В таких случаях нужно, чтобы правовая система могла признать такую сделку недействительной и восстановить справедливость [4].

Сделки, которые признаются недействительными, делятся на ничтожные и оспоримые. Это и есть основная классификация недействительных сделок. Ничтожная сделка изначально считается недействительной независимо от того, подал ли кто-то иск или нет. Она с самого начала «не существует» в правовом смысле. Примером может быть сделка, заключённая с нарушением закона, например, фиктивный договор дарения, за которым скрывается продажа. Оспоримая сделка, наоборот, считается действительной, пока суд не признает её недействительной. Для того чтобы признать такую сделку недействительной, нужно доказать в суде, что она была заключена с нарушением, например, если одну из сторон ввели в заблуждение или вынудили подписать договор под угрозой.

После признания сделки недействительной наступают правовые последствия. Стороны возвращаются в исходное положение, каждая сторона должна вернуть всё полученное по сделке. Это называется реституцией. Если, например, кто-то по недействительной сделке получил деньги, он обязан их вернуть. Если возвращение невозможно, например, товар был уже уничтожен, то возможна денежная компенсация. Также в зависимости от характера нарушения суд может отказать в защите прав стороне, которая действовала недобросовестно или нарушила закон [2].

Интересно проследить, как развивался институт недействительности сделок в историческом плане. Уже в римском праве существовали положения о том, что сделки, нарушающие закон или мораль, недействительны. С тех времён прошло достаточно лет, но сама идея, что нельзя позволить существовать юридически ничтожным или несправедливым действиям, осталась актуальной. В российском праве дореволюционного периода также существовали правила о недействительности сделок, и они постепенно развивались в рамках советского права, нашли современное оформление в Гражданском кодексе Российской Федерации. Постепенно нормы становились детализированными, появлялась практика их применения, суды вырабатывали подходы к интерпретации различных оснований недействительности.

Институт недействительности сделок — это элемент гражданского права. Он защищает не только отдельных участников сделок, но и весь правопорядок в целом. Его

развитие продолжается и сегодня, особенно с учётом изменений в правоприменительной практике, а также расширения международных контактов и интеграции зарубежного опыта.

Глава 2. Институт недействительности сделок в российском праве

В российском гражданском праве институт недействительности сделок играет свою роль, потому что с его помощью защищаются права человека, если сделка была совершена с нарушением закона или по несправедливым условиям. Все основные правила про недействительные сделки содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации. Именно этот документ — как основная «конституция» для гражданских отношений — устанавливает, в каких случаях сделка может быть признана недействительной, и кто может это сделать и что будет дальше [9].

Сделка может быть признана недействительной по множеству причин, и Гражданский кодекс делит их на две группы. Первая — это ничтожные сделки. Они считаются недействительными автоматически, без обращения в суд. То есть они изначально не имели юридической силы. Например, если человек совершил сделку, не имея права на это (подросток без согласия родителей продал квартиру), или если сделка противоречит закону (например, фиктивный брак или притворная продажа), то её можно считать ничтожной. Вторая группа — это оспоримые сделки. Тут уже всё зависит от того, обратится ли кто-то в суд. Пока суд не признал такую сделку недействительной, она считается нормальной. Оспоримыми могут быть сделки, заключённые, например, под давлением, обманом или в состоянии, когда человек не понимал, что делает — например, был пьян или болен.

Не каждая ошибка или странность в сделке автоматически делает её недействительной. Закон специально устанавливает конкретные основания, когда можно признать сделку недействительной. Среди них, отсутствие воли стороны (если человека обманули или он не осознавал, что делает), нарушение закона, притворность сделки (когда под видом одной сделки совершается другая), и другие. Внимание уделяется тому, кто участвовал в сделке — должен ли был он иметь специальную дееспособность, были ли у него полномочия, и так далее [4].

Суды в России играют роль в том, как на практике применяются нормы о недействительности сделок. Ведь одно дело — то, что написано в кодексе, а другое — как это работает в жизни. Часто люди обращаются в суд, потому что у них отобрали имущество по сомнительной сделке, или кто-то продал имущество по поддельной доверенности. Судьи анализируют, были ли основания считать сделку недействительной, и если да — то принимают решение. При этом роль играет судебная практика: Верховный суд выпускает обзоры, в которых показывает, как нужно правильно понимать закон, чтобы в разных регионах не принимали противоположные решения в одинаковых ситуациях.

Несмотря на чёткое законодательство, в применении норм о недействительности сделок в России есть и проблемы. Например, бывает трудно доказать, что человек действовал под давлением или был введён в заблуждение. Иногда суды по-разному трактуют одни и те же нормы, из-за чего возникают противоречия. Ещё проблема — это злоупотребление правом: когда стороны специально совершают недействительные сделки, чтобы скрыть имущество или уйти от налогов, потом сами признают их недействительными. В некоторых случаях добросовестные третьи лица (например, покупатели) страдают, потому что не могли знать, что сделка, в которой они участвовали, окажется недействительной [5].

Институт недействительности сделок в российском праве — это действующий механизм, который помогает людям защищать свои права. Он построен на законодательстве, но зависит и от работы судов, насколько граждане понимают свои права. И хотя есть трудности и нестыковки, этот институт продолжает развиваться и совершенствоваться, особенно с учётом роста числа судебных споров и повышения правовой грамотности населения.

Глава 3. Сравнительный анализ и возможности заимствования зарубежного опыта

В российском праве с аналогичными институтами зарубежных правовых систем позволяет понять как универсальные черты, присущие данному правовому механизму, так и специфические особенности, отражающие традиции и принципы национального права. Анализ показал, что несмотря на общую направленность на защиту добросовестных участников оборота и обеспечение стабильности гражданских правоотношений, в юрисдикциях подход к недействительности сделок может различаться [10].

Сходства в регулировании института недействительности сделок прослеживаются в системах права, опирающихся на римско-германскую традицию (континентальное право), к которым относится и российская правовая система. В таких странах, как Германия, Франция, Италия, в странах Восточной Европы, существуют положения о ничтожности и оспоримости сделок. Например, в немецком Гражданском уложении (BGB) также проводится деление на ничтожные и оспоримые сделки, при этом подробная регламентация оснований для признания сделки недействительной, такие моменты там рассматриваются: противоречие добрым нравам, чрезмерное обременение одной из сторон или обман.

Во Франции недействительность сделки относительна, это, по сути, соответствует российскому делению на ничтожные и оспоримые. Абсолютная недействительность применяется в случаях нарушения общественного порядка или незаконного предмета сделки, относительная — при нарушении частных интересов. В англо-американской системе права (common law) концепция недействительности сделок присутствует, но выражается в других юридических терминах. Например, сделки могут быть «void» (ничтожными) или «voidable» (оспоримыми), но подход

к этим категориям гибкий, и значение придаётся судебному усмотрению и прецедентной практике. Внимание сосредоточено на намерении сторон, уровне их осведомлённости, добросовестности и разумности поведения [7].

Отличием является подход к последствиям недействительности. В зарубежных юрисдикциях делается акцент на восстановлении справедливого положения сторон, на возврате переданного. Например, в праве Великобритании может применяться институт компенсации или конструктивного траста, позволяющий вернуть имущество, и доход, полученный с его использованием. В российском праве такая практика пока ограничена.

Что касается перспектив заимствования зарубежного опыта, особый интерес представляют элементы немецкой модели, где недействительность сделки связана с добросовестностью сторон, объективной невозможностью исполнения и балансом интересов. Заслуживает внимания опыт Франции в части чёткой дифференциации между нарушениями, затрагивающими публичный и частный интерес, это способствует точному выбору последствий недействительности. Англо-американская модель, на различие правовой системы, даёт полезные ориентиры, в гибкости правового регулирования и активной роли судов в установлении справедливости при недействительных сделках [6].

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует общие черты, и различия в подходах к недействительности сделок. Использование зарубежного опыта в российской правовой системе не означает механического переноса моделей, может стать основой для, сбалансированного и справедливого подхода к регулированию сделок, соответствующего требованиям правовой определенности, и потребностям динамичного гражданского оборота.

Заключение

В ходе проведённого научного исследования был осуществлён всесторонний анализ института недействительности сделок элемента гражданско-правового регулирования. Работа показала, что данный институт играет свою роль в обеспечении законности, добросовестности и стабильности гражданского оборота в защите прав и законных интересов его участников.

В первой главе были раскрыты теоретико-правовые основы рассматриваемого института: его правовая природа, значение, классификация и правовые последствия. Установлено, что деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые позволяет разграничить степень их правовой дефектности и выработать соответствующие механизмы защиты. Анализ исторического развития института недействительности показал, что его корни уходят в римское право и на протяжении веков он эволюционировал, отражая правовые и социокультурные изменения.

Во второй главе рассмотрен современный российский подход к регулированию недействительных сделок. Детально проанализированы нормы Гражданского кодекса РФ, основания, при которых сделка может быть признана

недействительной. Внимание уделено судебной практике, это позволило выявить существующие проблемы и противоречия: формальный подход к оценке воли сторон, пробелы в защите добросовестных участников оборота и сложность применения реституции в ряде случаев.

Третья глава была посвящена сравнительному анализу зарубежных правовых систем, правопорядки Германии, Франции, Великобритании и США. В результате исследования были выявлены общие элементы (например, разделение на ничтожные и оспоримые сделки), и отличия, проявляющиеся в гибкости последствий недействительности, роли добросовестности, специфике судебного усмотрения и компенсационных механизмов. Зарубежный опыт показывает, что возможны дифференцированные подходы к оценке сделок, учитывающие не только юридическую форму, и фактические обстоятельства.

На основании проведенного анализа были сформулированы конкретные предложения по совершенствованию института недействительности сделок в российском праве. В их числе: внедрение гибкой системы правовых последствий, усиление роли добросовестности как самостоятельного критерия, возможность признания сделки частично недействительной, развитие механизмов компенсации и защиты добросовестной стороны. Целесообразно активизировать работу по формированию единообразной судебной практики и комментированию законодательства.

Проведенное исследование подтверждает актуальность темы, позволяет углубить теоретические представления о недействительности сделок и обозначить перспективные направления для развития российского гражданского законодательства с опорой на позитивный зарубежный опыт.

Литература:

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: учебник для вузов / С. С. Алексеев. — М.: Юрист, 2008. — 472 с.
2. Братусь, С. Н. Юридические факты в советском гражданском праве / С. Н. Братусь. — М.: Госюриздат, 1958. — 184 с.
3. Васильев, А. М. Недействительные сделки в гражданском праве России / А. М. Васильев. — М.: Статут, 2012. — 256 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Дозорцев, В. А. Сделки и представительство по советскому гражданскому праву / В. А. Дозорцев. — М.: Госюриздат, 1960. — 312 с.
6. Забелин, С. С. Недействительность сделок: теория и практика / С. С. Забелин. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. — 198 с.
7. Крашенинников, П. В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части 1–4 / П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2023. — 1344 с.
8. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. — М.: Статут, 2003. — 512 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
10. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — М.: Статут, 2005. — 672 с.

Правовой аспект преступлений, связанных с экстремистской деятельностью

Рашидова Манзурахон Орифовна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор
 Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В данной работе рассматривается правовой аспект преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, а также различные подходы государства к борьбе с экстремизмом.

Стремительный рост экстремистской преступности в последнее время является одной из глобальных проблем и угроз безопасности населения, в связи с чем перед всем мировым сообществом возникает задача по разработке специальных комплексных методик для ее минимизации, а в наилучшем прогнозе — с целью полного искоренения такой преступности [1].

Под экстремистскими преступлениями следует понимать особую категорию преступлений, составом которых выступает деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, попытку подрыва государственного суверенитета и целостности, угрозу жизни и здоровью граждан, а также дестабилизацию общественно-политической ситуации, сопряженную с не-

посредственным насилием, как прямого (например, теракты), так и косвенного (распространение через каналы различных средств массовой информации экстремистских идеологий, вовлечение в занятие экстремистской деятельностью, как правило, наиболее уязвимых слоев населения, создание экстремистских группировок).

Методы борьбы с экстремизмом ввиду национального законодательства, уровня экономического развития, политической системы, а также в зависимости от устоявшегося опыта и международной практики, осуществляется в государствах по-разному. Для одних из их приоритетными являются жесткие меры, такие как назначение максимальных сроков наказаний по таким преступлениям, усилением контроля за общественным порядком, для других — приоритетны профилактические мероприятия, а также исследования по выяснению причин, способствующих развитию экстремистской преступности [3].

Международное сотрудничество занимает ключевое положение в случае борьбы с экстремизмом. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций (далее — ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее — ОБСЕ) и другие, являются основными координаторами усилий государств по противодействию терроризму и экстремизму, осуществляющими обмен информацией, разработку совместных стратегий и комплексных программ.

Международный опыт по борьбе с экстремистскими преступлениями заключается в осуществлении мировым сообществом определенных действий.

1. Издание Конвенций и соглашений.

На международной арене издано множество конвенций и соглашений, направленных на противодействие экстремизму и терроризму. Одним из основных документов является Конвенция ООН по борьбе с терроризмом, которая была принята с целью укреплению глобальной безопасности. Данной конвенцией определяются основные понятия, связанные с терроризмом, и устанавливаются правила поведения для государств в области предотвращения террористических актов [6].

Кроме того, резолюции Совета Безопасности ООН играют важную роль в борьбе с экстремизмом.

Например, Совет Безопасности резолюцией 1373 постановил, что акты международного терроризма представляют собой угрозу для международного мира и безопасности и что все государства должны предпринять особые меры, направленные на предотвращение и пресечение финансирования, а также всех других форм поддержки террористических актов.

В 2004 году Совет Безопасности в своей резолюции 1566 постановил, что преступные действия против гражданских лиц, совершенные с намерением причинить смерть, связанные с причинением серьезных увечий или захватом заложников с целью принуждения правительства или международных организаций совершить или, наоборот, воздержаться от каких-либо действий, никогда не может быть оправдано.

2. Управление финансированием терроризма.

Одна из самых сложных задач мирового сообщества — противодействие финансированию экстремистских и террористических организаций. Эти группы используют финансовые ресурсы для осуществления своих преступных целей, связанных с приобретением оружия, вербовки новых членов, пропаганды и проведения терактов [4].

Центральную роль в разработке и распространении международных стандартов играет Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее — ФАТФ). Созданная в 1989 году по инициативе стран «Большой семерки», ФАТФ первоначально фокусировалась на борьбе с отмыванием денег. Однако после терактов 11 сентября 2001 года полномочия были расширены, включив в себя противодействие финансированию терроризма и, позднее, финансированию распространения оружия массового уничтожения.

3. Сотрудничество правоохранительных органов.

Многие страны создают совместные группы по борьбе с терроризмом и экстремизмом, обмениваются разведывательной информацией и проводят совместные операции. Например, Европейский Союз активно работает над созданием единой базы данных о подозреваемых в экстремистской деятельности [1].

4. Образование и профилактика.

В международной практике также большое внимание уделяется образовательным программам, направленным на предотвращение вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность. Это может включать в себя инициативы по повышению осведомленности о вреде экстремизма и пропаганде толерантности.

Развитие экстремизма в России также является одной из ключевых проблем. Являясь одной из ведущих держав на политической арене, Российская Федерация, в свою очередь, также реализует политику по противодействию терроризма.

1. Законодательство.

В России борьба с экстремизмом регулируется рядом законов, включая Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Этот закон определяет ключевые положения об экстремистской деятельности как особо опасного преступления, устанавливает меры по ее предотвращению и определяет ответственность за такие действия.

2. Национальные программы.

Россия разработала ряд программ, направленных на профилактику экстремизма. Включают в себя мероприятия по социальной адаптации молодежи, борьбе с радикальными идеологиями и поддержке межнационального диалога. Примером можно считать действующую стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [5].

3. Контроль и мониторинг.

В России активно работает система мониторинга интернет-пространства для выявления экстремистских материалов. Роскомнадзор и иные правоохранительные

органы власти имеют полномочия блокировать сайты, содержащие такие материалы.

4. Судебная практика.

В России существует практика уголовного преследования за экстремистскую деятельность. Это включает в себя как уголовные дела против организованных групп, так и дела против отдельных лиц, которые публикуют экстремистские материалы или участвуют в экстремистских акциях.

5. Сотрудничество с международными организациями.

Россия активно участвует в работе международных организаций, таких как ООН и ШОС, для обмена опытом и совместной борьбы с экстремизмом [2].

Россия активно сотрудничает с международными организациями в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом, но при этом применяет собственные методы

и подходы, которые иногда подвергаются критике со стороны международного сообщества.

Таким образом, борьба с экстремистскими преступлениями требует комплексного подхода, который включает в себя как правовые меры, так и профилактические инициативы.

Международный опыт показывает, что сотрудничество между государствами и организациями является ключевым элементом в этой борьбе.

В России также предпринимаются значительные усилия для борьбы с экстремизмом, однако важно продолжать развивать законодательство и практики, учитывая новые вызовы в этой области [1].

Таким образом, борьба с экстремизмом становится многоуровневым процессом, требующим согласованных усилий на глобальном, национальном и местном уровнях.

Литература:

1. Бааль, Н. Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства / Н. Б. Бааль. – Российский следователь, 2020. — № 12. — С. 43–44.
2. Бастрыкин, А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму / А. И. Бастрыкин. — Актуальные проблемы российского права, 2021. — № 6. — С. 168–169.
3. Бидова, Б. Б. Проявление экстремизма в преступлениях / Б. Б. Бидова. — М.: Амалфея, 2016. — 74 с.
4. Иванов, П. И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) / П. И. Иванов. –Безопасность бизнеса. — 2019. — № 4. — С. 45–46.
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) (ред. от 29.05.2020) // СПС «Консультант плюс».
6. Фридинский, С. Н. Экстремизм как форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский. — Юридический мир, — 2017. — № 6. — С. 17–18.

Психологические механизмы преступлений, связанных с экстремистской деятельностью

Рашидова Манзурахон Орифовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В данной работе рассматриваются психологические механизмы вовлечения в экстремистскую деятельность.

Вовлечение в экстремистскую деятельность — сложный процесс, обусловленный взаимодействием социальных, политических и, что особенно важно, психологических факторов. Понимание этих психологических механизмов критически важно для разработки эффективных стратегий противодействия [3].

Основными психологическими механизмами вовлечения в экстремистскую деятельность являются:

1. Поиск идентичности и принадлежности.

Большинство людей, в особенности подавляющая часть молодежи, психологически предрасположены к вечному поиску личности и пониманию и идентификации самого

себя, испытывают чувство неуверенности, одиночества и поиска своего места в мире. Экстремистские группы, пользуясь слабостью отдельных категорий населения, навязывают идеологию о готовой идентичности, чувстве принадлежности к сообществу «избранных», сильной социальной связи и ощущения значимости, что особенно привлекательно для тех, кто ощущает себя отвергнутым.

2. Идеологическая обработка и манипуляция.

Экстремистские организации формируют у психически неустойчивых людей, неосознанно поддающихся негативному влиянию, определенное мировоззрение, используя при этом мощные пропагандистские инструменты: розжиг

ненависти и стимулирование враждебности к чему или кому-либо, обесценивание альтернатив, культ личности лидера практически в религиозном фанатизме [1].

3. Групповое давление и социальное доказательство.

В экстремистских группах создается атмосфера сильного группового давления, стремления к конформизму и подчинению. Действия большинства воспринимаются как правильные и оправданные, даже если они противостоят личным убеждениям или моральным принципам. Социальное доказательство (восприятие действий других членов группы как нормы) усиливает это давление.

4. Эскалация вовлеченности.

Постепенное вовлечение в экстремистскую деятельность начинается с участия в относительно безобидных мероприятиях (например, посещение митингов) и постепенно переходит к более радикальным действиям. Механизм «скользкой дорожки» делает отказ от участия всё сложнее.

5. Мотивация мести и возмездием.

Разожжённые чувства несправедливости, обиды, желание отомстить за реальные или мнимые обиды могут стать роковыми мотиваторами для вовлечения в экстремистскую деятельность. С целью противодействия экстремизму, мировым сообществом на регулярной основе разрабатываются и обновляются комплексные методики, обязательные к внедрению всеми государствами в механизм борьбы с экстремистскими преступлениями.

С психологической точки зрения в качестве путей нейтрализации психологических механизмов с учетом имеющегося мирового опыта можно определить [6]:

1. Работа с идентичностью и самооценкой.

Такая работа представляет собой меры, направленные на развитие уязвимых категорий лиц, особенно молодежи, стабилизация чувства собственного достоинства, помощь в самоидентификации вне контекста экстремистской группы, формирование позитивной самооценки и уверенности в себе. Деятельность по развитию личности вне экстремистского поля реализуется через психологическое консультирование, разработку индивидуальных программ личностного роста и социализации.

2. Критическое мышление и медиаграмотность.

Обучение навыкам критического анализа информации, распознаванию пропаганды и манипуляции, развитие способности к объективной оценке ситуации и самостоя-

тельных суждений. — все это способствует повышению правовой культуры и самоосознанностью населения, которые могли бы минимизировать вовлечение граждан в экстремистскую деятельность. Гражданами должны проводиться дополнительное изучение источников информации, оценка их достоверности и поиск альтернативных точек зрения.

3. Программы дерадикализации [2].

В качестве меры по противодействию экстремизму, государством должны разрабатываться и доводиться до сведения населения специальные программы, направленные на изменение убеждений и поведения людей, вовлеченных в экстремистскую деятельность. Эти программы должны включать в себя индивидуальное и групповое консультирование, работа с травмами, ресоциализация и помощь в трудоустройстве.

4. Укрепление социальных связей.

Создание сильных социальных связей в рамках сообщества, где человек ощущает поддержку и принятие, что снижает привлекательность экстремистских групп с большой вероятностью может снизить процент граждан, которые могли бы и вступили в деятельность, связанную с экстремизмом.

5. Профилактика экстремизма.

Профилактические мероприятия по раннему выявлению и предотвращению вовлечения уязвимых категорий людей в экстремизм позволят издаваемым программам работать наиболее эффективно. Выявленные лица должны подвергаться особым консультационным работам с квалифицированными специалистами. Немаловажной деятельностью по профилактике экстремизма является проведение работы с семьями, внедрение в образовательные программы в школах и университетах отдельных предупреждающих предметов и дисциплин, осуществление мониторинга социальных сетей и интернета [5].

Таким образом, важно понимать, что борьба с экстремизмом — комплексная задача, требующая междисциплинарного подхода и координации усилий различных ведомств и организаций. Психологические методы противодействия являются лишь одной из важных составляющих этой работы. Они должны применяться в сочетании с правоохранительными мерами и социальными программами.

Литература:

1. Алдохина, В. В. Субъект в преступлениях экстремистской направленности и криминологические признаки личности преступника, совершающего эти деяния / В. В. Алдохина. — ЮП, 2017. — № 1 (80). — С. 54–58.
2. Бааль, Н. Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства / Н. Б. Бааль. — Российский следователь, 2020. — № 12. — С. 43–44.
3. Бастрыкин, А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму / А. И. Бастрыкин. — Актуальные проблемы российского права, 2021. — № 6. — С. 168–169.
4. Бидова, Б. Б. Проявление экстремизма в преступлениях / Б. Б. Бидова. — М.: Амалфея, 2016. — 74 с.
5. Луговенко, Т. С. Криминологические технологии изучения масштабов и механизмов вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность / Т. С. Луговенко. — Общество и право, 2017. — № 4 (62). — С. 113–118.

6. Столяренко, А. М. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А. М. Столяренко. — Психология и право, 2019. — № 4. — С. 75–89.
7. Харзинова, В. М. Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи / В. М. Харзинова. — Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. — Том 8. — № 4. — Часть 1. — С. 66–69.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (572) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 04.06.2025. Дата выхода в свет: 11.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.